

ISSN 2713-2730

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «НАБЕРЕЖНОЧЕЛНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

Набережночелнинского государственного
педагогического университета

ИСТОРИЯ

HISTORY

BULLETIN

of Naberezhnye Chelny
State Pedagogical University

5 (58) 2025

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «НАБЕРЕЖНОЧЕЛНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Научно-теоретический журнал

ВЕСТНИК

Набережночелнинского государственного
педагогического университета

№5 (58) • Декабрь • 2025

Scientific and Theoretical Journal
BULLETIN
of Naberezhnye Chelny
State Pedagogical University

№5 (58) • December • 2025

Научно-теоретический журнал

ВЕСТНИК

Набережночелнинского государственного
педагогического университета

ISSN: 2713-2730

№5 (58) • Декабрь • 2025

Издается с 1995 г. До 2016 года назывался «Вестник НГПИ»

Учредитель: ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет»

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА:

Главный редактор:

Галиакберова А.А., кандидат экономических наук, доцент

Зам. главного редактора:

Мухаметшин А.Г., доктор педагогических наук, профессор

Научный редактор:

Асратян Н.М., кандидат философских наук, доцент

Редактор, корректор:

Идиятуллина А.И., начальник редакционно-издательского отдела

Дизайн/верстка:

Идиятуллина А.И., начальник редакционно-издательского отдела

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Виноградов Андрей Владиславович, PhD, старший научный сотрудник, сетевой исследовательский центр «Человек, природа, технологии», Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

Дырин Сергей Петрович, доктор социологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «НГПУ», г. Набережные Челны, Республика Татарстан, Россия

Керимов Айюб Севдим - Оглы, доктор философских наук, профессор, Азербайджанский Технический Университет, г. Баку, Азербайджан

Корнилова Ирина Валерьевна, доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «НГПУ», г. Набережные Челны, Республика Татарстан, Россия

Нигамаев Альберт Зуфарович, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «НГПУ», г. Набережные Челны, Республика Татарстан, Россия

Сабиров Ильшат Талгатович, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «НГПУ», г. Набережные Челны, Республика Татарстан, Россия

Хелфаллах Милуд, доктор философских наук, профессор, Университет Мохаммеда Хидера Бискры, г. Бискра, Алжир

Адрес редакции и издательства: 423806, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, ул. Низаметдинова Р.М., д. 28

Контактные телефоны: (8552) 46-62-16. Факс: (8552) 46-97-06. E-mail: rio@tatngpi.ru (с пометкой «Вестник НГПУ»).

ISSN: 2713-2730. Полнотекстовая версия выпуска размещена в свободном доступе в Российской универсальной научной электронной библиотеке (РУНЭБ) elibrary.ru

Подписано в печать 17.12.2025. Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 7.5. Тираж печатный: 50 экз.

Отпечатано в типографии ООО «ДДЦ «Ислам нуры», Республика Татарстан, г. Набережные Челны, ул. Центральная, д. 72.

При цитировании ссылка на журнал обязательна.

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Набережночелнинский государственный педагогический университет»

Scientific and Theoretical Journal

BULLETIN

of Naberezhnye Chelny State
Pedagogical University

ISSN: 2713-2730

№5 (58) • December • 2025

Published since 1995. It was called «Bulletin of NGPI» up to 2016

Founders: Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА:

Head editor:

A. Galiakberova, PhD in economics, associate Professor

Deputy editor:

A. Mukhametshin, Doctor of Pedagogy, Professor

Scientific editor:

N. Asratyan, PhD in Philosophy, Associate Professor

Editor – corrector:

A. Idiyatullina, Head of the Editorial and Publishing Department

Design/coding:

A. Idiyatullina, Head of the Editorial and Publishing Department

BOARD:

Andrey Vinogradov, PhD, Senior Researcher, Network Research Center “Man, Nature, Technology”, Tyumen State University, Tyumen, Russia

Sergey Dyrin, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor
FGBOU VO “NGPU”, Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, Russia

Ayyub Sevdim-Oglu Kerimov, Doctor of Philosophy, Professor,
Azerbaijan Technical University, Baku, Azerbaijan

Irina Kornilova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
FGBOU VO “NGPU”, Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, Russia

Albert Nigamaev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
FGBOU VO “NGPU”, Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, Russia

Ishat Sabirov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
FGBOU VO “NGPU”, Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, Russia

Miloud Khelfallah, Doctor of Philosophy, Professor,
Mohammed Khider Biskra University, Biskra, Algeria

Address of the Editorial Ofce and the Publisher: 28, Nizametdinova Street, Naberezhnye Chelny, 423806

Phone: (8552) 46-62-16. Fax: (8552) 46-97-06. E-mail: rio@tatngpi.ru (with a mark «Vestnik NGPU»).

ISSN: 2713-2730 The full-text version of the edition is placed in free access in the Russian Universal Scientific Electronic Library (RUNEB): elibrary.ru

Signed in for printing 17.12.2025. Format: 60x90 1/8. Printing l. 7.5. Run of 50 copies (Print).

Printed in LLC SBC Islam Nuri. Republic of Tatarstan, Naberezhnye Chelny, Tsentralnaya Street, 72.

When quoting, a reference to the journal is obligatory.

© Federal State Budgetary Institution of Higher Education Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

Содержание

Абуелела М.М., Маликов Р.Ш.	
Социально-политическое состояние Египта в период становления Рифаа ат-Тахтави как просветителя	6
Mohamed M. Abuelela, Rustam Sh. Malikov	
The socio-political state of Egypt during the formation of Rifaa al-Takhtawi as an educator	6
Ахметов И.Р.	
Историко-педагогический генезис и эволюция системы военно-патриотического воспитания и начальной военной подготовки в России	9
Irek R. Akhmetov	
Historical and Pedagogical Genesis and Evolution of the System of Military-Patriotic Education and Initial Military Training in Russia	9
Бурдина Г.М.	
Курс «История России» в обучении студентов неисторических направлений бакалавриата: методологические аспекты и практика реализации в Набережночелнинском государственном педагогическом университете	13
Gulnara M. Burdina	
The course «History of Russia» in Teaching Students of Non-historical Bachelor's Programs: Methodological Aspects and Practice of Implementation at Naberezhnye Chelny State Pedagogical University	13
Бурдина Г.М., Сулейманов Р.Ш.	
Становление и эволюция российско-китайских торговых отношений в XVII–XVIII вв.: от первых контактов к договорной системе	16
Gulnara M. Burdina, Ruslan Sh. Suleimanov	
The Formation and Evolution of Russian-Chinese Trade Relations in the 17th–18th Centuries: From the First Contacts to the Treaty System	16
Джугашвили А.В.	
Перспективы развития гидроэнергетики в Республике Татарстан	20
Anastasia V. Dzhugashvili	
Prospects for the Development of Hydropower in the Republic of Tatarstan	20
Кирушин К.Р., Сафин Д.И.	
К истории следственных изоляторов, подведомственных ФСБ России (1920-е – 2025 гг.)	22
Kirill R. Kirushin, Danil I. Safin	
To the History of Detention Centers under the jurisdiction of the Federal Security Service of Russia (1920s – 2025)	22
Коваленко О.А., Бурдина Г.М.	
Становление Нижнекамского промышленного региона в 1950-1960-е гг.: экономические предпосылки и этапы формирования	26
Oksana A. Kovalenko, Gulnara M. Burdina	
The Formation of the Nizhnekamsk Industrial Region in the 1950s–1960s: Economic Preconditions and Stages of Formation	26
Кондрашин Д.В., Блиняев С.Н.	
Развитие отрасли народного образования в Елабужском уездном земстве Вятской губернии в конце XIX – начале XX вв.	30
Denis V. Kondrashin, Semyon N. Blinyaev	
The Development of the branch of Public Education in the Yelabuga District Zemstvo of the Vyatka Province in the Late 19th – early 20th Centuries	30
Корнилова И.В.	
Персональная история как ресурс приумножения духовного и исторического потенциала России	33
Irina V. Kornilova	
Personal History as a Resource for Enhancing Russia's Spiritual and Historical Potential	33
Москин Н.Д.	
Особенности преподавания базовой информатики у студентов исторических направлений подготовки	36
Nikolai D. Moskin	
Features of Teaching Basic Computer Science to Students of Historical Fields of Study	36
Муртазина Г.Ф.	
Трансформация образовательного пространства в условиях становления платформенной экономики: исторический опыт и современные вызовы (EdTech)	38
Guzeliya F. Murtazina	
Transformation of the Educational Space in the Context of the Formation of the Platform Economy: Historical Experience and Contemporary Challenges (EdTech)	38
Панфилов Н.Г.	
Образ Мусы Джалиля в живописи: искусство как инструмент сохранения исторической памяти и духовного	

наследия	43
Nikolay G. Panfilov	
The Image of Musa Jalil in Painting: Art as a Tool for Preserving Historical Memory and Spiritual Heritage	43
Сабилов И.Т., Сабирова М.И.	
Стратегии интеграции латиноамериканских стран в систему БРИКС в условиях формирующейся многополярности	46
Ishat T. Sabirov, Malika I. Sabirova	
Strategies for the Integration of Latin American Countries into the BRICS System in the Context of Emerging Multipolarity	46
Сабилов И.Т., Сайфуллин Н.Р.	
Эволюция медиаобраза Афганской войны: от советской пропаганды к постсоветской рефлексии (1979-2024 гг.) ...	48
Ishat T. Sabirov, Nasim R. Saifullin	
The Evolution of the Media Image of the Afghan War: From Soviet Propaganda to Post-Soviet Reflection (1979-2024).....	48
Сагитова И.Ф.	
Операция «Труба» в истории Специальной военной операции.....	51
Irina F. Sagitova	
Operation «Trumpet» in the History of Special Military Operations.....	51
Уткин А.А.	
Подготовка конституционного проекта М.Т. Лорис-Меликова.....	53
Aleksey A. Utkin	
Preparation of the Constitutional Draft by M.T. Loris-Melikov	53
Хамматуллина А.М., Сагитова И.Ф.	
Алмаз Хамматуллин: история мужества и героизма.....	58
Alsu M. Khammatullina, Irina F. Sagitova	
Almaz Khammatullin: a Story of Courage and Heroism	58

УДК 37.929+1+9

Абуелела М.М., Маликов Р.Ш.

Социально-политическое состояние Египта в период становления Рифаа ат-Тахтави как просветителя

Статья посвящена исследованию социально-политического состояния Египта первой половины XIX в., которое оказало значительное влияние на формирование мировоззрения и просветительской деятельности выдающегося мыслителя Рифаа ат-Тахтави. Авторы рассматривают исторический контекст эпохи Мухаммеда Али-паши, отмечают культурные изменения и социальные трансформации, происходившие в этот период. Показано, как опыт пребывания ат-Тахтави во Франции способствовал формированию его взглядов на образование, политику и общество. Статья подчеркивает вклад ат-Тахтави в модернизацию образования и создание новых учебных заведений, а также его усилия по популяризации науки и литературы, направленные на преодоление отсталости и укрепление национальной идентичности Египта. В заключение делается вывод о значимости наследия ат-Тахтави для последующего развития египетской культуры и общественной мысли.

Ключевые слова: социально-политическое состояние, Египет, XIX век, Рифаа ат-Тахтави, просветительство, Мухаммеда Али-паша, Французская экспедиция, образование.

Mohamed M. Abuelela, Rustam Sh. Malikov

The socio-political state of Egypt during the formation of Rifaa al-Takhtawi as an educator

The article is devoted to the study of the socio-political state of Egypt in the first half of the 19th century, which had a significant impact on the formation of the worldview and educational activities of the outstanding thinker Rifaa al-Takhtawi. The authors consider the historical context of the era of Muhammad Ali Pasha, note the cultural changes and social transformations that took place during this period. It is shown how the experience of at-Takhtawi's stay in France contributed to the formation of his views on education, politics and society. The article highlights at-Tahtawi's contribution to the modernization of education and the creation of new educational institutions, as well as his efforts to popularize science and literature aimed at overcoming underdevelopment and strengthening Egypt's national identity. In conclusion, it is concluded that the legacy of at-Takhtawi is important for the subsequent development of Egyptian culture and public thought.

Keywords: socio-political state, Egypt, XIX century, Rifaa al-Takhtawi, enlightenment, Muhammad Ali Pasha, French expedition, education.

Шейх Рафаа Рафи ат-Тахтави навсегда сохранится в памяти как великий культурный символ, равнозначный основателям движения Ан-Нахда, видным общественным деятелям и крупным философам своего времени, таким как Аль-Фараби, Ибн Халдун, Жан-Жак Руссо и Монтескье. Будучи просветителем периода Ренессанса, он опережал таких современников, как Аль-Афгани, Мохаммед Абдо, Рашид Риза и Хасан аль-Банн, ставших в свое время знатоками и преобразователями общества. Шейх стал олицетворением первого современного взгляда Востока на Запад и примером организатора активного диалога цивилизаций разных времен.

Во главе научной делегации из 44 студентов, среди которых было много египтян, в 1826 г. в Париж отправился молодой ученый азхарит шейх Рефаа Рафи ат-Тахтави, ставший лидером научного возрождения своего времени. Молодой имам возглавил первую крупную миссию Египта в Европу, цель которой заключалась в изучении современных научных достижений [1; 2].

Во время разговора с доктором Боурингом, представителем британского правительства, Мухаммед Али-паша изложил мотивы отправки таких миссий, пояснив, какую цель преследовал, отправляя молодых первопроходцев за границу: «Они смотрят на вещи своими глазами, практикуются в работе руками, они должны хорошо протестировать ваши ремесла, выяснить, как и почему вы превзошли нас, даже если они проведут достаточно времени среди ваших народов, вернуться на родину и научат мой народ, мне и моим людям есть чему поучиться» [3].

Вероятно, именно благодаря таким качествам, Карл Маркс, живший в одно время с ним, заметил: «Среди всех владельцев тюрбанов в Османской империи лишь у него под головным убором скрывается разумная мысль». Возможно, божественное предопределение и желание достичь духовного лидерства подвигли его стать духовным наставником своего народа, превратившись в лидера современной научной революции [3].

При правлении Мухаммеда Али состоялось семь образовательных поездок в Европу, первая из которых направлялась в Италию в 1809 г., а последующие были направлены во Францию, Бельгию и Великобританию для освоения инженерных наук, военно-морских специальностей, медицинских дисциплин, права, административного управления, химии, переводоведения, сельского хозяйства, физики, математики, полиграфии и искусств. Последняя миссия прошла в 1848 г., незадолго до смерти Мухаммеда Али 12 августа 1849 г. Вопреки некоторым утверждениям,

паша вовсе не являлся сторонником полного разрыва связей с Западом и не стремился оставить страну без влияния иностранной науки и воспитания, т.к. не отправлял собственных детей учиться в Европу [3].

Однако Мухаммед Али постарался временно восполнить этот колоссальный дефицит научных кадров, рассчитывая, что подготовленные молодые специалисты смогут заменить зарубежных преподавателей, военных руководителей и технических специалистов. Тем самым Египет сумел сохранить свою национальную самобытность и уникальность, укрепив связь с собственной историей и культурой, одновременно впитав лучшие достижения европейской науки и техники [4; 5].

Первым египетским посланником в Европе стал Осман Нур ад-Дин-паша, вернувшийся домой после успешного завершения задания по переводу литературных трудов и справочников по военным дисциплинам и смежным областям. Аналогичным образом завершил свою работу и Абдул Рахим Эфенди, который занимался переводом книг о технологиях производства хлопка, функционировании фабрик и устройстве машин.

Видимо, осознавая определенную опасность обучения молодежи за рубежом, Мухаммед Али обратил особое внимание на случай с Адхамом-беем, начальником артиллерийского цеха военной фабрики, которого отправили в Англию изучать технологии. Однако вместо того, чтобы сосредоточиться на изучении производственных процессов, Адхам начал копировать английские манеры поведения, наряды и привычки. Узнав об этом, Мухаммед Али пришел в ярость и незамедлительно отозвал его обратно, возмущенный поступком подчиненного, и заявил: «Я отправил его изучить производство тканей, освоить методы изготовления и привезти знания сюда, а не перенимать чужеземные обычаи и одежду» [3].

В тот период университет Аль-Азхар постепенно приходил в себя после ухода французов, ведь его ведущие ученые получили представление о новейших знаниях и продвинутых вооружениях, имеющихся у французов. Они пришли к выводу, что настала необходимость переосмыслить глобальные научные подходы, руководимые тогда шейхом Хассаном аль-Аттаром, исполняющим обязанности главы университета Аль-Азхар.

Он понимал, что необходим адекватный и взвешенный ответ на реальные требования цивилизационного прогресса и потрясения, вызванные столкновением с современными реалиями. Понимая, что обществу необходимы знания наук своего времени и усиление устойчивости цивилизации посредством овладения такими предметами, как математика и химия, он ошибочно полагал, что сможет преобразовать молодое поколение элиты, привлекая их к изучению законов с позиций нынешних реформаторов, используя всю свою энергию и целеустремленность.

Судьба благоволила шейху Рифаа ат-Тахтави, сделав его одним из первых учеников шейха Аль-Аттара. Вероятно, именно шейх Аль-Аттар провозгласил его достойным исполнять обязанности армейского имама, а позже назначил имамом знаменитой египетской делегации в Париж, где Рифаа проявил упорство, инициативу и старания в исследовательской работе. Именно поэтому Аль-Аттар доверил ему должность руководителя молитв, превратившего Рифаа в духовного лидера, вдохновившего научное движение Египта в новую эру. Подобно своему соратнику шейху Мохаммеду Айяду Тантави, направившемуся на Восток, в Россию, шейх Рифаа устремился на Запад, в столицу Франции.

Он был шейхом, имамом, юристом, переводчиком, основателем, первопроходцем, адмиралом, поэтом, мыслителем. Он писал:

«Сам придумал весёлый квест –
Мои кости благородны от рожденья!
Только приписывать открытия мне –
Это дело атрибуции сомнительной!
Пусть города прославлены широко –
Выделяю труды особо ценные...
Да уничтожаю батальоны быстро –
Так благодарностью сердце моё звенит!
Расширителей полно на авто моих –
От частого катанья колёса блестят.
Познакомься же с искусством вселенной –
Мир постигнуть или в Джихад отправиться».

Одно из удивительных вдохновений пришло, когда уважаемый суфийский шейх Садат внимательно взглянул на молодого шейха Рифаа ат-Тахтави, после чего ободряюще произнес: «Вперед, ты теперь Абу аль-Азм!» Обычно шейх Садат имел привычку снимать почетные звания и передавать их своим последователям, учёным мужам, влиятельным людям, купцам и посетителям его уважаемого собрания, регулярно проводимого в его особняке возле «слоновьего пруда».

От стен Аль-Азхара до улиц Парижа, охватывая сферы образования, юриспруденции, медицины, инженерии, военных наук, лингвистики, редактур и перевода, будь то в Египте, Франции или Судане – везде, где бы ни побывал и какими бы проблемами ни занялся Тахтави, он оставлял след своего таланта и усердия.

Таким образом, исследование социально-политического состояния Египта первой половины XIX в. позволяет глубже понять причины и условия формирования просветительских взглядов Рифаа ат-Тахтави. Период правления Мухаммеда Али-паши ознаменовался масштабными реформами, направленными на модернизацию государства, армии и экономики, что создало благоприятную почву для распространения передовых идей и технологий. Атмосфера открытости и интереса к европейскому опыту, возникшая после французской экспедиции, стала катализатором интеллектуальной активности, выразившейся в творчестве ат-Тахтави. Его деятельность как

УДК 37.013

Ахметов И.Р.

Историко-педагогический генезис и эволюция системы военно-патриотического воспитания и начальной военной подготовки в России

В исследовании осуществляется анализ эволюции системы допризывной подготовки и патриотического воспитания в России, охватывающий временной период с начала XVIII в. по первую четверть XXI в. Автор исследует трансформацию образовательных практик: от создания петровских навигацких школ и элитарных кадетских корпусов, через массовые эксперименты Всевобуча и ОСОАВИАХИМа, к советской системе НВП и, наконец, к современному введению дисциплины «Основы безопасности и защиты Родины».

Ключевые слова: история педагогики, «Основы безопасности и защиты Родины», начальная военная подготовка, патриотическое воспитание, кадетское образование, Всевобуч, ОСОАВИАХИМ, ДОСААФ, национальная безопасность.

Irek R. Akhmetov

Historical and Pedagogical Genesis and Evolution of the System of Military-Patriotic Education and Initial Military Training in Russia

The presented fundamental research carries out a comprehensive historical and pedagogical analysis of the evolution of the system of pre-conscription training and patriotic education in Russia, covering the time period from the beginning of the 18th century to the first quarter of the 21st century. The work is based on the requirements for publication in the "Historical Sciences" series of the NGPU Bulletin and examines the genesis of military education through the prism of socio-cultural and geopolitical challenges of various eras.¹ The author examines in detail the transformation of educational practices: from the creation of Peter the Great's navigation schools and elite cadet corps, through the mass experiments of Vsevobuch and OSOAVIAKHIM, to the Soviet system of NVP and, finally, to the modern introduction of the discipline "Fundamentals of Security and Defense of the Motherland".

Keywords: history of pedagogy, OBZR, initial military training, patriotic education, cadet education, Vsevobuch, OSOAVIAKHIM, DOSAAF, national security.

Проблема подготовки молодежи к защите Отечества в России никогда не была чисто технической задачей обучения владению оружием. На протяжении столетий она являлась стержневым элементом государственной идеологии, механизмом социализации и важнейшим каналом вертикальной мобильности. От того, как государство выстраивало эту систему, напрямую зависела его устойчивость в периоды кризисов. История показывает жесткую корреляцию: эпохи расцвета военного образования (Петр I, Милютинские реформы, 1930-е гг.) предшествовали периодам геополитического триумфа России, в то время как забвение этой функции школы (конец XIX в., 1990-е гг.) неизбежно вело к тяжелым социальным потрясениям и военным неудачам.

Цель данного исследования – на основе исторического материала и академической литературы показать генезис отечественной системы начальной военной подготовки, выявить циклические закономерности её развития и определить место новой дисциплины «Основы безопасности и защиты Родины» (далее ОБЗР) в историческом контексте.

Истоки современной системы подготовки защитников Отечества в России неразрывно связаны с реформаторской деятельностью Петра I. Допетровская Русь не знала институционализированной системы военного образования; обучение ратному делу происходило «от отца к сыну» или непосредственно в полках иноземного строя. Петр Великий, осознав, что современная армия требует не только мускульной силы, но и математического разума, заложил фундамент профессиональной подготовки.

Феномен «потешных полков» (Преображенского и Семеновского) часто воспринимается как детская забава царя, однако с историко-педагогической точки зрения это был уникальный эксперимент по созданию среды опережающего развития. Юный Петр интуитивно нащупал принцип деятельностного подхода: обучение через практику, через игру, максимально приближенную к реальности, с использованием настоящей (хотя и уменьшенной) артиллерии и фортификации. Именно этот принцип «серьезной игры» спустя три столетия ляжет в основу современных военно-спортивных игр и движения «Юнармия» [5].

Учреждение в 1701 г. Школы математических и навигацких наук в Москве стало актом рождения светского профессионального образования в России. Знаменательно, что первое государственное учебное заведение было

именно военным (военно-морским). Указ Петра гласил: «Быть Математических и Навигацких, то есть мореходных хитростно искусств учению». Учебный план сочетал фундаментальную математическую подготовку с сугубо прикладными военными дисциплинами. Здесь мы видим зарождение традиции, которая станет отличительной чертой российского военного образования: инженерная фундаментальность. Российский офицер (а в перспективе и сержант, и подготовленный солдат) мыслился не как бездумный исполнитель, а как технически грамотный специалист [6].

Следующим этапом эволюции стало создание закрытых военно-учебных заведений для дворянства – кадетских корпусов. Первый из них, Сухопутный шляхетский кадетский корпус, был открыт в 1731 г. по инициативе графа Миниха при императрице Анне Иоанновне. Идея была заимствована из Пруссии и Франции, но на русской почве она приобрела особый размах и государственное значение.

Устав корпуса 1732 г. определял его цель: подготовить офицеров, способных служить «с честью и пользой». Образовательная программа была энциклопедической. Кадеты изучали не только артиллерию, фортификацию и экзерциции (строевую подготовку), но и иностранные языки, историю, географию, юриспруденцию, танцы и фехтование.

Анализ деятельности кадетских корпусов XVIII-XIX вв. позволяет выделить ключевые принципы [5]:

1. Кадет находился в стенах корпуса круглосуточно, вся его жизнь была регламентирована уставом. Это создавало мощную воспитательную среду, формирующую корпоративный дух и кодекс чести.

2. Понятие «Родина» персонифицировалось в фигуре Государя, но, по сути, означало Государство. Служение государству было высшей ценностью и единственно достойным занятием для дворянина.

3. Выпускники корпусов часто становились не только военачальниками, но и дипломатами, писателями, учеными (вспомним хотя бы Ф.Ф. Ушакова, М.И. Кутузова, но также и поэтов, вышедших из военной среды).

Однако эта система имела существенный недостаток – она была сословной и элитарной. Основная масса населения (крестьянство) оставалась вне системы допризывной подготовки, проходя обучение лишь после рекрутского набора, который был пожизненным (затем 25-летним) и воспринимался как трагедия, а не как почетная обязанность.

Поражение в Крымской войне (1853-1856 гг.) стало мощнейшим катализатором изменений. Техническая отсталость и отсутствие обученного резерва показали неэффективность рекрутской системы. Военный министр Дмитрий Алексеевич Милютин, блестящий администратор и ученый, провёл реформу, кульминацией которой стал Устав о воинской повинности 1874 г. [7].

Введение всеобщей воинской повинности кардинально изменило роль образования в сфере безопасности. Армия перестала быть кастой; она стала «вооруженным народом». Д.А. Милютин провозгласил принцип: «Солдат должен быть грамотен». Сроки службы сокращались для лиц, имеющих образование. Это создало прямую мотивацию для населения учиться [7].

В этот период в гражданских учебных заведениях (гимназиях, реальных училищах) начинают вводиться элементы военной подготовки. В 1870-х гг. появились уроки «гимнастики военного строя». Педагогическое сообщество того времени активно дискутировало о формате такой подготовки. К.Д. Ушинский и Н.И. Пирогов предупреждали об опасности бездумной муштры, настаивая на том, что военная подготовка должна развивать не только тело, но и дух, воспитывать сознательного гражданина [1].

В начале XX в., особенно после неудачной Русско-японской войны 1904-1905 гг., в обществе возник запрос на усиление патриотического воспитания. Николай II лично патронировал возрождение идеи «потешных». В 1908 г. началось создание «потешных» отрядов при школах и народных домах.

В отличие от элитарных кадетских корпусов, движение «потешных» было демократичным. В него вовлекались дети крестьян и рабочих. Программа включала строевую подготовку, изучение ружья, военные игры на местности, изучение русской военной истории. Проводились высочайшие смотры «потешных» в Санкт-Петербурге [1].

Однако движение «потешных» столкнулось с конкуренцией со стороны скаутского движения (разведчества), пришедшего из Англии. Скаутинг предлагал более гибкую, игровую форму активности, ориентированную на выживание в природе и рыцарский этос помощи ближнему, тогда как «потешные» часто скатывались в сухую строевую муштру.

Первая мировая война 1914-1918 гг. подвёл черту под имперским периодом. Несмотря на патриотический подъем первых месяцев, отсутствие глубокой идеологической подготовки масс и затяжной характер войны привели к разложению армии. Оказалось, что научить стрелять недостаточно; нужно научить понимать, за что ты стреляешь [1].

После событий Октября 1917 г. большевики, разрушив старую армию, столкнулись с необходимостью защиты революции. Декрет ВЦИК от 22 апреля 1918 г. «Об обязательном обучении военному искусству» ввёл систему Всевобуча (Всеобщего военного обучения) [1].

Это был беспрецедентный социальный эксперимент. Государство поставило задачу обучить военному делу всё трудящееся население в возрасте от 18 до 40 лет без отрыва от производства. При органах Всевобуча создавались не только пункты военного обучения, но и спортивные клубы. Именно из Всевобуча вырос советский массовый спорт (общества «Динамо», ЦСКА) [1].

В школах вводилась допризывная подготовка. Особенностью этого периода была жёсткая идеологизация. Военная подготовка рассматривалась как часть классового боя. Учебные пособия того времени учили не просто тактике, а тактике гражданской войны (уличные бои, борьба с партизанами).

В 1927 г. разрозненные военно-спортивные общества были объединены в ОСОАВИАХИМ (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству). 1930-е гг. стали, пожалуй, самым эффективным периодом в истории отечественного военного воспитания.

В условиях нарастающей военной угрозы школа была фактически военизирована. Но это делалось не принудительно-административно, а через создание романтического образа защитника. Профессия военного, особенно лётчика и танкиста, стала престижной мечтой каждого подростка.

Система значков ГТО («Готов к труду и обороне»), «Ворошиловский стрелок», ПВХО (Противовоздушная и химическая оборона) создала чёткую систему мотивации. Молодой человек без значка «Ворошиловский стрелок» воспринимался как социально неполноценный [3].

Послевоенный период характеризовался поисками новых форм. В 1962 г. допризывная подготовка была отменена (хрущёвская оттепель, ставка на ракетно-ядерный щит), но опыт показал ошибочность этого решения. Срок службы сократился до 2 лет, и армия не успевала обучать призывников сложной технике с нуля.

В 1967 г. с принятием нового Закона «О всеобщей воинской обязанности» начальная военная подготовка (НВП) вернулась в школы на системной основе. Была создана мощная материальная база: в каждой школе появился военный кабинет, оружейная комната с учебными автоматами Калашникова, малокалиберные винтовки, противогазы, дозиметры [3].

Фигура военрука (военного руководителя) стала знаковой. Это был штатный заместитель директора по военно-патриотическому воспитанию, как правило, отставной офицер. Он вносил в «женское царство» школы мужское начало, дисциплину и армейский порядок.

Особую роль играли военно-спортивные игры «Зарница» (для пионеров) и «Орлёнок» (для комсомольцев). Это были масштабные учения с привлечением армии, бронетехники, холостой стрельбы. Финалы игр были общенациональными событиями.

Однако к 1980-м гг. система начала давать сбои. На фоне застоя в обществе и непопулярной войны в Афганистане, уроки НВП часто превращались в формальность. Изучалась устаревшая техника, занятия сводились к зубрежке уставов и бесконечной разборке-сборке автомата на время, без понимания реальной тактики. Тем не менее, массовое владение оружием и основами ГО оставалось на высоком уровне [3].

Распад Советского Союза в 1991 г. повлёк за собой крушение всей идеологической надстройки. В образовании возобладали либерально-гуманистические тенденции. НВП была объявлена пережитком «тоталитарного милитаризма» и отменена. Должность военрука упразднена, оружейные комнаты ликвидированы (часто варварским способом – макеты распиливались или сдавались в МВД).

На смену НВП пришёл курс «Основы безопасности жизнедеятельности» (ОБЖ). Концептуальный сдвиг был фундаментальным: фокус сместился с защиты Государства на безопасность Личности. Учебники ОБЖ 1990-х гг. учили выживать в условиях криминальных разборок, техногенных катастроф, природных бедствий, но практически не упоминали о долге перед Родиной. Раздел «Основы военной службы» сохранялся лишь как факультативный или урезанный модуль в старших классах, который часто вели учителя биологии или физкультуры, не имеющие никакого отношения к армии.

Последствия этого решения проявились во время Первой Чеченской кампании (1994-1996), когда в армию приходили призывники, морально и технически не готовые к боевым действиям. Отсутствие начальной подготовки стоило тысяч жизней.

Осознание того, что пацифизм в одностороннем порядке не работает, пришло в начале 2000-х гг. Расширение НАТО на Восток, серия террористических актов (особенно трагедия в Беслане в 2004 г.) заставили руководство страны пересмотреть подходы к безопасности.

Началась реализация государственных программ патриотического воспитания. Стали возрождаться кадетские корпуса (теперь уже в системе Минобрнауки, МВД, ФСБ). В 2016 г. было создано Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «Юнармия», которое начало заполнять вакуум внешкольной подготовки. В школы вернулась сдача норм ГТО.

Однако школьный предмет ОБЖ оставался инерционным. Он по-прежнему фокусировался на пожарах и наводнениях, игнорируя реалии гибридных войн, информационного противоборства и изменения характера современных конфликтов. Разрыв между реальной геополитической обстановкой и школьной программой становился критическим.

Начало Специальной военной операции (СВО) в 2022 г. окончательно обнажило необходимость коренной реформы. Стало очевидно, что безопасность личности невозможна без безопасности государства. В 2024 г. было принято решение о трансформации курса ОБЖ в дисциплину «Основы безопасности и защиты Родины» (ОБЗР).

Само название дисциплины глубоко символично. Оно объединяет гуманистический посыл ОБЖ («Основы безопасности») и государственно-патриотический императив НВП («Защита Родины»). Это попытка диалектического синтеза: мы не отказываемся от ценности человеческой жизни, но утверждаем, что высшей формой защиты этой жизни является готовность защитить свой Дом и свою Страну.

Федеральная рабочая программа по ОБЗР, утвержденная Минпросвещения РФ, представляет собой модульную структуру, где классические темы безопасности (в быту, на транспорте, в цифровой среде) органично переплетаются с блоком начальной военной подготовки [11].

ОБЗР 2024 г. – это дисциплина, адаптированная к реалиям войн XXI столетия. Анализ программы позволяет выделить ключевые инновации, отличающие её от советских предшественников.

1. Беспилотные летательные аппараты (БПЛА).
2. Информационная безопасность и гибридные войны.
3. Тактическая медицина.

Введение ОБЗР ставит перед системой образования масштабные задачи. Требуется переоснащение кабинетов: закупка учебных дронов, макетов гранат, современных аптечек, симуляторов стрельбы. Создаются учебно-методические центры военно-патриотического воспитания молодежи.

Проведенный историко-педагогический анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Развитие системы военной подготовки в России носит циклический характер, жёстко детерминированный внешними угрозами. Каждый виток реформ (Петр I – Милютин – Всеобуч – НВП – ОБЗР) выводит систему на новый качественный уровень, расширяя социальную базу и усложняя содержание.
2. Современная дисциплина «Основы безопасности и защиты Родины» является исторически обоснованным ответом на вызовы времени. Она синтезирует лучшие традиции имперского (нравственный стержень, понятие чести), советского (массовость, техническая грамотность) и постсоветского (внимание к личности, безопасность жизнедеятельности) периодов.

Литература:

1. Алехин, И. А. Развитие военного образования в России: историко-педагогический аспект / И. А. Алехин // Мир образования – образование в мире. – 2013. – № 2. – С. 15-21.
2. Беляев, А. В. Социально-педагогические основы формирования гражданственности учащейся молодежи: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / А. В. Беляев. – Ставрополь, 1997. – 38 с.
3. Васильев, В. А. Очерки истории военного обучения в советской школе (1918-1940 гг.) / В. А. Васильев. – М.: Просвещение, 2005. – 180 с.
4. Головин, Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне / Н. Н. Головин. – М.: Кучково поле, 2001. – 440 с.
5. Каменев, А. И. История подготовки офицерских кадров в России / А. И. Каменев. – М.: ВПА, 1990. – 162 с.
6. Лутовинов, В. И. Военно-патриотическое воспитание российской молодежи: история и современность / В. И. Лутовинов. – М.: РАГС, 2010. – 256 с.
7. Милютин, Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860-1862 / Д. А. Милютин. – М.: Студия ТРИТЭ, 1999. – 558 с.
8. Приказ Министерства просвещения РФ от 19.03.2024 № 171 «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства просвещения Российской Федерации, касающиеся федеральных образовательных программ...». – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202404120003> (дата обращения: 05.11.2025).
9. Распоряжение Правительства РФ от 03.02.2010 № 134-р (ред. от 30.10.2021) «О Концепции федеральной системы подготовки граждан Российской Федерации к военной службе на период до 2030 года» – Режим доступа: <https://mcvp.ru/wp-content/uploads/2024/08/rasporyazhenie-pravitelstva-rf-ot-03.02.2010-№-134-r-red.-ot-30.10.21-o-konczepczii-federalnoj-sistemy-podgotovki-grazhdan-rf-k-voennoj-sluzhbe.pdf> (дата обращения: 05.11.2025).
10. Смирнов, А. Т. Основы безопасности жизнедеятельности: педагогические инновации и традиции / А. Т. Смирнов // Педагогика. – 2018. – № 6. – С. 45–52.
11. Федеральная рабочая программа среднего общего образования. Основы безопасности и защиты Родины. – М.: Институт стратегии развития образования, 2024. – Режим доступа: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2024/03/frp-obzr_10-11_22032024.pdf (дата обращения: 05.11.2025).

Об авторе:

Ахметов Ирек Рифатович, преподаватель, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Россия, irek377@gmail.com

About the author:

Irek R. Akhmetov, Lecturer, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russia

УДК 93/94

Бурдина Г.М.

Курс «История России» в обучении студентов неисторических направлений бакалавриата: методологические аспекты и практика реализации в Набережночелнинском государственном педагогическом университете

В статье рассматриваются методологические и практические аспекты преподавания курса «История России» студентам неисторических специальностей, педагогического направления в условиях реализации новых государственных стратегий в сфере образования и национальной политики. На примере работы со студентами филологического направления бакалавриата Набережночелнинского государственного педагогического университета (НГПУ) анализируются подходы обучения истории России во взаимосвязи с профессионально-ориентированным обучением, в контексте государственной образовательной и национальной политики. Автор описывает интегративные педагогические технологии, которые совмещают обучение отечественной истории, с литературой и региональной историей, и показывает их эффективность в формировании общероссийской гражданской идентичности, критического мышления и системы традиционных духовно-нравственных ценностей у будущих педагогов.

Ключевые слова: историческое образование, региональная история, педагогическое направление, традиционные российские ценности, общероссийская гражданская идентичность, интегративные методы обучения.

Gulnara M. Burdina

The course «History of Russia» in Teaching Students of Non-historical Bachelor's Programs: Methodological Aspects and Practice of Implementation at Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

The article discusses the methodological and practical aspects of teaching the course «History of Russia» to students of non-historical specialties and the pedagogical field in the context of the implementation of new state strategies in the field of education and national policy. Based on the experience of working with students of the philology department of the Naberezhnye Chelny State Pedagogical University (NSTU), the article analyzes the approaches to teaching the history of Russia in relation to professional-oriented education and the context of state educational and national policy. The author describes integrative pedagogical technologies that combine teaching Russian history, literature, and regional history, and demonstrates their effectiveness in shaping a national civic identity, critical thinking, and a system of traditional spiritual and moral values among future teachers.

Keywords: historical education, regional history, pedagogical direction, traditional Russian values, all-Russian civic identity, and integrative teaching methods.

Современный этап развития исторического образования в Российской Федерации характеризуется его существенной трансформацией, обусловленной вызовами геополитического характера. Данный процесс связан с реализацией ряда основополагающих государственных документов, определяющих стратегические ориентиры в гуманитарной и образовательной политике. Принципиальное значение для данного исследования имеет Указ «Об основах государственной политики в сфере исторического просвещения», который прямо закрепляет ключевую роль исторического образования в защите национальных интересов, противодействию фальсификациям истории и формировании у граждан, особенно молодежи, целостного представления о прошлом России [10]. Этот документ синхронизирован с положениями Указа «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», актуализирующего задачи защиты исторической правды и формирования общероссийской гражданской идентичности на основе базовых ценностей [9]. Указ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» развивает и конкретизирует эти установки, выдвигая в качестве приоритетов укрепление единства многонационального народа, противодействие фальсификациям истории и воспитание патриотизма [11].

Таким образом, преподавание истории студентам неисторических направлений, в особенности будущим педагогам – выпускникам педагогического вуза, становится элементом общегосударственной задачи. Их профессиональная деятельность будет напрямую связана с воспроизводством культурных кодов и формированием мировоззрения будущих поколений. В связи с этим необходима разработка методической модели преподавания курса «История России» для обучающихся неисторических направлений бакалавриата, адекватной современным требованиям государственной политики в сфере исторического просвещения, сохранения традиционных ценностей и укрепления национального единства.

Проблематика трансформации исторического образования в высшей школе в свете новых мировоззренческих и нормативных вызовов активно разрабатывается в отечественной науке последних лет. Ряд работ посвящен осмыслению и методической интерпретации традиционных ценностей в образовательном процессе [1,2]. Авторы справедливо указывают на риски декларативности и предлагают конкретные методические приемы «погружения» в ценностный контекст через работу с биографиями, документами эпохи и локальной историей. Проблеме сохранения традиционных ценностей отечественного педагогического образования, в том числе на основе исторического материала посвящены исследования ученых Российской академии образования [3]. Проблемы национальной политики и истории как инструмента формирования гражданской идентичности также в фокусе внимания отечественных исследователей [4, 5].

В работах О.Ю. Стреловой на примере российских полиэтничных регионов, исследуются модели преподавания истории, акцентируются ценности культурного многообразия, взаимоуважения, диалога культур [6, 7]. Автор подчеркивает важность регионального компонента, но в контексте демонстрации исторического единства и взаимовлияния. Этот подход является методологической основой для адаптации курса «История России» в НГПУ. Интеграция регионального компонента в общероссийский исторический нарратив позволяет студентам осмысливать историю края как неотъемлемую часть истории страны. Будущий учитель должен не только знать историю, но и уметь осмысливать ее с позиции воспитательных задач.

В интервью «Литературной газете» доктор исторических наук, профессор А.В. Лубков отметил важную составляющую исторического образования – это использование в преподавании отечественной истории литературных произведений [8]. Студенты филологического направления НГПУ обладают сформированным гуманитарным мышлением, развитыми навыками текстового анализа, работы с нарративами. Это создает благоприятные условия для углубленного изучения исторических источников, дискурсов и репрезентаций прошлого. Однако их познавательный интерес зачастую смещен в сторону культурологического и литературного контекста, что требует целенаправленной интеграции исторического материала с историей литературы, языка и общественной мысли для формирования целостной картины отечественной истории. Данному процессу способствуют некоторые практики, применяемые в процессе обучения истории России в вузе.

Изучение макроисторических процессов через призму литературных произведений и публицистики соответствующей эпохи (например, осмысление централизации государства через полемику Ивана Грозного и Андрея Курбского, анализ имперского периода через дихотомию западничества и славянофильства, литературных произведений разных периодов отечественной).

Критическая работа с историческими источниками: анализ документальных и визуальных источников, с применением критики текста и выявления авторской позиции.

Дискуссионные форматы: организация дебатов по дискуссионным вопросам отечественной истории (оценка модернизаций в различные периоды истории России, причины революционных кризисов), с обязательным требованием опоры на фактологическую базу, с подкреплением своей аргументации примерами из литературных произведений и соблюдения принципов научной этики.

Интеграция национально-регионального компонента в рамках курса «История России»: данный компонент не сводится к отдельному модулю, а системно вплетается в канву общероссийской истории. Так, тема формирования многонационального государства рассматривается через включение Казанского ханства в состав России, процессы модернизации XVIII-XIX вв. – через развитие образования и культуры в Казанской губернии, а вклад народов в Победу в Великой Отечественной войне – на примере Татарской АССР как одного из крупнейших промышленных и научных и культурных тыловых центров.

Краеведческий модуль (практико-ориентированный): обязательным элементом курса является посещение студентами историко-краеведческих музеев, например, Набережночелнинского краеведческого музея с последующим написанием аналитического эссе по отдельной экспозиции музея. Данная практика решает несколько задач: 1) материализует исторический процесс через артефакты; 2) иллюстрирует взаимосвязь общероссийской и локальной истории; 3) демонстрирует поликультурность края как микромодель многонационального российского общества. В эссе студенты проводят анализ музейной экспозиции как специфического текста, репрезентирующего прошлое, что напрямую связывает профессиональные филологические компетенции с историческим содержанием.

Проектная деятельность включает студентов в разработку цифровых образовательных продуктов (подкастов, презентаций), посвященных, например, отражению исторических событий в творчестве конкретных писателей или эволюции понятий патриотизма и служения в русской и татарской литературе.

Персонализированный подход изучения истории: акцент на изучение биографий исторических деятелей, ученых, писателей, чьи жизненные траектории воплощают традиционные ценности, включая выдающихся представителей Республики Татарстан (например, Г.Р. Державин, К. Насыри, М. Джалиль).

На основе анализа письменных работ (включая музейные эссе) и анонимного анкетирования 74 респондентов

были получены следующие данные:

1) Повышение учебной мотивации: интеграция исторического и филологического материала, подкрепленная визуальным опытом музея и актуализацией региональной истории, статистически значительно повысила вовлеченность студентов в освоение курса. Учебная мотивация существенно выросла у подавляющего большинства (95 % в сумме), что является ключевым условием для достижения образовательных целей.

2) Глубина исторического понимания и критического мышления: в работах студентов отмечается возросшая способность устанавливать междисциплинарные связи, видеть исторические процессы в культурно-ценностном и полиэтничном контексте. Проведенное анкетирование демонстрирует схожую положительную динамику, при этом у 10-15 % студентов, возможно, требуются дополнительные, возможно индивидуальные, педагогические подходы. Работа с историческими источниками и музейной экспозицией способствовала оттачиванию навыков критического анализа, а фиксация связи «история – литература – язык – регион» укрепила профессиональную рефлексию будущих филологов-педагогов.

3) Формирование ценностных ориентиров и идентичности: в эссе и анкетных данных фиксируется более осознанное и аргументированное обращение к категориям гражданской ответственности, патриотизма, преемственности культурных традиций. Студенты демонстрируют понимание гражданской идентичности как многоуровневой системы, объединяющей общегражданскую (российскую), региональную и этнокультурную составляющие (70 % студентов показали высокий результат).

Проведенное исследование позволяет констатировать, что преподавание курса «История России» для студентов неисторических направлений, в частности будущих учителей русского языка и литературы, родного языка, иностранного языка, должно выстраиваться как целостная методическая система, отвечающая современным социокультурным запросам. Реализация такой системы в НГПУ показала свою эффективность. Однако требует времени и более детальной проработки результатов данного подхода обучения. Представленная модель обучения истории России, сочетающая профессиональную ориентацию, принципы исторического просвещения и государственной национальной политики через региональный компонент, а также интегративные методы обучения, является релевантной. Она может быть адаптирована для других неисторических направлений подготовки в педагогических вузах, внося вклад в решение ключевых задач государственной политики в сфере образования и консолидации российского общества.

Литература:

1. Вяземский, Е. Е. Модернизация общего исторического образования в России в контексте приоритетов государственной образовательной политики и подготовка учителей истории для современной школы / Е. Е. Вяземский // Гусевские чтения – 2025. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики: Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Москва, 26 марта 2025 года. – Ярославль-Москва : ООО «Канцлер», 2025. – С. 482-493.
2. Историческое образование школьников в современной России: актуальные вопросы теории и практики / Л. Н. Алексашкина, Е. Е. Вяземский, О. Ю. Стрелова, О. М. Хлытина. – Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 2025. – 255 с.
3. Васильева, О. Ю. Традиционные ценности современного российского педагогического образования / О. Ю. Васильева, В. С. Басюк, Е. И. Казакова // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. – 2022. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-tsennosti-sovremennogorossiyskogo-pedagogicheskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 01.10.2025).
4. Исаев, И. А. Российский суверенитет и укрепление национального единства / И. А. Исаев, В. Г. Румянцева // Российское право онлайн. – 2023. – № 4. – С. 5-9.
5. Сургуладзе, В. Ш. Россия – государство-цивилизация: к вопросу о концептуальном видении роли страны в доктринальных документах государственного стратегического планирования / В. Ш. Сургуладзе // Власть. – 2023. – Т. 31, № 5. – С. 22-32.
6. Стрелова, О. Ю. Региональная рапсодия: о роли синхронизации курсов региональной истории в обеспечении единого образовательного пространства России / О. Ю. Стрелова // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика: Сборник научных статей XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 28-30 марта 2024 года. – Москва : Издательство ПАРАДИГМА, 2024. – С. 44-52.
7. Стрелова, О. Ю. История малой родины или региона: что актуальнее в условиях ФГОС ОО? / О. Ю. Стрелова // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. – 2024. – № 4. – С. 12-17.
8. Лубков, А. В. Историки выходят из окопов / А. В. Лубков // Литературная газета. – 2022. – № 44 (2-8 ноября).
9. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (дата обращения 11.10.2025).
10. Указ Президента Российской Федерации от 15.07.2024 г. № 566 «Об основах государственной политики в сфере исторического просвещения».

– URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/73989> (дата обращения 11.10.2025).
11. Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 г. № 858 «О Стратегии государственной

национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024> (дата обращения 28.11.2025).

Об авторе:

Бурдина Гульнара Мансуровна, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Россия, burdinagm@yandex.ru

About the author:

Gulnara M. Burdina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russia

УДК 93/94

Бурдина Г.М., Сулейманов Р.Ш.

Становление и эволюция российско-китайских торговых отношений в XVII–XVIII вв.: от первых контактов к договорной системе

В статье исследуется процесс формирования и развития торговых отношений между Россией и Китаем в XVII–XVIII вв. Несмотря на более позднее начало прямых контактов по сравнению со странами Западной Европы, взаимный экономический интерес создал прочную основу для долгосрочного взаимодействия. На основе анализа исторических источников рассматриваются ключевые этапы: первые экспедиции (И. Петлин, Ф. Байков), роль сибирской экспансии, а также дипломатические усилия, завершившиеся подписанием Нерчинского (1689), Буринского и Кяхтинского (оба 1727 г.) договоров. Особое внимание уделяется особенностям торговой политики Цинской империи, проблемам, с которыми сталкивались стороны (логистика, ритуал «коуту», монополии), и эволюции отношений в сторону большей определённости и правового оформления. Исследование позволяет понять исторические предпосылки современных стратегических и торгово-экономических связей между Россией и Китаем.

Ключевые слова: Россия, Китай, торговые отношения, история, XVII–XVIII вв., дипломатия, договоры (Нерчинский, Буринский, Кяхтинский), Кяхта, Сибирь, караванная торговля.

Gulnara M. Burdina, Ruslan Sh. Suleimanov

The Formation and Evolution of Russian-Chinese Trade Relations in the 17th–18th Centuries: From the First Contacts to the Treaty System

The article examines the process of formation and development of trade relations between Russia and China in the XVII–XVIII centuries. Despite the later start of direct contacts compared to Western European countries, mutual economic interest has created a solid foundation for long-term cooperation. Based on the analysis of historical sources, the key stages are considered: the first expeditions (and Petlin, F. Baykov), the role of Siberian expansion, as well as diplomatic efforts that culminated in the signing of the Nerchinsk (1689), Burinsky and Kyakhtinsky (both 1727) treaties. Special attention is paid to the specifics of the Qing Empire's trade policy, the challenges faced by the parties (logistics, the "koutou" ritual, and monopolies), and the evolution of relations towards greater certainty and legal formalization. This research provides insights into the historical background of modern strategic, trade, and economic relations between Russia and China.

Keywords: Russia, China, trade relations, history, 17th–18th centuries, diplomacy, treaties (Nerchinsky, Burinsky, Kyakhtinsky), Kyakhta, Siberia, caravan trade.

Изучение истории становления российско-китайских торговых связей обладает значительной научной и практической актуальностью. Исторический опыт преодоления географических, политических и культурно-

психологических барьеров, выработки договорных механизмов и балансирования между конфронтацией и сотрудничеством представляет ценность для понимания долгосрочной динамики двусторонних отношений. В современном контексте, когда Российская Федерация и Китайская Народная Республика развивают всеобъемлющее стратегическое партнёрство и стремятся к достижению целевых показателей товарооборота, обращение к истокам взаимного экономического интереса позволяет выявить устойчивые модели взаимодействия. Анализ таких исторических проблем, как транзитная зависимость, нетарифные ограничения, поиск оптимальных форматов приграничной торговли и роль государственного регулирования, остаётся практически значимым. Более того, понимание многовековых традиций дипломатического диалога и взаимной адаптации способствует укреплению доверия и прогнозированию траекторий развития современных торгово-экономических, инфраструктурных и инвестиционных проектов.

Среди иностранных держав Россия была далеко не первой, установившей дипломатические и торговые отношения с Китаем. Так, страны Западной Европы начали этот процесс уже в XVI в.: португальские суда прибыли в Китай в 1517 г., испанцы – в 1575 г., голландцы – в 1604 г., а английская Ост-Индская компания – в 1614 г. Непосредственное знакомство России с Китаем началось лишь в 1618 г. с экспедиции Ивана Петлина. Несмотря на сравнительно позднее начало установления прямых отношений, интерес России к Китаю зародился значительно раньше [11, с. 1-2].

Интерес к китайским товарам в России прослеживался уже в XIII-XV вв., о чём свидетельствовали упоминания восточной посуды в духовных грамотах московских князей. Эти товары попадали в Россию через торговые караваны или дипломатические миссии. Существует также мнение, что их завозили монголы [15, с. 1-5].

С XVI в. центр торговли переместился из Новгорода в Москву. Московские князья начали активно взаимодействовать с Персией и Османской империей. Во время дипломатических миссий из этих стран в Москву привозили «китайский фарфор (сулеи, кальяны-кенди), ценные сосуды, мисы, блюда, рассольники, корчажки, стопы, кувшинцы, чарки, достоканы и ковши» [15, с. 7].

В 1582 г. Ермак Тимофеевич начал поход в Сибирь с целью её покорения казаками. Ему удалось захватить столицу Сибирского ханства Кашлык, но закрепить успех он не смог из-за гибели. Этот поход стал шагом к расширению Российского государства на восток и создал предпосылки для будущих контактов с территориями, граничащими с Китаем, и с самим Китаем. Экспедиция Ермака была снаряжена купцами Строгановыми и продвигалась по рекам на восток [10, с. 20-67].

В 1608 г. из Томска отправилось первое русское посольство в монгольские земли. С этого времени город получил неофициальное название «Ворота в Азию». Государство предоставило сибирским городам право направлять отсюда посольства в восточные страны. Царь Михаил Фёдорович приказал томскому казаку Ивану Петлину отправиться с экспедицией в Китай. Иван Петлин был переводчиком, но из-за смутного времени квалифицированных специалистов не хватало, поэтому задание поручили ему [14, с. 65-79]. 22 мая 1618 г. отряд Ивана Петлина выдвинулся из Томска с целью разведки нового пути в Китай, сбора сведений о нём, а также установления дипломатических и экономических отношений с империей Мин. Это было первое русское посольство в Китай. В итоге ему удалось найти сухопутный маршрут из Сибири в Китай. Иван Петлин описал природу (горы, степи, долины), строения (Великая Китайская стена, буддийские храмы, дома), но главное – он получил разрешение от имперских властей на установление торговых связей, хотя и не на постоянной основе [8, с. 1-3].

Китай в этот период не проявлял особого интереса к России и оставался достаточно закрытой страной. XVII в. был сложным для Китая: неурожаи, голод и рост налогов вызвали крестьянские восстания. Однако рубеж XVII-XVIII вв. стал периодом становления прочных китайско-русских отношений. Предпосылками для торговли со стороны России стало падение спроса на русскую пушнину в Европе из-за конкуренции с Англией и Северной Америкой, что побудило искать новые рынки. Китай, обладавший развитыми мануфактурами, также нуждался во внешних рынках сбыта. К 30-40-м гг. XVII в. российские владения настолько приблизились к границам империи Цин, что это создало объективные условия для установления прямых отношений. Инициатором выступала Россия, поскольку Китай придерживался политики изоляции [3, с. 1-7].

В 1654 г. в Китай было отправлено посольство Фёдора Исаковича Байкова. Ему не удалось выполнить задачу по установлению официальных торговых отношений, так как он отказался от совершения унижительного ритуала «коутоу» (церемониал поклонения императору). Тем не менее, русские купцы смогли продать свои товары (алмазы, пушнину, кожу-юфть) и закупить китайские ткани (бархат, камку) на 30 тысяч рублей [9, с. 304-305].

В XVII в. можно выделить несколько ключевых проблем в русско-китайской торговле: 1) долгий и опасный путь через калмыцкие и монгольские земли; 2) риск ограбления караванов; 3) изоляционистская политика Китая («морской и сухопутный запрет»), ограничивавшая ввоз иностранных товаров; 4) отношение цинских властей, считавших Россию вассалом и уделявших внешней торговле второстепенное значение. Несмотря на это, торговля была взаимовыгодной, а некоторые ограничения Россия обходила через посредников – бухарцев и джунгар [11, с. 3-6].

Ситуация изменилась в 1689 г. с подписанием Нерчинского договора о границах и условиях торговли. Согласно пятой статье договора, купцы, имевшие охранные грамоты, могли свободно посещать обе страны для торговли [13, с. 7-10]. Это частично решало проблему ограничений на ввоз товаров.

Дальнейшее улучшение отношений произошло в эпоху правления императоров Канси и Цяньлуна (XVIII в.), считающуюся «золотым веком» империи Цин. Однако внешняя торговля в Китае жёстко контролировалась государством. Император Канси создал полуказённую гильдию «Гунхан», обладавшую монополией на торговлю с

иностранцами. Постепенно вводились и товарные ограничения: в 1716 г. запретили вывоз меди и цинка, в 1733 г. – железа, в 1759 г. – шелковых тканей [7, с. 78-81, 101-105]. Сухопутная торговля с Россией находилась под контролем влиятельных торгово-ростовщических компаний из Шэньси.

Главными центрами торговли со стороны России были Нерчинск, Селенгинск и Кяхта, со стороны Китая – Пекин и Кульджа. Для урегулирования оставшихся территориальных споров 20 августа 1727 г. был подписан Буринский договор, определивший участок границы к западу от реки Аргуни [2, с. 9-10].

21 октября 1727 г. на реке Кяхта был заключён Кяхтинский договор, подтвердивший положения Нерчинского и Буринского договоров. Он зафиксировал границу, разрешил России отправлять торговые караваны в Пекин раз в три года и установил режим беспошлинной приграничной торговли в Кяхте и Цурухайтуе. Договор также юридически оформил деятельность Русской духовной миссии в Пекине [5, с. 10-11].

Кяхтинский договор вывел отношения на новый уровень. Уже в 1732 г. в Россию прибыло китайское посольство во главе с Тоси и Маньдаем для поздравления императрицы Анны Иоанновны с восшествием на престол и укрепления дружественных связей [6, с. 3-7].

В XVIII в. Россия экспортировала в Китай преимущественно пушнину (соболь, бобр, куница, белка), а импортировала шелковые и хлопчатобумажные ткани, фарфор, лаковые изделия и чай [3, с. 4]. Однако и в этот период сохранялись проблемы: 1) оставались неурегулированные спорные участки границы (например, в районе Алтая); 2) Китай периодически закрывал кяхтинскую торговлю в качестве меры давления; 3) сохранялись фундаментальные различия в подходах: Китай рассматривал торговлю как инструмент политического контроля, а Россия настаивала на равноправии и экономической выгоде [11, с. 9-10].

В начале XIX в. целью России стало достижение полностью равноправного дипломатического статуса с Цинской империей. Ослабление Китая после «Опиумных войн» (1839-1842) и поддержка со стороны России способствовали сближению сторон. Во второй половине XIX в. были заключены новые договоры, установившие для русских купцов более благоприятные условия и способствовавшие развитию свободной частной торговли, что ознаменовало переход к качественно новому этапу равноправных отношений [4, с. 5-7].

Таким образом, формирование российско-китайских торговых отношений в XVII-XVIII вв. представляло собой сложный и многогранный процесс, движимый взаимным экономическим интересом, но осложнённый географическими, политическими и ментальными барьерами. Несмотря на более позднее начало прямых контактов по сравнению с европейскими державами, Россия, благодаря сибирской экспедиции и последовательной дипломатической активности, сумела не только установить связи с закрытой Цинской империей, но и закрепить их в системе международных договоров. Нерчинский, Буринский и, особенно, Кяхтинский договоры создали первую правовую основу для регулирования приграничной торговли и территориальных вопросов, став важнейшим инструментом перехода от эпизодических контактов к системным отношениям.

Исторический опыт этого периода демонстрирует сочетание прагматизма и настойчивости российской стороны, с одной стороны, и осторожного, жёстко регламентированного подхода китайской стороны, рассматривавшей торговлю как часть «даннической» системы, – с другой. Постепенное преодоление этих противоречий через дипломатические переговоры и взаимные уступки заложило основу для последующей эволюции взаимодействия. Этот опыт прошлого имеет непреходящее значение для понимания глубины и специфики современных российско-китайских отношений. Умение находить баланс между национальными интересами, выстраивать долгосрочные договорные механизмы и адаптироваться к партнёрской модели управления экономическими связями, проявленное ещё в прошлых столетиях, остаётся актуальным и сегодня. Исторически сложившаяся взаимодополняемость экономик, традиция приграничного взаимодействия и наработанные веками дипломатические практики служат прочным фундаментом для текущего стратегического партнёрства и совместного развития в рамках современных евразийских интеграционных проектов.

Литература:

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). – Ф. 62. – Оп. 62/1. 1732. – Д. 8. – Л. 51 об. – URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/chronicle-of-service/k-istorii-kollegii-inostrannykh-deldokumentalnye-materialy/?sphrase_id=7614 (дата обращения 09.09.2025).
2. Буринский договор. 20 августа 1727 г. Российско-китайские отношения. История и современность. Хрестоматия / Сост. Д.В. Кузнецов. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. – 952 с.
3. Игнатович, В. С. Развитие российско-китайской торговли в конце XVII – первой трети XVIII века по свидетельствам путешественника Лоренца Ланга / В. С. Игнатович // StudArctic Forum. – 2024. – № 3. – С. 51-57. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-rossijsko-kitayskoy-torgovli-v-kontse-xvii-pervoy-treti-xviii-veka-po-svidetelstvam-puteshestvennika-lorentsa-langa> (дата обращения 12.08.2025).
4. Каштанюк, В. А. Эволюция геополитической ситуации России на дальнем востоке в XVIII-XIX веках / В. А. Каштанюк, А. С. Шелудько // Вестник ПГУ им. Шолом-Алейхема. – 2025. – № (56). – С. 106-116. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-geopoliticheskoy-situatsii-rossii-na-dalнем-vostoке-v-xviii-xix-vekah> (дата обращения 07.08.2025).
5. Кяхтинский договор. 21 октября 1727 г. Российско-китайские отношения. История и современность. Хрестоматия / Сост. Д.В. Кузнецов. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. – 952 с.
6. Мороз, И. Т. Первое китайское посольство в С.-Петербурге (1732 г.) / И. Т. Мороз // Восточный архив. – 2010. – № 22. – С. 19-26. – URL: <https://>

- cyberleninka.ru/article/n/pervoe-kitayskoe-posolstvo-v-s-peterburge-1732-g (дата обращения 07.08.2025).
7. Непомнин, О. Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века / О.Е. Непомнин; Ин-т востоковедения. – М.: Восточная литература, 2005. – 712 с. – URL: https://militera.org/books/pdf/common/peromnin_oe01.pdf (дата обращения 07.10.2025).
 8. Панюкова, Г. А. Восстановление экспедиции Ивана Петлина (400-летию установления дипломатических отношений России с Китаем) / Г. А. Панюкова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 4-7 (46). – С. 60-61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vosstanovlenie-ekspeditsii-ivana-petlina-400-letiyu-ustanovleniya-diplomaticheskikh-otnosheniy-rossii-s-kitaem> (дата обращения 10.10.2025).
 9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. Сибирский приказ. – Стлб. 455. – Лл. 304-305. – URL: http://rgada.info/opisi/214-opis_1-3.pdf (дата обращения 07.10.2025).
 10. Ремезов, С. У. Краткая сибирская летопись (Кунгурская) / С. У. Ремезов. – СПб.: Археографическая комиссия, 1880. – 110 с. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003546450?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения 15.10.2025).
 11. Романова, Г. Н. Становление российско-китайских торговых связей (XVII – первая треть XVIII в.) / Г. Н. Романова // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2014. – № 2 (67). – С. 101-112. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-rossiysko-kitayskih-torgovyh-svyazey-xvii-pervaya-tret-xviii-v> (дата обращения 15.09.2025).
 12. Сахаров, А. Н. История внешней политики России: в 5 т. Т. 3. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.) / А. Н. Сахаров. – М.: Академический проект; Парадигма, 2018. – 441 с.
 13. Сборник договоров России с Китаем. 1689-1881 гг. / Изд. Д. Пещуров. – СПб.: Издание Министерства иностранных дел, 1889. – 271 с. – URL: <https://www.prlib.ru/item/442818> (дата обращения 10.09.2025).
 14. Спасский, Г. Сибирский вестник / Изд. Григорием Спасским. – СПб., 1818. – Ч. 2. – 158 с. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_013545445?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения 15.09.2025).
 15. Троцинская, А. В. Китайский фарфор в допетровской Руси: на пересечении культур Востока и Запада / А. В. Троцинская // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2013. – № 16. – С. 246-269. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskiy-farfor-v-dopetrovskoy-rusi-na-peresechenii-kultur-vostoka-i-zapada> (дата обращения 10.09.2025).

Об авторах:

Бурдина Гульнара Мансуровна, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Россия, burdinagm@yandex.ru

Сулейманов Руслан Шерзодович, студент, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Россия, fgruslan34@gmail.com

About the authors:

Gulnara M. Burdina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russia

Ruslan Sh. Suleymanov, Student, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russia

УДК 908

Джугашвили А.В.

Перспективы развития гидроэнергетики в Республике Татарстан

В статье дан анализ перспектив развития гидроэнергетики в Республике Татарстан в сравнении с другими видами энергетики. Рассматриваются вопросы экологии и значимость гидроэнергетики для энергетического комплекса республики, а также возможности улучшения управления водными энергоресурсами и увеличению выработки электроэнергии.

Ключевые слова: ГЭС, гидроэнергетика, экология, «зелёная» энергетика, Республика Татарстан.

Anastasia V. Dzhugashvili

Prospects for the Development of Hydropower in the Republic of Tatarstan

The article provides an analysis of the prospects for hydropower development in the Republic of Tatarstan compared to other types of energy. It examines environmental issues and the significance of hydropower for the republic's energy complex, as well as opportunities for improving water resource management and increasing electricity generation.

Keywords: HPS, hydropower of hydroenergy, ecology, green energy, Republic of Tatarstan.

В настоящее время большое внимание уделяется экологии и теме «зелёной» энергетики, которая является особенно актуальной на фоне роста загрязнения окружающей среды. Одними из самых распространённых видов «зелёной» энергетики являются гидроэнергетика, солнечная энергия и ветровая.

В Республике Татарстан «зелёная» энергетика представлена солнечной энергетикой и гидроэнергетикой.

Солнечная энергетика в республике развивается, но полноценный переход на неё является невозможным ввиду особенностей климата. Тем не менее, в настоящий момент есть два проекта, которые реализуют данное направление в энергетике:

1) проект «Солнечный тюльпан», реализованный на базе Казанского государственного энергетического университета. Установка высотой три метра расположена во дворе университета. С её помощью можно заряжать мобильные телефоны. Сама установка заряжается от солнца;

2) проект энергоснабжения жилых домов, действующий в Азнакаевском районе Татарстана в посёлке городского типа Актюбинский. Представляет собой солнечные электростанции, расположенные на крышах нескольких многоквартирных жилых домов, которые находятся на этапе реконструкции [5, с. 443].

Ветроэнергетика в республике не представлена, но к 2028 г. планируется ввести в эксплуатацию первый ветропарк, который будет расположен в Буинском районе [6, с. 63].

Гидроэнергетика в республике представлена Нижнекамской ГЭС и Карабашской ГЭС, которая относится к малым гидроэлектростанциям (МГЭС).

Малые ГЭС позволяют обеспечивать энергоснабжением потребителей, отделенных от энергосистемы, но у которых есть возможность подключения к энергосистемам местного уровня. Согласно проведённым экономическим исследованиям, можно увидеть, что малые ГЭС являются рентабельными. Себестоимость электроэнергии, которая на них вырабатывается, является практически равной показателям, которые получают от тепловых электростанций. Малые ГЭС строятся с использованием напора уже имеющихся водохранилищ на отдалённых участках энергосистемы [1, с. 64].

Для оценки возможности строительства новых малых ГЭС, был проведён ряд работ по анализу рек и водохранилищ, которые будут наиболее пригодны и перспективны. Такими реками стали Степной Зай, рядом с которым расположены сразу два крупных водохранилища – Заинское и Карабашское, Свяга и Шешма.

Если рассматривать реки по энергетическому потенциалу, то наибольшим обладает река Мензеля, которая впадает в Нижнекамское водохранилище.

Нижнекамская ГЭС входит в состав Волжско-Камского каскада, который включает в себя 13 гидроузлов, которые расположены на реках Кама, Волга, Шексна. Гидроэлектростанции, входящие в состав каскада, представляют собой основу Единой энергетической системы России. Нижнекамская ГЭС вырабатывает около 7-8 % электрической энергии от общего процента выработки на электростанциях [3, с. 29].

Также в стратегии развития топливно-энергетического комплекса Республики Татарстан до 2030 г. говорится о планах строительства малых ГЭС в нескольких районах республики, а именно Камско-Устьинском, Алексеевском, Спасском, Рыбно-Слободском и Верхнеуслонском [4].

В связи с развитием «зелёной» водородной энергетики, была создана «Концепция развития водородной энергетики», согласно которой к 2050 г. Российская Федерация должна занимать наибольшую долю в экспорте

водорода, в связи с чем была выдвинута идея по созданию единого трубопровода для транспортировки водорода на базе ГЭС.

ГЭС позволяют регулировать и стабилизировать энергетические системы через регулирование частоты электрического тока. А также покрывать изменения активной мощности во время «пиковых» нагрузок, осуществлять управление балансом мощностей, тем самым обеспечивая устойчивую работу электросистем [8, с. 267].

Использование альтернативных видов энергетики также оказывает положительное влияние на экологию. Так, согласно проведённых анализов, в Приволжском федеральном округе негативное антропогенное влияние на окружающую среду меньше в семь раз в сравнении с использованием традиционной энергетики, а потребление воды также снижено. Наблюдается значительное снижение выбросов парниковых газов.

Энергетическая эффективность и энергосбережение очень важны для развития экономики Республики Татарстан, так как на её территории сосредоточено большое количество предприятий промышленного сектора. Промышленность потребляет почти 90 % от всего объёма энергетических ресурсов. В связи с этим есть необходимость в постоянном улучшении энергетической инфраструктуры республики и наращивании мощностей на существующих электростанциях, их реконструкции и строительстве новых [8, с. 264].

Для повышения энергоэффективности оборудования, которое применяется на ГЭС, необходимо постоянное техническое обслуживание, а также обновление устаревших частей на новые. Также необходимо внедрять новые технологии в сфере энергетики. Необходимо проводить правильное прогнозирование в плане управления водными ресурсами, за счёт которых и работает ГЭС. Наблюдать за притоками в межсезонье и не только, а также держать под контролем уровень воды и регулировать её сброс.

Соблюдение данных принципов позволит значительно уменьшить затраты на эксплуатацию ГЭС и снизить риск возникновения аварий, что, в свою очередь, приведёт к более эффективному использованию ресурсов станции [7, с. 187].

Также, в связи с появлением новых технологий, таких как искусственный интеллект, можно создать высокоинтеллектуальную систему управления ГЭС, которая позволит оптимизировать работу оборудования на основе реальных условий; значительно сократить время на сбор и обработку данных в режиме реального времени и автоматизировать процесс; делать более точный прогноз по возможному возникновению аварий и их предотвращению и предупреждению возникновения внештатных ситуаций [7, с. 190].

Для осмотра инженерных сооружений ГЭС использовался геодезический метод, на смену которому, с развитием технологий, пришла спутниковая технология, на основе глобальных навигационных спутниковых систем. Данный метод высокоавтоматизирован и постоянно предоставляет информацию об инженерных конструкциях и их смещении. Но так как для данного метода необходимо наличие открытого горизонта, то её не всегда возможно полноценно применить, поэтому лучше использовать обе технологии в совокупности [2, с. 73].

Необходимо также проводить энергетический аудит, в ходе которого можно обнаружить проблемные места в работе ГЭС и разработать мероприятия, направленные на повышение энергетической эффективности. Во время аудита даётся анализ потерь энергии, а также оценивается, в каком состоянии находится оборудование и после завершения приводится ряд рекомендаций по его обновлению [5, с. 442].

Таким образом, внедрение современных технологий и методов работ даёт возможность оптимизации при эксплуатации водных ресурсов, а также уменьшить эксплуатационные затраты и уменьшить влияние на окружающую среду. В условиях постоянно возрастающего спроса на энергию модернизация оборудования является необходимостью при составлении стратегии гидроэнергетики и содействует созданию надёжной энергетической инфраструктуры. Введение современных методов управления, использование интеллектуальных систем и постоянный мониторинг приводят к уменьшению энергопотерь и повышению производительности ГЭС, а соответственно и к увеличению срока службы оборудования.

Гидроэлектростанции, входящие в состав Волго-Камского каскада, необходимо рассматривать как главные управляющие элементы энергосистемы. Гидроэлектростанции из-за своих конструктивных особенностей первоначально были предназначены для управления фундаментальными параметрами – активной мощностью электрического тока и его частотой. Работа гидроэлектростанций, особенно входящих в состав Волго-Камского каскада, всегда соединена с поиском мероприятий по улучшению их работы в части стабилизации электрических параметров и компенсации реактивной мощности. Всё это прямым образом относится к стабильной работе и последующему развитию энергетических систем.

Литература:

1. Арсеньев, Г.С. Гидроэнергоресурсы Российской Федерации и проблемы их использования / Г.С. Арсеньев // Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета. – 2007. – № 4. – С. 60-66.
2. Безбородов, В.Г. Опыт спутникового мониторинга плотины Нижнекамской ГЭС / В.Г. Безбородов, В.В. Бойков, Е.А. Булаева // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. – 2012. – № 4. – С. 72-75.
3. Борисов, М.В. К вопросу о роли и значении гидроэлектростанций, в том числе Волго-Камского каскада, в энергетических системах европейской части СССР-России / М.В. Борисов // Самарский архивист. – 2023. – № 5. – С. 24-37.
4. Закон Республики Татарстан от 6 августа 2019 г. N 62-ЗРТ «Об утверждении Стратегии развития топливно-энергетического комплекса Республики Татарстан

- на период до 2030 года».
5. Зацаринная, Ю.Н. Малые ГЭС – новые точки роста энергетики республики Татарстан / Ю.Н. Зацаринная, Р.Н. Балобанов, О.В. Кулинич // Диспетчеризация и управление в электроэнергетике, Казань, 26–28 ноября 2024 года. – Казань: Казанский государственный энергетический университет, 2025. – С. 442-444.
 6. Кадырмятов, Ю.Р. К вопросу о ветрогенерации в Татарстане / Ю.Р. Кадырмятов, Н.В. Денисова // Вестник Казанского государственного энергетического университета. – 2024. – Т. 16, № 2 (62). – С. 54-69.
 7. Махиянова, А.В. Энергоменеджмент как основа повышения эффективности работы оборудования гидроэлектростанций (гидроагрегатов, гидрогенераторов и др.) / А.В. Махиянова, З.Д. Хабиров // Эффективные системы менеджмента: качество. Биоэкономика. Кадровый и технологический суверенитет: Сборник научных статей XII Международного научно-практического форума, Казань, 19–21 марта 2025 года. – Казань: Издательство «Познание», 2025. – С. 189-192.
 8. Роль возобновляемой энергетики при переходе к углерод-нейтральной экономике: сборник докладов Школы молодых ученых, Москва, 21–22 ноября 2024 года. – М.: ИНЭИ РАН, 2024. – 307 с.

Об авторе:

Джугашвили Анастасия Валерьевна, магистрант, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Россия, tem-24@yandex.ru

About the author:

Anastasia V. Dzhugashvili, Master's student, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russia

УДК 343.81:93+351.746:93

Кирушин К.Р., Сафин Д.И.

К истории следственных изоляторов, подведомственных ФСБ России (1920-е – 2025 гг.)

В статье рассматривается историческая эволюция следственных изоляторов, находящихся в ведении органов государственной безопасности России, с 1920-х по 2025 гг. Анализируется специфика правового статуса, режима содержания и функций данных учреждений в системе НКВД-МГБ-КГБ СССР, а затем – ФСБ России. Особое внимание уделяется периоду после распада СССР, когда, несмотря на формальное приведение деятельности изоляторов в соответствие с новым законодательством, сохранялись их закрытость и особый режим. Исследуется реформа 2015 г., в ходе которой все СИЗО были переданы в подчинение ФСИН России, а также обсуждаются причины и последствия планируемого с 2026 г. частичного возврата специализированных изоляторов центрального подчинения в систему ФСБ. Резюмируется, что история ведомственной принадлежности следственных изоляторов отражает постоянный поиск баланса между оперативными потребностями органов безопасности, требованиями законности и гуманизации пенитенциарной системы.

Ключевые слова: историческое развитие, органы государственной безопасности, пенитенциарная система, следствие, уголовно-исполнительное производство, следственные изоляторы.

Kirill R. Kirushin, Danil I. Safin

To the History of Detention Centers under the jurisdiction of the Federal Security Service of Russia (1920s – 2025)

The article examines the historical evolution of detention centers operated by Russia's state security agencies from the 1920s to 2025. It analyzes the specific legal status, detention regime, and functions of these institutions within the system of the NKVD-MGB-KGB of the USSR and later the FSB of Russia. Special attention is given to the period after the collapse of the USSR, when, despite the formal alignment of the detention centers with the new legislation, their secrecy and special regime remained unchanged. The article examines the 2015 reform, during which all pre-trial detention centers were transferred to the Federal Penitentiary Service of Russia, and discusses the reasons and consequences of the planned partial return of specialized detention centers to the Federal Security Service in 2026. The article concludes that the history of the departmental affiliation of pre-trial detention centers reflects the ongoing search for a balance between the operational

needs of security agencies, the requirements of the rule of law, and the humanization of the penal system.

Keywords: historical development, state security agencies, penitentiary system, investigation, penal enforcement proceedings, pre-trial detention facilities.

Изучение истории следственных изоляторов (СИЗО), подведомственных органам государственной безопасности, имеет высокую научную и практическую значимость в контексте непрерывной трансформации российской правоохранительной и пенитенциарной систем. Данные учреждения, находящиеся на стыке следствия и суда, являются ключевым элементом в обеспечении изоляции лиц, подозреваемых в совершении преступлений, и создании условий для эффективного расследования. Ведомственная принадлежность СИЗО напрямую детерминирует условия содержания, объем прав подследственных и характер досудебного производства. Особую актуальность это исследование приобретает в свете новой законодательной реформы, вступающей в силу с 1 января 2026 г. Принятые Государственной Думой РФ изменения предусматривают частичный, но принципиальный возврат к модели специализированных изоляторов в системе ФСБ России через передачу ей СИЗО центрального подчинения. Анализ исторического опыта и противоречий, связанных с ведомственной принадлежностью данных учреждений, становится критически важным для понимания формирующейся двухуровневой системы содержания под стражей, баланса между оперативной необходимостью, требованиями государственной безопасности и гарантиями прав и свобод личности в уголовном и исполнительном процессах.

Зарождение специализированных мест предварительного заключения органов госбезопасности относится к раннему советскому периоду (1920-е гг.), однако свою классическую форму они обрели в системе Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР (далее – КГБ). В отличие от тюрем и изоляторов МВД, изоляторы КГБ (часто именовавшиеся внутренними тюрьмами или следственными изоляторами) были нацелены на содержание особого контингента: лиц, обвиняемых в государственных преступлениях (шпионаж, диверсия, терроризм, антисоветская агитация и пропаганда и др.), а также, в отдельные исторические периоды, особо опасных преступников [1, с. 51-52]. Правовой статус представленных пенитенциарных учреждений долгое время не был четко регламентирован на законодательном уровне. Деятельность регулировалась преимущественно ведомственными инструкциями и приказами КГБ, что подчеркивало их закрытый, специальный характер [4]. Внутренние тюрьмы КГБ (например, СИЗО Лубянки, Лефортово, «Бутырка», «Кресты» в разные периоды) представляли собой не просто места содержания под стражей, а часть единого механизма следствия. Их режим был строго ориентирован на обеспечение беспрепятственного проведения оперативно-следственных мероприятий. Особенностью сложившегося режима было максимальное ограничение контактов подследственных с внешним миром, включая адвокатов и родственников. Свидания, личные переписки, передачи вещей подвергались жесткому контролю (к примеру, письма подвергались перлюстрации до момента их вручения адресату). Режим содержания варьировался от обычного до строгого и одиночного, причем последний широко применялся для изоляции особо важных для следствия лиц [9, с. 139-140].

Правовая база, регламентирующая деятельность упомянутых изоляторов, по своему характеру была фрагментарной. Основы уголовного судопроизводства и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР распространялись на них лишь постольку, поскольку это не противоречило секретным инструкциям КГБ [3]. Фактически они существовали в «правовом вакууме», где главным законом была целесообразность применяемых действий, определяемая следствием. Кадровый состав изоляторов (охранники, надзиратели) был укомплектован военнослужащими войск КГБ или гражданским персоналом, прошедшим тщательную проверку. Медицинское обслуживание осуществлялось ведомственными медиками, что зачастую ставило под сомнение объективность оценки состояния здоровья подследственных. Важнейшей функцией изоляторов КГБ являлось не столько обеспечение изоляции подозреваемых и обвиняемых, сколько активное содействие следствию в расследовании уголовного дела. Администрация изолятора тесно взаимодействовала со следователями: осуществляла агентурное наблюдение за подследственными, фиксировала их бытовые разговоры. Полученная информация направлялась в следственные органы и могла использоваться в процессе следствия.

В годы массовых репрессий (конец 1930-х гг., послевоенный период) эти изоляторы были переполнены, а режим в них ужесточался до крайних пределов. Сложившаяся практика сохранялась и в последующие периоды (например, в эпоху застоя). Лишь с началом перестройки и принятием новых законов (Закона СССР «О порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц» (1987 г.) и Основ уголовного судопроизводства (1989 г.)) стали появляться формальные механизмы контроля за деятельностью изоляторов, однако реальные изменения были незначительны [4].

Распад СССР и ликвидация КГБ в 1991 г. привели к масштабной реорганизации органов государственной безопасности. На основе бывших структур КГБ РСФСР в 1995 г. была создана Федеральная служба безопасности Российской Федерации. В этот переходный период система следственных изоляторов, доставшихся в наследство от КГБ, претерпела определенные изменения, но во многом сохранила преемственность.

В начале 1990-х гг., в условиях правового хаоса и роста преступности, перед ФСБ России встали новые вызовы: борьба с терроризмом, организованной преступностью, коррупцией, шпионажем. Следственные изоляторы ФСБ (к примеру, СИЗО Лефортово в г. Москве, СИЗО «Кресты-2» в г. Санкт-Петербург) продолжили выполнять функцию содержания лиц, подозреваемых в преступлениях, отнесенных к компетенции органов государственной безопасности. Правовой статус упомянутых учреждений начал постепенно приводиться в соответствие с новым

российским законодательством, прежде всего с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР (а затем и Уголовно-процессуальным кодексом РФ 2001 г.) и Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (1995 г.) [6]. Однако на практике ведомственные инструкции ФСБ по-прежнему имели важное замечание [4]. Ключевой особенностью периода стало противоречие между формальным провозглашением демократических принципов правосудия (презумпция невиновности, состязательность процесса, права защиты) и сохранявшейся закрытостью и особым режимом в СИЗО ФСБ России. Доступ адвокатов, хотя и был формально гарантирован, часто ограничивался необходимостью сохранения государственной тайны или безопасности следственных действий. Контроль со стороны прокуратуры и судов за условиями содержания был ограничен в силу недостатка их полномочий.

СИЗО ФСБ России входили в структуру следственных органов, оперативных управлений службы. Их финансирование, кадровое обеспечение, материально-техническое оснащение осуществлялось в рамках закрытых статей бюджета, что создавало определенные преимущества обеспечения по сравнению с СИЗО Министерства внутренних дел России (далее – МВД России) и Федеральной службы исполнения наказаний Министерства юстиции РФ (далее – ФСИН России), но одновременно усиливало исключительный характер последних. Контингент составляли не только обвиняемые в государственных преступлениях, но и участники уголовных дел, связанных с коррупцией в высших эшелонах власти, финансированием терроризма, деятельностью экстремистских организаций [7].

Значимые изменения в вопросе ведомственной принадлежности следственных изоляторов произошел в 2015 г. [8]. В рамках масштабной реформы правоохранительной системы и реализации курса на централизацию пенитенциарной системы все без исключения СИЗО, включая бывшие изоляторы ФСБ России, были переданы в подчинение ФСИН России. На практике передача изоляторов ФСБ России в ведение последней носила сложный характер. Сотрудники службы, ранее работавшие в СИЗО, либо переводились в другие подразделения, либо увольнялись, либо переходили на службу в ФСИН России; происходила смена руководства, переподчинение систем связи, учета, снабжения. Особо остро стоял вопрос обеспечения безопасности и сохранения государственной тайны. В бывших изоляторах ФСБ России, теперь числившихся как СИЗО ФСИН России (например, СИЗО-2 «Лефортово»), был введен особый режим для лиц, дела которых расследовались следственными органами государственной безопасности. Такой режим подразумевал усиленные меры изоляции, ограничения в передачах вещей и свиданиях, специальный порядок встреч с адвокатами, имеющими допуск к государственной тайне.

Несмотря на эти меры, реформа породила ряд серьезных проблем. Следователи ФСБ жаловались на большой объем бюрократических процедур при организации свиданий с подследственными, сложности с оперативным использованием агентурных возможностей в новых условиях, снижение уровня защищенности помещений для конфиденциальных бесед. Администрация ФСИН России, в свою очередь, столкнулась с необходимостью обслуживать контингент, требующий повышенных мер безопасности, не имея при этом соответствующего опыта и подготовки. Правозащитники же констатировали, что ожидаемого прорыва в гуманизации условий содержания подследственных не произошло: особый режим воспроизводил многие черты прежней системы, а в обычных СИЗО сохранялись имеющиеся проблемы [1, с. 140-141].

К середине 2020-х гг. в среде правоохранительных органов вновь активизировалась дискуссия о целесообразности возвращения части следственных изоляторов под непосредственное управление ФСБ России. Принятые Государственной Думой РФ во втором и третьем чтениях изменения в законодательство, вступающие в силу с 1 января 2026 г., знаменуют собой частичный, но принципиальный возврат к модели специализированных изоляторов в системе органов госбезопасности. Закон предусматривает передачу в ведение ФСБ России следственных изоляторов центрального подчинения ФСИН [5]. Деятельность ФСБ России в условиях борьбы с терроризмом, ростом киберпреступности и экстремизма требует высокой степени секретности и оперативности. Расследование уголовных дел, связанных с государственной изменой, шпионажем или деятельностью иностранных спецслужб, сопряжено с риском утечки информации на любом этапе следствия. Прямой контроль над местом содержания подследственных позволяет ФСБ России полностью управлять информационной средой вокруг последних, минимизировать риски их контактов с внешним миром, оперативно проводить очные ставки и иные следственные действия.

На протяжении последних десяти лет возникают споры о компетенции, ответственности ведомств (ФСБ России, ФСИН России) за случившиеся инциденты (попытки суицида, нарушения режима и др.) на территории пенитенциарных учреждений. В условиях, когда нагрузка на органы безопасности резко возросла, такие административные барьеры начали создавать проблемы в реализации служебных обязанностей обозначенных ведомств. ФСБ России сохранила часть кадрового потенциала, имеющего опыт управления местами предварительного заключения. Вместе с тем, сохранилась и специализированная инфраструктура, которая де-факто уже функционирует в особом режиме. Технически передача нескольких ключевых СИЗО не потребовала бы таких же масштабных преобразований, как в 2015 г.

Итак, история следственных изоляторов в системе органов государственной безопасности России представляет собой непрерывный процесс поиска баланса между оперативной необходимостью и правовыми нормами, между закрытостью, диктуемой интересами государственной безопасности, и требованиями открытости, гуманизации пенитенциарной системы. Советский период закрепил модель, при которой изоляторы были полностью встроены в аппарат принуждения КГБ СССР, являясь инструментом следствия. Правовой статус отмечаемого учреждения был размыт, режим определялся лишь ведомственными инструкциями. Переходный период 1990-х – начала 2000-х гг. сохранил эту модель в адаптированном виде, несмотря на новое действующее уголовное, уголовно-процессуальное

и уголовно-исполнительное законодательство. Реформа 2015 г. стала попыткой разрыва с этой традицией через унификацию и передачу всех следственных изоляторов ФСИН России. Однако на практике внутри единой системы были воссозданы особые условия для подследственных, что показало устойчивость специфических требований к содержанию лиц, обвиняемых в преступлениях против основ государственной безопасности.

Возникающая к 2025 г. дискуссия о возвращении специальных СИЗО в систему ФСБ свидетельствует о том, что компромисс 2015 г. не разрешил базовых противоречий. Проведенное исследование позволяет утверждать, что вопрос ведомственной принадлежности следственных изоляторов не только техническая, но и содержательная проблема, затрагивающая основы взаимоотношений личности и государства в сфере уголовного преследования. История этих учреждений служит своеобразным инструментом измерения, по которому можно судить о реальном, а не декларируемом статусе правовых гарантий и о месте силовых структур в ее архитектуре. Новая реформа 2025 г. не является полным восстановлением советской модели или ситуации до 2015 г. Речь идет о передаче лишь изоляторов центрального подчинения, что указывает на создание двухуровневой системы: основная масса подследственных будет по-прежнему содержаться в СИЗО ФСИН России, в то время как по делам, расследуемым ФСБ России и представляющим наибольшую значимость с точки зрения государственной безопасности, будет применяться специализированная, максимально закрытая и контролируемая непосредственно органами безопасности инфраструктура. Построение обновленной системы свидетельствует о поиске компромисса между унификацией положения всех подследственных и особым режимом, необходимым для расследования дел государственной важности.

Литература:

1. Горбач, Д. В. Основные аспекты организации режима в местах предварительного заключения в советский период / Д. В. Горбач // Вестник Кузбасского института. – 2017. – № 2 (31). – С. 50-55.
2. Гуцин, С. В. История развития меры пресечения в виде заключения под стражу и порядка ее исполнения / С. В. Гуцин, И. В. Головинская // Вестник Владимирского юридического института. – 2022. – № 1 (50). – С. 137-143.
3. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР : [постановление ВЦИК СССР № 86 от 16 окт. 1924 г.: по состоянию на 13 декабря 2025 г.] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Лазарев, В. Деятельность органов государственной безопасности СССР в послевоенный период (1945-1954 гг.) / В. Лазарев // Официальный сайт ФСБ России. – URL: http://www.fsb.ru/fsb/history/author/single.htm%21id%3D10318067%40fsbPublication%26_print%3Dtrue.html (дата обращения: 13.12.2025).
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : [федер. закон № 293-ФЗ: принят Гос. Думой 8 июля 2025 г.: по состоянию на 13 декабря 2025 г.] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : [федер. закон № 103-ФЗ: принят Гос. Думой 21 июня 1995 г.: по состоянию на 13 декабря 2025 г.] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об утверждении Положения о Федеральной службе безопасности Российской Федерации : [указ Президента РФ от 6 июля 1998 г. № 806: по состоянию на 13 декабря 2025 г.] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы : [приказ Минюста России от 3 декабря 2015 г. № 277: по состоянию на 13 декабря 2025 г.] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Хапаев, И. М. История становления и развития законодательства и практики применения меры пресечения в виде заключения под стражу (XIX-XX вв.) / И. М. Хапаев // Юридическая наука. – 2014. – № 3. – С. 137-143.

Об авторах:

Кирушин Кирилл Радикович, кандидат юридических наук, старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Россия, kirushin@mail.ru

Сафин Данил Ильдарович, и.о. специалиста по учебно-методической работе научно-исследовательского сектора, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Россия, danil-safin-2018@mail.ru

About the authors:

Kirill R. Kirushin, Candidate of Law Sciences, Senior lecturer, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russia

Danil I. Safin, Acting specialist in educational and methodological work of the scientific research sector, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russia

УДК 93/94

Коваленко О.А., Бурдина Г.М.

Становление Нижнекамского промышленного региона в 1950-1960-е гг.: экономические предпосылки и этапы формирования

В статье рассматриваются экономические предпосылки и этапы формирования Нижнекамского промышленного региона в 1950-1960-е гг. Анализируется роль геологоразведки, добычи и переработки нефти, создания химической промышленности, топливно-энергетической и транспортной инфраструктуры. Особое внимание уделено проектированию и строительству ключевых предприятий, организационным и кадровым трудностям, влияющим на сроки и эффективность реализации промышленных планов.

Ключевые слова: Нижнекамский промышленный регион, вторая половина XX в., нефтехимическая промышленность, экономические предпосылки, строительство предприятий, Волго-Камский регион, Нижнекамский нефтеперерабатывающий завод.

Oksana A. Kovalenko, Gulnara M. Burdina

The Formation of the Nizhnekamsk Industrial Region in the 1950s–1960s: Economic Preconditions and Stages of Formation

The article examines the economic preconditions and stages of the formation of the Nizhnekamsk industrial region in the 1950s–1960s. It considers the role of geological exploration, oil extraction and processing, the establishment of the chemical industry, and the development of fuel-energy and transport infrastructure. Special attention is paid to the design and construction of key enterprises, as well as organizational and personnel challenges affecting the timing and efficiency of industrial projects.

Keywords: Nizhnekamsk industrial region, the second half of the XX century, petrochemical industry, economic preconditions, enterprise construction, Volga-Kama region, Nizhnekamsk Oil Refinery.

Становление и развитие Нижнекамского промышленного региона во второй половине XX в. не было результатом сиюминутного решения о строительстве отдельных предприятий, но представляло собой долгий и поэтапный процесс экономического развития Волго-Камского региона. Уже к концу 1950-х гг. была создана система проектных решений экономической модернизации, определившая отраслевой профиль и ключевые направления промышленной специализации – предприятия нефтяной и химической промышленности, чье возведение требовало создания топливно-энергетической базы, строительной и транспортной инфраструктуры.

В настоящее время, Нижнекамск является одним из ключевых центров нефтяной и химической промышленности Республики Татарстан, однако его значение в экономическом освоении региона остается малоизученным, поскольку, большинство исследований, посвященных развитию Набережночелнинской агломерации, фокусируются на истории строительства г. Набережные Челны и предприятий КамАЗа.

Целью исследования является анализ экономико-географических факторов, повлиявших на возникновение и развитие Нижнекамского промышленного региона в 1950-1960-гг., а также определение их роли в формировании отраслевой структуры и промышленного облика региона.

В 1940-1950-е гг. в ТАССР активно формировалась нефтехимическая промышленность: создавались тресты и строились предприятия, заложившие основу отраслевой специализации региона. Ключевым элементом этого процесса становилась геологоразведочная деятельность. Разведка нефтяных и газовых месторождений в ТАССР систематически проводилась с 1930-х гг. Ключевым добывающим субъектом оставалось объединение «Татнефть», руководителями которого были Алексей Тихонович Шмарев и Валентин Дмитриевич Шашин. Для обеспечения растущих потребностей отрасли в геологоразведочных работах был создан трест «Татнефтегазоразведка». В январе 1953 г. создается трест «Татнефтепроводстрой», специализировавшийся на строительстве магистральных трубопроводов.

К концу 1950-х гг. в ведомстве Управления нефтяной промышленности ТСНХ находилось четыре нефтепромысловых управления («Бавлынефть», «Бугульманефть», «Альметьевнефть», «Азнакаевнефть» и нефтепромысел в г. Елабуга); буровые тресты, крупнейший из которых казанский «Татнефтегазоразведка»; трест геофизических работ «Татнефтегеофизика»; несколько крупных нефтегазоперерабатывающих предприятий: Шугуровский битумный завод и Миннибаевский газоперерабатывающий завод. Центром инженерной научно-

исследовательской деятельности стал Татарский научно-исследовательский институт. Расширение производственной структуры отражало общее состояние динамики роста отрасли и усложнение её организационной системы.

Развитие организационной структуры управления промышленности сопровождалось и увеличением количественных показателей производства отрасли. С конца 1940-х гг. и до конца 1950-х гг. наблюдался устойчивый рост основных показателей, связанных с добычей нефти и её переработкой [8, с. 3]. По оценкам С.Л. Князева, с 1957 г. Управление нефтяной промышленности ТАССР удерживало лидерские позиции по добыче нефти по СССР. В этот период были открыты и начато освоение крупных нефтяных месторождений на юго-востоке республики. Бурение осуществлялось на уровне девонских отложений. Глубина залегания нефти варьировалась, к числу самых глубоких относились Уратьминская и Афанасовская скважины, глубина залегания нефти которых составляла 1600 и 1750 м [6, с. 29].

При разработке скважин использовались два основных способа нефтедобычи: насосный и фонтанный. Организация и использование обоих способов нефтедобычи на предприятиях республики имело определенную специфику. Во-первых, способы нефтедобычи различались по себестоимости и рентабельности – 22 р. 79 коп. за тонну у насосного способа против 12 руб. 10 коп. у фонтанного. Во-вторых, вне зависимости от выбранного способа нефтедобычи, общим было отсутствие герметизированных систем сбора нефти, в результате чего терялась значительная часть извлекаемого с нефтью газа в целом и легких углеводородных фракций в частности. По оценкам Б.М. Юсупова, на 1 января 1968 г. из 11,8 млн. м³ добываемого с нефтью газа сжигалось на факелах в среднем 2,3 млн. м³ [10, с. 41].

Следствием отсутствия герметизированных систем становилась системная нерешенность вопроса обращения с попутным газом. Проблема сбора, хранения, транспортировки и переработки попутного газа в ТАССР сохраняла свою актуальность на протяжении 1950-1960-х гг. До конца 1950-х гг. единственным газоперерабатывающим предприятием оставался Миннибаевский газобензиновый завод, введенный в эксплуатацию в 1956 г. Предприятие вырабатывало 381 600 м³ газа в год, обладая установками газофракционирования с абсорбционно-отпарной, бутановой, изобутановой и пропановой колоннами. Несмотря на достаточно высокую производительность, работа предприятия характеризовалась фактами нарушения техники безопасности и высокой пожароопасностью. В частности, в 1964 г. при перекачке жидкого бутана в парке готовой продукции случился крупный пожар, в результате которого пострадало 49 рабочих [7, с. 4].

Химическая промышленность ТАССР находилась в ведомстве Химического управления (УХП ТСНХ), созданного приказом ТСНХ от 8 июня 1957 г. В составе УХП ТСНХ находилось несколько крупных предприятий, так называемые Почтовые ящики № 673 и 974. Почтовые ящики представляли собой закрытые предприятия, выпускающие широкую номенклатуру химической продукции: бутанол, колокселин, спирт пищевой, печное литье, красный кирпич и др. Также в ведомстве химического управления находились следующие предприятия: Бондюжский химический завод, Химический завод им. В. Куйбышева, Казанский завод органического синтеза, Казанский жировой комбинат им. М. Вахитова, завод химико-лабораторных приборов и посуды «Победа труда» и др. [3, с. 62].

Таким образом, строительство Нижнекамского промышленного района, ядром которого являлся Нижнекамский нефтеперерабатывающий завод с топливным профилем, становился частью сложившейся экономической нефтехимической промышленности ТАССР, органично встраиваясь в систему «добыча сырья – транспортировка сырья – переработка сырья – реализация готовой продукции». К.Б. Рахимов, изучавший планы и оценивающий целесообразность строительства крупного промышленного кластера и нового города в Закамье, определял следующие факторы: во-первых, на момент конца 1950-х гг. в ТАССР были разведаны нефтяные месторождения общим объемом около 3 млрд. тонн; во-вторых, экономическая рентабельность и прогнозируемая выгода от производства продуктов органической химии; в-третьих, создание рабочих, повышение культурного и жилищно-бытовых условий проживающего населения в регионе [9, с. 87].

Политическое решение о строительстве Нижнекамского промышленного района принималось в несколько этапов. Проектирование нового нефтехимического промышленного кластера в регионе было обозначено в ходе работы XVIII съезда КПСС в 1952 г., на котором была выдвинута директива о необходимости создания крупной нефтяной базы, располагающейся между Волгой и Уралом. Предложения XVIII съезда КПСС повторно рассматривались в ходе заседаний XX и XXI съезда КПСС, проходивших в 1956 и 1959 гг., в ходе которых особо подчеркивалась необходимость расширения имеющегося производства искусственного и синтетического волокна [4, с. 61].

По результатам деятельности съездов, была организована научно-исследовательская работа, ставшая первым практическим шагом по переходу от партийно-программных решений к реальному проектированию. По итогам исследования, территория у села Соболеково на Нижней Каме была выделена как площадка для возможного строительства города, что было закреплено в постановлении Совета Министров ТАССР № 488 от 22 октября 1956 г. «О резервировании земельного участка под промышленное и жилищное строительство нефтехимического комбината» [4, с. 62].

На всесоюзном уровне промышленное строительство получило поддержку после выступления Н.С. Хрущёва на майском Пленуме ЦК КПСС 7 мая 1958 г. с докладом «Об ускорении развития химической промышленности, и особенно производства синтетических материалов и изделий из них, для удовлетворения потребностей населения и нужд народного хозяйства». В докладе подчеркивалась необходимость ускоренного завершения 37 строящихся предприятий химической отрасли, а также строительства и расширения ещё около 100 объектов. 8 мая 1958 г. было опубликовано постановление Совета Министров СССР № 501 «Список строек сметной стоимостью 50 млн. руб. и

выше, вновь начинаемых проектированием в 1958 г. по союзным республикам, министерствам и ведомствам», где среди прочих объектов присутствовал Нижнекамский химический комбинат и Нижнекамский перерабатывающий завод [8, с. 407].

В тексте постановления от 8 мая 1958 г. отсутствовало указание на место строительства, определить которое должна была особая межведомственная комиссия, созданная по приказу Госкомитета Совета Министров СССР по химии № 23 от 27 июня 1958 г. В состав комиссии вошло 28 человек из 23 организаций, среди которых Гипрогаучук, Гипрогрознефть, УХП ТСНХ, МВД ТАССР, Санэпидемстанция ТАССР и др. Возглавил комиссию начальник УХП ТСНХ И.П. Карташов и главный инженер Гипрогаучука И.С. Каюков [1, с. 54].

Комиссия закончила свою деятельность и представила отчет к началу августа 1958 г. Итогом работы комиссии стало три возможных варианта, из которых был утвержден вариант № 2. Утвержденный план площадки предполагал развернуть строительство города у левого берега р. Кама в Набережночелнинском районе у деревни Соболеково, на землях совхоза «Красный ключ» и в лесном массиве Биклянского лесхоза. Промышленная зона должна была располагаться на водоразделе рек Иныш и Арбузка. 14 августа план строительства на площадке № 2 был утвержден Татсовнархозом, 29 августа ТСНХ было выдано разрешение исполкому Челнинского райсовета тресту Гипрогаучук на допуск к ведению проектно-изыскательным работ на срок одного года [5, с. 13].

1958-1959 гг. прошли в обсуждении деталей проектного задания по строительству инфраструктуры НПР. Решение о необходимости консолидации будущих объектов производства в единый нефтехимический комплекс было принято уже в сентябре 1958 г. по результатам совещания в Управлении проектирования и капитального строительства Государственного комитета по химии. В 1959 г. на разных уровнях ведутся дискуссии о составных частях НПР и необходимой смете строительства. Итог обсуждения был зафиксирован в постановлении Совета Министров СССР № 579 от 10.04.1959 г., в котором по Нижнекамскому промышленному региону указаны следующие объекты: во-первых, ТЭЦ НХК ТАССР с проектной мощностью 300000 кВт; во-вторых, база строительной индустрии для НХК и ННПЗ. Годовой бюджет на строительство объектов закладывался в размере 100 млн. руб. К концу 1959 г. состав и смета проектного задания по строительству НПР были уточнены и включали следующие части: НХК, ННПЗ, ТЭЦ, азотно-туковый завод, база строительной индустрии и сам город [2, с. 31].

В 1959-1961 гг. продолжалась проработка отдельных компонентов будущего НПР, ННПЗ, БСИ и ТЭЦ, однако, именно в этот период стал проявляться растущий разрыв между проектными решениями и реальными возможностями строителей. Неоднократно пересматривались как состав НПР и НХК, так и сроки начала строительства и ввода предприятий в эксплуатацию, их производственные профили и сметная стоимость. В частности, разработкой проекта ННПЗ занимались одновременно «Гипрогрознефть» и «Гипрогаучук». Проект «Гипрогаучука» не сохранился. Ответственным за проект «Гипрогрознефти» являлся главный инженер О.В. Гриссель закончивший работу к концу 1959 г. По проекту О.В. Грисселя, предприятие должно было иметь топливный профиль и специализироваться на выпуске автобензина, дизельного топлива, мазута, топлива для реактивных двигателей, нефтитаума и ароматические углеводороды с максимальным выходом бензольной фракции. В основе обсуждений вплоть до 1970-х гг. оставался проект О.В. Грисселя, вскоре после представления получивший критические оценки. В 1960 г., комиссия Госхимкомитета и ТСНХ, занимавшаяся рассмотрением проекта, отказалась принимать решение об объединении ННПЗ и НХК. Вскоре, группой инженеров был представлен текст «Технико-экономического доклада о мощности и сроках строительства НПЗ», где было высказано решение о нерентабельности создания ННПЗ в 1961 г. В результате, к началу строительства города ННПЗ, а также азотно-туковый завод отсутствовали в итоговом проекте строительства НПР.

В конечном итоге проект был переработан таким образом, чтобы новый комбинат мог перестраиваться, как в отношении темпов производства, так и выпускаемой номенклатуры продукции, что должно было определяться спецификой курирующей её промышленности. Строительство нефтехимического комбината была начато в 1961 г. На первом этапе УХП ТСНХ занималось возведением здания дирекции. Примечательно, что только с 1961 по 1967 гг. название дирекции менялось трижды: если на момент строительства, в 1961 г. руководящий орган имел название «Дирекция строящегося Нижнекамского химического комбината Управления химической промышленности ТСНХ», то в 1967 г. она называлась «Дирекция строящегося НХК Главного управления по производству каучука Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР» [2, с. 35].

На протяжении 1960-х гг. строительство было осложнено рядом системных проблем, каждая из которых вносила вклад в нарастающее отставание от графиков: во-первых, недостаток компетентных руководящих кадров, во-вторых, дефицит кадров инженерных и рабочих специальностей, и, наконец, издержки бюрократического сопровождения, преимущественно вопросов утверждения финансирования на разных уровнях административного подчинения.

Проблема с качеством руководящих кадров возникла с первых дней работы дирекции комбината. В полном составе дирекция заработала только в июне 1962 г., что зафиксировано в приказе УХП ТСНХ №77, в то время как строительные работы на местах велись с 1961 г. В том же году на рабочих собраниях регулярно поднимался вопрос о рабочей дисциплине и неудовлетворительном качестве организаторской работы. В.И. Игнатьев, свидетель одного из партийных докладов о работе дирекции комбината и коллектива в 1962 г. приводит следующую оценку деятельности состава дирекции: «Несерьезно подходим к подбору кадров, поэтому случается, что в аппарат попадают случайные люди; в коллективе нет дружбы, помощи друг другу; нужно быть внимательными друг к другу» [5, с. 31].

Проблема с инженерными и рабочими кадрами проявлялась на разных уровнях. Во-первых, строительство комбината имело несколько подрядчиков: Исполнительно-трудова колония № 1 и трест «Лениногорскнефтьстрой»,

также известный как «Трест № 7». Оба подрядчика были равноправны и контролировались УХП ТСНХ. В результате, уже на этапе начала строительства возникали конфликты при распределении фронта работ. В частности, при организации работ по очистке территории, заключающаяся в вырубке леса, выкорчевыванию пней и последующей транспортировке строительного мусора с площадки, должна была осуществляться силами ИТК № 1 под руководством ее начальника А.С. Сиразетдинова уже в июне 1961 г., однако, приказ об этом поступил только 10 октября. Помимо указанного частного случая, нередко срывались и иные сроки работ, что привело к срыву общего выполнения плана. По оценкам В.И. Белокопытова, к концу 1962 г. освоение строительного участка было выполнено лишь на 13 %; автодорожное покрытие – введено в эксплуатацию на 30 %; строительство железнодорожных путей – на 41 % [3, с. 70].

К числу причин срыва сроков строительства в первую очередь относится дефицит рабочих кадров, случившийся по совокупности причин. Во-первых, как отмечают исследователи, строительство регулярно недофинансировалось. План строительных работ на 1961 г. предусматривал финансирование в размере 6,8 млн. руб., в то время фактически из средств бюджета было направлено только 6,5 млн. рублей. К концу 1961 г. срыв сроков строительства комбината стал причиной рассмотрения планов о приостановке строительства, однако, силу особого значения НХК на Нижней Каме он был включен в перечень наиболее приоритетных строек, что было зафиксировано в постановлении Совета Министров СССР №1100 от 30 ноября 1961 г. [4, с. 63].

В 1962 г., дирекции комбината не удалось исправить положение, – кадровый дефицит оставался также высок, а темпы строительства отставали от плановых. Несмотря на включение НХК в перечень приоритетных строек СССР, проблемы материального снабжения сохраняли свою актуальность. Для изменения ситуации была проведена качественная реорганизация строительства – в частности, Трест № 7 был выведен из подчинения Управления строительства ТСНХ и передан в ведомство Министерства энергетики и электрификации СССР. 25 октября 1962 г. строительство НПР получило статус Всесоюзной ударной комсомольской стройки. В результате, к 1965 г. когда комбинат должен был быть введен в эксплуатацию, его строительство отставало по оценкам Госстроя на 2,1 раза или около 2,5 лет [2, с. 36].

Таким образом, становление региона было результатом долгосрочной экономической стратегии по освоению Волго-Камского нефтехимического потенциала, включавшей разведку месторождений, создание инфраструктуры и проектирование крупных предприятий. Формирование отраслевой структуры региона определялось доступностью ресурсов, рентабельностью производства и потребностями советской экономики. Строительство Нижнекамского промышленного района проходило с трудностями кадрового, финансового и организационного характера, однако постепенно формировало промышленный кластер, ставший ядром современной нефтехимической отрасли Республики Татарстан.

Литература:

1. Алекперов, В.Ю. Нефть России: прошлое, настоящее и будущее / В.Ю. Алекперов. – М.: «Нефтяное хозяйство», 2011. – 217 с.
2. Багманов, Х.А. Для чего нужен Нижнекамский НПЗ / Х.А. Багманов // Нефтяник Татарстана. – 2000. – № 9 – С. 28-41.
3. Белокопытов, В.И. Нефть Татарстана: дела и люди / В.И. Белокопытов. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. – 179 с.
4. Винецкий, Я. Первопроходцы. Строки документов / Я. Винецкий // Нижнекамский репортаж / Под ред. В.И. Белокопытова. – Казань: Татарское книжное издательство, 1978. – С. 59-63.
5. Игнатъев, В.И. Город моей жизни / В.И. Игнатъев. – Нижнекамск : КУП «Нижнекамская городская типография», 2003. – 103 с.
6. Князев, С.Л. Нефть Татарии: страницы истории / С.Л. Князев. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1981. – 269 с.
7. Миннибаев, Б.И. Нефтедобывающая промышленность в Татарской АССР во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. / Б.И. Миннебаев // Сборник научных трудов Sworld. Недра, 2013. – С. 3-5.
8. Постановление Пленума ЦК КПСС, 7 мая 1958 г. Об ускорении развития химической промышленности и особенно производства синтетических материалов и изделий из них для удовлетворения потребностей населения и нужд народного хозяйства СССР. (Извлечение) // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т.: Сб. док. за 50 лет / Сост. К.У. Черненко. – М.: Политиздат, 1968. – Т. 4. – С. 406-411.
9. Рахимов, К.Б. Нефть на кончике долота. Документальные очерки / К.Б. Рахимов. – Краснодар, 1998. – 293 с.
10. Юсупов, Б.М. Размещение нефтяных месторождений Татарии / Б.М. Веселов, Г.С. Веселов. – М.: РадиоСофт, 1973. – 200 с.

Об авторах:

Коваленко Оксана Александровна, магистрант, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Россия, fgruslan34@gmail.com

Бурдина Гульнара Мансуровна, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Россия, burdinagm@yandex.ru

About the authors:

Oksana A. Kovalenko, Master's student, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russia

Gulnara M. Burdina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russia

УДК 93/94

Кондрашин Д.В., Блиняев С.Н.

Развитие отрасли народного образования в Елабужском уездном земстве Вятской губернии в конце XIX – начале XX вв.

Рассмотрена деятельность Елабужского уездного земства Вятской губернии в сфере народного образования в конце XIX – начале XX вв. На фоне политики Вятского губернского земства показаны основные направления развития школьного дела в отдельном уезде, выявлены причины упадка и качественного роста образовательной отрасли, определено влияние на её развитие Первой российской революции и общероссийского земского финансового кризиса. В описанных процессах отмечена роль конкретных людей – прогрессивных земцев и представителей государственной власти.

Ключевые слова: Вятская губерния, Елабужское уездное земство, народное образование, С.Д. Горчаков, И.Н. Кибардин, Н.В. Алашеев.

Denis V. Kondrashin, Semyon N. Blinyaev

The Development of the branch of Public Education in the Yelabuga District Zemstvo of the Vyatka Province in the Late 19th – early 20th Centuries

The article examines the activities of the Yelabuga county zemstvo of Vyatka province in the field of public education in the late 19th and early 20th centuries. Against the background of the policy of the Vyatka provincial Zemstvo, the main directions of the development of school business in a particular county are shown, the causes of the decline and qualitative growth of the educational sector are identified, the influence of the First Russian Revolution and the all-Russian zemstvo financial crisis on its development is determined. In the described processes, the role of specific people is noted – progressive zemstvos and representatives of state power.

Keywords: Vyatka province, Yelabuga county zemstvo, national education, S.D. Gorchakov, I.N. Kibardin, N.V. Alasheev.

Одним из важных направлений деятельности земских организаций России являлось народное образование. Относившееся к числу необязательных расходов, повсеместно оно имело большое значение для главных налогоплательщиков – крестьян. Именно «крестьянские» земства (Вятское, Вологодское, Олонецкое) выделялись на земской карте империи пристальным вниманием к школьному делу [3, с. 198]. Рассматривая деятельность Вятского губернского земства, исследователь Б.Б. Веселовский указывал, что в 1868 г., планируя дело народного просвещения, вятские земцы стремились «не жалеть средств на школы» [3, с. 646]. С 1868 по 1878 гг. число народных школ в губернии увеличилось с 308 до 562 ед. [10, с. 8], в 1893 г. Вятская губернская земская управа впервые представила гласным обстоятельный доклад по народному образованию, а в 1895 г. план всеобщего обучения. В этот же период началось выделение средств на устройство небольших земских «пятирублевых» библиотек при школах [3, с. 651].

Одним из ведущих уездных земств Вятской губернии в деле развития отрасли народного образования являлось Елабужское уездное земство. Так, если в 1867 г. в селах уезда насчитывалось 18 школ, то в 1880 г. в них действовало уже 42 учреждения [2, с. 34-36]. Из отчета Елабужской уездной земской управы следовало, что «на 1 января 1881 года по количеству училищ Елабужский уезд стоит выше прочих уездов Вятской губернии» [2, с. 40]. В 1896 г. в уезде открылось 25 земских школ, а их общее число достигло 70 ед. Отметим, что росту числа учебных заведений во всех селах края содействовало Вятское губернное земство, создававшее на тот момент платформу для введения всеобщего обучения [2, с. 47-48]. Можно согласиться с мнением Б.Б. Веселовского, что оживление в образовательной сфере Елабужского земства в 1890-х гг. было связано с деятельностью прогрессивных земцев Ф.Ф. Ижболдина и Н.В. Алашеева [3, с. 660]. Выпускник физико-математического факультета Императорского Санкт-

Петербургского университета, потомственный дворянин Н.В. Алашеев (1869-1918), обосновавшийся в начале 1890-х гг. в родовом имении с. Токмашка Елабужского уезда, живо интересовался проблемами крестьян. Положение, образование и ораторские способности позволили ему быстро выдвинуться на ведущие позиции в Вятском земстве. Так, уже в 1894 г. Николай Валерианович был избран в гласные Вятского губернского и Елабужского уездного земств, а в 1897 г. занял пост председателя Елабужской уездной земской управы, который оставил досрочно в 1902 г. [11, с. 15]. Поддерживая курс губернского земства на развитие народного образования, Н.В. Алашеев не только стремился к увеличению числа земских школ, но и лично открывал вечерние воскресные школы для крестьян в волостных центрах своего имения [17, с. 107], содействовал расширению сети бесплатных народных земских библиотек, которых к 1902 г. в уезде насчитывалось 20 ед., из них восемь учреждений было открыто в течение 1901 г. [4, л. 1].

К началу XX в., несмотря на очевидные достижения, в земской образовательной системе региона оставалось множество нерешённых проблем. Среди наиболее острых вопросов выделялись низкая заработная плата учителей, недостаток школ, неприспособленность существующих учебных зданий и неудовлетворительные санитарные условия в образовательных учреждениях.

Первая российская революция 1905-1907 гг., повысившая общественную активность населения, отрицательно сказалась на внутренней жизни страны. В масштабах всей империи отмечалась политизация органов местного самоуправления, когда трибуны городских дум и земских собраний повсеместно использовались для антиправительственной агитации. Не стала исключением и Вятская губерния. Из сообщений краевой жандармерии следовало: «Земство Вятской губернии, как известно, крайне либерального направления. Редкое правительственное распоряжение не подвергается здесь всесторонней критике» [1, с. 236]. Как видно, значительные опасения местных властей вызывали отныне не только деятели РСДРП и партии эсеров, но и представители либерального лагеря – конституционные демократы. Именно левые либералы (кадеты), занимая прочные позиции в уездных земствах Вятской губернии, проводили агитационную работу среди крестьян. Должностные лица местного земства знакомили крестьян с Выборгским воззванием и изданиями РСДРП [5, л. 2-35]. Выступления земских служащих на сельских сходах, о которых докладчики нередко просили собравшихся «не сказывать властям» [16, л. 18], способствовали проникновению революционных настроений в деревню и, как следствие, вовлечению учителей и врачей Елабужского уезда в ряды оппозиции [6, с. 4; 7, с. 4; 8, с. 4]. Политическая активность педагогических кадров отрицательно сказывалась на образовательном процессе, которому также наносил ущерб непрофессионализм местной администрации. Например, показательна жалоба земской учительницы, сообщавшей в январе 1907 г. «... что по причине холодов во вновь выстроенном здании Покровского земского училища заниматься невозможно. За последние пять дней я и ученики занимались в шубах. Здание это проконопачено настолько плохо, что от ветра, проникающего в пазы, колыхается пламя свечи» [13, с. 58]. Увлеченность политическими делами, финансовая нечистоплотность земского начальства, расширившаяся на фоне разгула общественных настроений, стали причинами сложившегося положения.

Восстановлением порядка и снижением революционной активности в крае занялся новый Вятский губернатор князь С.Д. Горчаков (1861-1927), назначенный на пост в июне 1906 г. Под непосредственным контролем губернаторской канцелярии осенью 1906 г. обновился руководящий состав уездных земств, где закрепились лояльные правительственному курсу люди. Елабужскую уездную земскую управу возглавил верный сподвижник нового начальника губернии местный предприниматель И.Н. Кибардин (1848-1918). Сын сельского священника Слободского уезда Вятской губернии И.Н. Кибардин в 60-х гг. XIX столетия обучался в Вятской духовной семинарии, после окончания которой с 1870 по 1895 гг. непрерывно трудился на педагогической ниве в должностях преподавателя и помощника смотрителя Елабужского духовного училища [12, л. 2]. К началу XX в. он состоялся как успешный предприниматель, содержавший в Елабуге крупную типографию, известную под названием «Печатня И.Н. Кибардина» [18, с. 190]. Длительное время занимавшийся преподаванием, создавший свой бизнес в сфере производства интеллектуального продукта, самое пристальное внимание в земском хозяйстве он уделил восстановлению отрасли народного образования.

Сохранив школьное дело приоритетной статьёй расходов, в 1907 г. Елабужская уездная земская управа ввела должность инспектора народных училищ, усилиями которого была проведена полная ревизия школьной деятельности в уезде. Среди частей доклада значились: «Об училищах», «О преподаваемых предметах», «Об учебных пособиях», «Об обучении инородцев», «О педагогическом составе». По итогам 1907 г. гласный Елабужского уездного земского собрания И.Н. Зубарев отмечал: «Я не могу не выразить приятного удовольствия по поводу доклада инспектора народных училищ, доклада весьма подробного» [13, с. 270]. Для результативного управления образовательной сферой с 1907 г. были возобновлены заседания училищного совета, а на осенней сессии Елабужского уездного земского собрания заявлено ходатайство управы о создании школьной комиссии. Организация нового коллегиального органа обосновывалась необходимостью обновления книжного фонда школьных библиотек.

Поскольку на 1907 г. 80 из 113 школ уезда размещались в наемных помещениях, острой оставалась проблема плохой приспособленности арендуемых зданий под учебный процесс. Не имея возможности на данных порах строительства собственных школ, управа добилась усиления контроля над владельцами зданий в части санитарного состояния сдаваемых помещений [13, с. 276-277]. По условиям контракта, заключавшегося между владельцем здания и Елабужским уездным земством, в обязанностях квартиродержателя значилось: «отапливать как помещение училища, так и квартиру учителя, соблюдать в сданном помещении постоянную чистоту и опрятность, мыть полы, стирать пыль со школьной мебели» [9, л. 3-4]. В 1908 г. И.Н. Кибардин выступил с инициативой по улучшению качества обучения. Он предложил ввести в школах единые учебники, которые бы соответствовали самым высоким

педагогическим стандартам. Особое внимание управа обратила на положение инородческих школ Елабужского уезда, главной проблемой в которых оставалось отсутствие преподавателей, знающих родной язык учащихся [14, с. 119, 122]. В 1908 г., благодаря улучшению финансового положения Елабужского земства, возобновилось строительство собственных зданий для школ. Всего в уезде к началу 1908-1909 учебного года насчитывалось уже 119 училищ. Добившись за период 1907-1908 гг. улучшения показателей в отрасли народного образования, в 1909 г. Елабужское уездное земство подало в Министерство народного просвещения прошение о субсидировании введения всеобщего обучения в уезде [15, с. 788-789], которое было введено здесь с сентября 1909 г. По словам инспектора народных училищ Елабужского уезда Я. Коблова «С введением всеобщего обучения ... для Елабужского земства открылись новые источники средств ..., а с ними должны открыться и новые горизонты» [4, л. 24].

Итак, забота о народном образовании, заложенная прогрессивными деятелями Вятского губернского земства с первых дней учреждения земских организаций края, сохранялась и в начале XX в., несмотря на внешние вызовы. Первая российская революция 1905-1907 гг. и общероссийский финансовый кризис земств (1906-1908) оказали негативное влияние на развитие школьного образования в губернии. Тем не менее, анализ деятельности Елабужского земства демонстрирует, что человеческий фактор играл ключевую роль в преодолении кризисных ситуаций. В частности, объективное и ответственное распределение ресурсов позволило елабужским земцам оперативно преодолеть регресс, восстановить высокие показатели в образовательной сфере, добившись правительственной поддержки отрасли.

Литература:

1. Балыбердин, Ю.А. Общественно-политическая жизнь в Вятско-Камском регионе в начале XX века (1900-1914 гг.): дис. ... д-ра ист. наук / Ю.А. Балыбердин. – М., 2008. – 440 с.
2. Валеева, Н.Г. Елабужское земство и Россия: Гуманно-просветительская деятельность Елабужского земства (1867-1917) / Н.Г. Валеева. – М.: Аграф, 2002. – 240 с.
3. Веселовский, Б.Б. История земства за 40 лет: в 4 т. / Б.Б. Веселовский. – СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1911. – Т. 4. – 696 с.
4. Доклады управы о состоянии народного образования в уезде // ГАРТ (Государственный архив Республики Татарстан). – Ф. 321. – Оп. 20. – Д. 8. – 90 л.
5. Документы по обвинению заведующего Асановской земской фермой Елабужского уезда Короваева Ф. Ф. 1906-1907 гг. // ЦГАКО. – Ф. 714. – Оп. 1. – Д. 459. – 58 л.
6. Елабуга // Вятский край. – 1907. – № 91. – С. 4.
7. Елабуга. Земская жизнь // Вятский край. – 1907. – № 36. – С. 4.
8. Елабуга. О местном земстве // Вятский край. – 1907. – № 153. – С. 4.
9. Контракты по найму квартир для земских училищ за 1902 год // ГАРТ. – Ф. 321. – Оп. 6. – Д. 2. – 100 л.
10. Красев, А.А. Начальные народные училища Вятской губернии. 1786-1898 гг. / А.А. Красев. – Вятка, 1900. – 53 с.
11. Марков, А.А. Алашеев Николай Валерианович // Энциклопедия земли Вятской: в 10 т. / А.А. Марков. – Киров, 1996. – Т. 6. – С. 15.
12. О службе Елабужского городского головы надворного советника Кибардина Ивана Никандровича // ЦГАКО. – Ф. 587. – Оп. 15. – Д. 131. – 59 л.
13. ХLI очередное Елабужское уездное земское собрание 5-13 окт. 1907 г. – Елабуга: Печатня И. Н. Кибардина, 1908. – 968 с.
14. XXXVII очередное Елабужское уездное земское собрание 26 сен. – 7 окт. 1908 г. – Елабуга: Печатня И. Н. Кибардина, 1909. – 892 с.
15. XXXVIII очередное Елабужское уездное земское собрание 30 сен. – 11 окт. 1909 г. – Елабуга: Печатня И. Н. Кибардина, 1910. – 1020 с.
16. По обвинению агронома Силина // ЦГАКО. – Ф. 714. – Оп. 1. – Д. 110. – 76 л.
17. Помелов, В.Б. Вятские деятели просвещения второй половины XIX – начала XX века: их предложения и нововведения (В.А. Садовень, А.А. Красев, Н.В. Алашеев) / В.Б. Помелов // Земские учреждения: организация, деятельность, персоналии. (к 150-летию вятского земства). – Киров, 2017. – С. 105-116.
18. Список важнейших фабрик и заводов в Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1913 год / Сост. Н. Спасский. – Вятка: Губернская типография, 1913. – С. 188-96.

Об авторах:

Кондрашин Денис Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», г. Казань, Россия, shreder81@list.ru

Блиняев Семен Николаевич, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Чувашский государственный аграрный университет», г. Чебоксары, Россия, semen-blinjaev@rambler.ru

About the authors:

Denis V. Kondrashin, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies named after M. Khasanov "Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan", Kazan, Russia

Semyon N. Blinyayev, Candidate of Historical Sciences, Chuvash State Agrarian University, Cheboksary, Russia

УДК 94 (470.41):908

Корнилова И.В.

Персональная история как ресурс приумножения духовного и исторического потенциала России

В статье рассматривается персональная история (история жизни отдельного, «простого» человека) в качестве ключевого ресурса для сохранения и приумножения духовного и исторического потенциала России. Одним из важных инструментов сохранения историко-культурного и духовного наследия России, воспитания исторической памяти является научно-проектная деятельность студентов, направленная на активное развитие критического мышления, исследовательских интересов студентов, способности анализировать источники, формировать своё мнение и делать обоснованные выводы, что в свою очередь укрепляет понимание исторической памяти. Системное развитие проектов в области персональной истории представляется важным направлением для приумножения духовной силы и исторической устойчивости России.

Ключевые слова: персональная история; историко-культурное наследие; духовный потенциал; научно-проектная деятельность.

Irina V. Kornilova

Personal History as a Resource for Enhancing Russia's Spiritual and Historical Potential

The article examines personal history (the life story of an individual, "ordinary" person) as a key resource for preserving and increasing Russia's spiritual and historical potential. One important tool for preserving Russia's historical, cultural, and spiritual heritage and fostering historical memory is student research and project activities, which aim to actively develop students' critical thinking, research interests, and ability to analyze sources, form their opinions, and draw informed conclusions. This, in turn, strengthens their understanding of historical memory. The systematic development of personal history projects is crucial for increasing Russia's spiritual strength and historical resilience.

Keywords: personal history; historical and cultural heritage; spiritual potential; scientific and project activities.

В условиях XXI столетия, когда цифровые потоки информации стремительно нивелируют уникальность культур, Россия стоит перед вызовом сохранения своего духовного суверенитета. При этом подлинная сила нации кроется не только в монументальных свершениях и официальных хрониках, но и в живом, неисчерпаемом пласте персональных историй – в личной памяти, семейных преданиях и духовном опыте миллионов наших соотечественников.

За фасадом «большой истории» всегда остаются судьбы отдельных людей: фронтовиков, тружеников тыла, педагогов, врачей, деятелей культуры и искусства и др. Их жизненные пути, нравственный выбор, радости и утраты являются не просто частью прошлого. Это активный культурный ресурс, питающий наше настоящее и формирующий будущее. Именно через личные истории абстрактные исторические события обретают эмоциональную окраску и жизненную достоверность, а духовные ценности – честь, достоинство, вера, любовь к малой родине – перестают быть отвлеченными понятиями, становясь частью личного опыта новых поколений.

Обращение к персонифицированным исследованиям в современной исторической науке или микроистории из вспомогательного инструмента стало центральным подходом, меняющим наши представления о прошлом. Персонифицированное исследование предполагает кропотливую работу историка, направленную на реконструкцию контекста, связей, мотиваций, восстанавливая многомерную картину событий.

Пионеры микроистории итальянские историки Карло Гинзбург и Джованни Леви [9], российские историки, доктора исторических наук Лорина Петровна Репина [8] и Михаил Маркович Кром [5] в своих работах акцентируют внимание на важности персональной истории человека как ресурса приумножения духовного и исторического потенциала страны. Среди ключевых исследователей, способствовавших возвращению в историографию личности, ранее выпадавшей из поля зрения учёных, сосредоточенных на макропроцессах, следует выделить британского теоретика локальной и региональной истории Джона Маршалла, а также российских учёных – докторов исторических наук И.Б. Орлова [7], С.И. Маловичко, Т.А. Бусыгину [6] и др. Особое направление, актуализирующее интерес к персональной истории через связь с современными технологиями, представляет цифровая история.

Аналитические биографии, основанные на скрупулёзном анализе эмпирических источников в сочетании с принципами герменевтической теории исторического понимания, дают возможность реконструкций персональных историй, локализованных в конкретном регионе и связанных с его событиями и сообществами. Такой подход трансформирует восприятие прошлого: история предстаёт не как набор отчуждённых фактов, а как живое повествование, непосредственно участвующее в формировании уникального культурного наследия территории. Он способствует уважению к локальным традициям и ценностям, обогащая общее представление о масштабных исторических переменных через конкретные человеческие судьбы.

Именно в фокусе региональной и персональной истории исследователь получает возможность глубже понять смысловые и ценностные установки жизненного мира «рядовых» людей, которые наравне с выдающимися личностями творят историю и формируют фундамент для развития общества и государства.

Следует обратить внимание, что в истории России в целом, и Татарстана, в частности, есть много славных и героических страниц исследованных и еще ждущих своего часа изысканий персональных историй представителей разных видов деятельности, внесших свой вклад в развитие страны, объединенных общей судьбой и едиными целями [3].

Приведу несколько примеров тем исследований персонифицированного характера, имеющих непосредственное отношение к России, в частности, Республики Татарстан.

Каждый житель города Набережные Челны в своей родовой истории тесно связан с объявленной в 1970 г. Всесоюзной ударной комсомольской стройкой на Каме – строительством автомобильного завода КАМАЗ. Тысячи советских граждан, среди которых были представители разных национальностей, становились челнинцами и были задействованы в возведении комплекса автомобильного предприятия. Многие из них вошли в историю города Набережные Челны.

На данный момент нам интересны персональные биографии участников строительного отряда «Дружба», созданного осенью 1971 г. из 500 бойцов со всех союзных республик СССР, а также второго Всесоюзного отряда, приуроченного к 50-летию создания СССР.

Одним из важных инструментов сохранения историко-культурного и духовного наследия России является научно-проектная деятельность студентов, направленная на процесс превращения теоретических знаний в практические действия по сохранению «персональной истории» и, как следствие, укреплению национальной памяти. Через конкретные проекты, такие как запись видео-интервью с представителями старших поколений, составление семейных хроник или документацию истории малых городов – студенты становятся непосредственными соавторами живого исторического процесса.

Студенты историко-филологического факультета Набережночелнинского государственного педагогического университета реализуют несколько научных проектов, направленных, в том числе и на персонализированное изучение истории региона. Среди них: «Мой город – моя история: историко-краеведческий потенциал города Набережные Челны для сохранения исторической памяти», «КАМАЗ – живая история», «Незабытые герои войны» и др. [4]. Вовлекаясь в работу с подлинными человеческими судьбами и артефактами, студенты выходят за рамки учебников. Они критически осмысливают прошлое, чувствуя личную ответственность за сохранение наследия, формируя гражданскую зрелость и историческое сознание [1, 2]. Такого рода проекты генерируют уникальный первичный материал (устные истории, цифровые копии документов), который становится основой для академических исследований, восполняя лакуны в «большой» истории взглядом «снизу».

Студенты, как наиболее цифрово-грамотная часть общества, естественным образом становятся проводниками современных технологий (3D-сканирование, геоинформационные системы, цифровые архивы) в сферу сохранения наследия, обеспечивая его доступность и сохранность для будущего.

Следует обратить внимание и на героические страницы Великой Отечественной войны, навеки связавшей народы союзных республик (в настоящее время уже отдельных государств). Территория Татарстана была тылом, надежным тылом и не вызывает сомнений, что победа советского народа в войне ковалась в том числе и в тылу ценой неимоверных усилий, морально-волевых качеств советских людей, которые работали в тяжелейших условиях, не щадили жизни. Тыл был самым настоящим фронтом. И поэтому обращение к персональной истории тружеников тыла, которые изыскивали внутренние резервы для достижения общей Победы над врагом – это уважение к исторической памяти, к памяти жителей Татарстана. Не ошибусь, что в каждой семье есть своя персональная история о вкладе в общую Победу.

Ждут своих исследователей и персональные истории жителей города Набережные Челны, которые не только воевали на фронтах, но и ковали Победу в тылу. А в Тарловском госпитале на берегу Камы в годы войны от ран лечилось около 10 тысяч солдат, уроженцев разных советских республик и областей. Большинство из них вылечилось и продолжило службу, но были и те, кто скончались от ран и туберкулеза, и захоронены на местном кладбище. Мы знаем их имена, но не владем всей полнотой информации об их боевом пути, наградах, послевоенных заслугах и достижениях. Проект «Незабытые герои войны» реализуется совместно со школьными коллективами, он направлен на поиск биографических сведений всех тех, кто в годы войны проходил лечение в Тарловском госпитале. Эта кропотливая работа нужна для того, чтобы молодые люди могли знать, как их Родину защищали те, кто уже никогда не сможет сам об этом рассказать. Следует заметить, что студенты, работая часто в межпоколенческих командах (со школьниками, ветеранами, местными жителями), способствуют диалогу поколений и укреплению социальных связей на уровне семьи, двора, города.

Таким образом, научно-проектная деятельность студентов трансформирует их из пассивных потребителей исторического знания в активных хранителей и преумножителей духовного потенциала нации. Это превращает абстрактный тезис о ценности «персональной истории» в осязаемую практику, результаты которой работают на укрепление исторической преемственности здесь и сейчас.

Изучение персональных историй решает несколько важных задач: предоставляет ценные свидетельства о прошлом, сохраняя уникальный культурно-исторический контекст; способствует пониманию полноты исторического контекста жизни и мировоззрения людей, механизмов формирования их идентичности; выступает фактором активизации интереса к истории региона, особенно среди молодёжи, делая её более доступной и релевантной. Это

сохраняет «нити памяти» между поколениями, укрепляя связи людей, объединённых общей исторической судьбой и культурным наследием.

Литература:

1. Ахметова, А.Ф. Сохраняя связь поколений: значение исторической памяти о Великой Отечественной войне для современной молодежи / А.Ф. Ахметова, И.В. Корнилова // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2024. № 2-2(50). С. 262-263.
2. Ахметова, А.Ф. Формирование исторической памяти как фактор гражданского и духовного развития молодежи / А.Ф. Ахметова, И.В. Корнилова // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2023. № 1(44). С. 225-227.
3. Корнилова, И. В. Н.М. Валеев: персонифицированные исследования в ракурсе региональной истории / И. В. Корнилова // «Высокое служение Отечеству»: Персоналии в историко-культурной жизни Российской провинции (к 75-летию академика АН РТ Н.М. Валеева) : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 25–26 сентября 2024 года. Казань: Академия наук Республики Татарстан, 2024. С. 131-138.
4. Корнилова, И.В. Научно-проектная деятельность студентов как инструмент сохранения историко-культурного и духовного наследия России / И.В. Корнилова, С.П. Дырин, Г.М. Полькина, А.З. Нигаматов // Образование и диалог культур: традиции и современность: I Международная (XI Всероссийская) научно-практическая конференция (27 ноября 2025 г.) / Отв. редакторы А.И. Идиятуллина, А.Г. Мухаметшин. – Набережные Челны: Издательство ФГБОУ ВО «НГПУ», 2025. – С. 308-314.
5. Кром, М.М. Историческая биография: новая жизнь старого жанра / М.М. Кром // Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований: Сб. материалов научно-практического семинара (Санкт-Петербург, 4-5 июня 2002 г.). СПб., 2002. С. 182-189.
6. Маловичко, С.И. Современная историческая наука и изучение локальной истории / С.И. Маловичко, Т.И. Бусыгина // Новая локальная история. Вып. 1. Ставрополь, 2003. С. 6-22.
7. Орлов, И.Б. Микроистория: «атомизация» исторической реальности или ее иной образ? / И.Б. Орлов // Национальные образы прошлого: этническая доминанта в историографии и философии истории. Третьи Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории / Отв. ред. А. В. Малинов. – СПб.: Издательство «Северная Звезда», 2008. С. 148-156.
8. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. М., 2011. 560 с.
9. Levi, G. On Microhistory // New Perspectives on Historical Writing / Ed. by Peter Burke. University Park (Pennsylvania), 1992. P. 93-111.

Об авторе:

Корнилова Ирина Валерьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Академия наук Республики Татарстан, Институт татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова; заведующий кафедрой истории и методики ее преподавания, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Казань, г. Набережные Челны, Россия, ivkornilova@list.ru

About the author:

Irina V. Kornilova, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies named after M. Khasanova; Head of the Department of History and Methods of Teaching It, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Kazan, Naberezhnye Chelny, Russia

УДК 004.9

Москин Н.Д.

Особенности преподавания базовой информатики у студентов исторических направлений подготовки

В статье рассматриваются вопросы обучения студентов-историков современным информационным технологиям на примере Петрозаводского государственного университета, где реализуются направления подготовки бакалавриата 46.03.01 История и 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленность (профиль) подготовки «История и Обществознание».

Ключевые слова: история, информатика, цифровая гуманитаристика, высшее образование, Петрозаводский государственный университет.

Nikolai D. Moskin

Features of Teaching Basic Computer Science to Students of Historical Fields of Study

The article discusses the issues of teaching students of history modern information technologies using the example of Petrozavodsk State University, where bachelor's degree programs 46.03.01 History and 44.03.05 Pedagogical Education (with two training profiles), the focus (profile) of training "History and Social Science".

Keywords: history, computer science, digital humanities, higher education, Petrozavodsk State University.

Преподавание информатики в вузах имеет особое значение для студентов-историков, поскольку современное исследование исторических процессов и явлений требует широкого спектра цифровых инструментов и методов анализа данных. Информатика помогает будущим специалистам овладеть необходимыми компетенциями для эффективного решения профессиональных задач, обеспечивая доступ к новым источникам информации и способствуя развитию исследовательских навыков. Информационные технологии играют значимую роль в обеспечении сохранности, доступности и передачи историко-культурных ценностей последующим поколениям. Например, проект «Память народа» Министерства обороны Российской Федерации позволяет любому человеку ознакомиться с судьбой своих предков, участников Великой Отечественной войны [3].

Выделим причины, по которым информатика важна для историков:

1. Работа с большими объемами данных (архивных документов, статистической информации, результатов археологических раскопок и др.)
2. Поиск и хранение информации. Навыки работы с электронными ресурсами помогают быстро находить необходимую литературу, архивные материалы и научные публикации.
3. Создание и использование интерактивных ресурсов. Современные технологии позволяют создавать цифровые исторические карты, мультимедийные презентации, виртуальные экскурсии и другие образовательные продукты.
4. Моделирование исторических процессов. Эти методы особенно полезны при изучении глобальных социальных, экономических и политических процессов.
5. Автоматизация рутинных операций (обработка текста, распознавание изображений, машинный перевод и т.д.).

В конце XX в. была создана Российская ассоциация «История и компьютер» для объединения ученых и преподавателей, занимающихся изучением возможностей современных технологий в исторической науке [2]. Ассоциация проводит ежегодные конференции, семинары и круглые столы, публикует научные журналы и сборники статей, организует конкурсы среди молодых исследователей и студентов. Сегодня она является одним из основных центров продвижения идей междисциплинарного подхода в исторической науке.

Обучение информатике в университетах является неотъемлемой частью образовательной программы для будущих историков [4]. В настоящее время в Петрозаводском государственном университете студентам по направлению подготовки 46.03.01 История во втором семестре читается дисциплина «Информационно-коммуникационные технологии» (2 зачетные единицы, экзамен), а в третьем семестре дисциплина «Математические методы в исторических исследованиях» (2 зачетные единицы, зачет). Студенты делятся на группы по трем профилям направления подготовки бакалавриата: «История России», «Историко-культурный туризм», «Зарубежная история». Отметим, что для обучающихся по профилю «Историко-культурный туризм» дополнительно предусмотрена дисциплина «Информационно-компьютерные технологии в сфере туризма» (2 зачетные единицы, зачет). Также Петрозаводский государственный университет осуществляет набор по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленность (профиль) подготовки «История и Обществознание», «Образование в предметных областях». Здесь студенты изучают дисциплины «Информационные

технологии в образовании» (2 зачетные единицы, зачет) и «Основы математической обработки информации» (2 зачетные единицы, зачет).

С октября 2025 г. в вузе запущен общеуниверситетский комплексный проект «Модернизация учебно-методического обеспечения цифровой подготовки студентов непрофильных направлений», который касается не только историков (или представителей гуманитарных областей знаний), но и будущих инженеров, биологов, врачей, юристов и др. Среди поставленных задач проекта можно выделить: проведение комплексного анализа текущего состояния и потребностей цифровой подготовки на непрофильных направлениях; изучение подходов, лучших практик и образовательных моделей в области цифровой подготовки студентов непрофильных направлений в ведущих российских и зарубежных вузах; формирование модели целевых цифровых навыков выпускников для ключевых групп непрофильных направлений (гуманитарные, социально-экономические, естественнонаучные, инженерные, педагогические); разработка «Цифровой карты» образовательных программ непрофильных направлений ПетрГУ; разработка учебно-методической документации по дисциплинам цифрового цикла; внедрение современных образовательных технологий и активных методов обучения в программы цифровой подготовки; обеспечение подготовки профессорско-преподавательского состава по работе с обновленным содержанием и современными педагогическими технологиями; проведение аудита материально-технической базы компьютерных классов, обеспечение доступа к облачным сервисам и образовательным платформам, необходимым для реализации новых учебных курсов.

Анализ рабочих программ дисциплин, связанных с ИТ-компетенциями, в российских вузах показал, что важным аспектом является овладение студентами гуманитарных направлений базовыми понятиями в области информатики: элементами теории информации, современным аппаратным и программным обеспечением, основами алгоритмизации, принципами построения компьютерных сетей и др. В настоящее время значимыми вопросами для преподавания являются введение в искусственный интеллект (ИИ) и информационную безопасность (ИБ).

Изучение искусственного интеллекта приобретает особую значимость для студентов-историков в современном мире [1]. Машины способны анализировать большие объемы данных (тысячи страниц архивных документов, десятки тысяч фотографий, видеозаписи и аудиозаписи интервью) быстрее и точнее, помогая выявить скрытые связи и зависимости (например, с помощью алгоритмов глубокого обучения). Для реконструкции эволюции общественных движений и конфликтов, где исследователи сталкиваются с неопределенностью и недостатком информации, можно использовать системы поддержки принятия решений. Цифровые технологии предлагают новые способы представления результатов исторических исследований (интерактивные карты, визуализация графов связей, модели событий и даже игровые формы погружения в прошлое). Вопросы информационной безопасности важны для борьбы с фальсификацией данных, предупреждением угроз кибератак (особенно уязвимы электронные хранилища, содержащие редкие экземпляры книг, журналов и газет) и нарушением авторских прав.

Можно сказать, что вышеперечисленные темы составляют «ядро» информатики, которое следует интегрировать в учебный процесс различных гуманитарных направлений. На основе знаний в области базовой информатики нужно более углубленно формировать компетенции по применению информационных технологий в дальнейшей профессиональной деятельности историков, в том числе при изучении таких дисциплин, как «Математические методы в исторических исследованиях» и «Историческая информатика».

Литература:

1. Бородкин, Л. И. Историк в мире нейросетей: вторая волна применения технологий искусственного интеллекта / Л. И. Бородкин // Историческая информатика. – 2025. – № 1 (51). – С. 83-94. – DOI: 10.7256/2585-7797.2025.1.74100.
2. Гарскова, И. М. Сетевой анализ историографии: динамика формирования межрегиональной компоненты сети АИК / И. М. Гарскова // Историческая информатика. – 2017. – № 4 (22). – С. 112-129. – DOI: 10.7256/2585-7797.2017.4.25078.
3. Память народа: Подлинные документы о Второй Мировой войне: электронный ресурс. – URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 28.11.2025).
4. Стус, Е. А. Разработка заданий по дисциплине «Информатика и компьютерная техника» для студентов исторического факультета / Е. А. Стус, М. А. Стус // Информатика и образование. – 2022. – № 37(3). – С. 35-45. – DOI: 10.32517/0234-0453-2022-37-3-35-45.

Об авторе:

Москин Николай Дмитриевич, доктор технических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет», г. Петрозаводск, Россия, moskin@petsru.ru

About the author:

Nikolai D. Moskin, Doctor of Technical Science, Associate Professor, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

УДК 37.014.54

Муртазина Г.Ф.

Трансформация образовательного пространства в условиях становления платформенной экономики: исторический опыт и современные вызовы (EdTech)

В статье анализируется феномен платформенной экономики в сфере образования (EdTech). Исследование охватывает длительный хронологический период: от зарождения практик корреспондентского обучения в XIX в. и формирования системы заочного образования в СССР до современного этапа цифровых экосистем. Опираясь на методологию институциональной экономической теории и исторического сравнительного анализа, автор рассматривает эволюцию механизмов снижения транзакционных издержек в обмене знаниями. Особое внимание уделено специфике российского рынка образовательных технологий, роли государства и влиянию платформенных решений на образовательный российский ландшафт. В работе обосновывается тезис о том, что современный EdTech является не просто технологической инновацией, а закономерным этапом трансформации образовательных систем, имеющим глубокие исторические корни.

Ключевые слова: платформенная экономика, EdTech, история образования, заочное обучение, цифровые экосистемы, образовательный суверенитет, региональные университеты.

Guzeliya F. Murtazina

Transformation of the Educational Space in the Context of the Formation of the Platform Economy: Historical Experience and Contemporary Challenges (EdTech)

The article analyzes the phenomenon of platform economy in the field of education (EdTech). The study covers a long chronological period: from the origin of the practices of correspondence education in the XIX century and the formation of the system of correspondence education in the USSR to the modern stage of digital ecosystems. Based on the methodology of institutional economic theory and historical comparative analysis, the author examines the evolution of mechanisms for reducing transaction costs in knowledge exchange. Particular attention is paid to the specifics of the Russian market of educational technologies, the role of the state and the impact of platform solutions on the Russian educational landscape. The paper substantiates the thesis that modern EdTech is not just a technological innovation, but a natural stage in the transformation of educational systems, which has deep historical roots.

Keywords: platform economy, EdTech, history of education, correspondence learning, digital ecosystems, educational sovereignty, regional universities.

Современная историческая и экономическая наука переживает момент глубокой рефлексии, вызванной фундаментальными сдвигами в структуре общественных отношений. Появление и стремительная экспансия платформенных бизнес-моделей, которые исследователи (Н. Срничек, Д. Старк) характеризуют как «платформенный капитализм», затрагивают не только сферы торговли или транспорта, но и наиболее консервативные социальные институты, к числу которых относится образование [9].

Актуальность данного исследования определяется необходимостью осмысления новой цифровой образовательной реальности. Является ли глобальная цифровизация угрозой для образовательных традиций, или же она открывает новые возможности для интеграции в мировое научное пространство. Чтобы ответить на этот вопрос, недостаточно проанализировать текущие финансовые показатели рынка EdTech. Необходимо вскрыть историческую генеалогию дистанционных форм обучения, понять экономическую логику их эволюции и выявить институциональные ловушки, которые скрываются за фасадом технологического оптимизма.

Данная работа исходит из гипотезы, что современная платформенная экономика в образовании (EdTech) не является разрывом с традицией, а представляет собой новый этап эволюции механизмов отчуждения и дистрибуции знаний, начало которой было положено еще в эпоху промышленной революции. Методологической базой исследования служит неинституциональная экономическая теория (теория транзакционных издержек, теория контрактов), а также историко-генетический метод, позволяющий проследить преемственность образовательных форм.

Прежде чем обратиться к историческому материалу, необходимо определить категориальный аппарат, через призму которого будет рассматриваться эволюция образовательных систем. В современной экономической теории понятие «платформа» вышло далеко за пределы технического термина и приобрело институциональное звучание.

С точки зрения экономической теории, образовательная платформа представляет собой классический

пример двустороннего (или многостороннего) рынка. Основоположники теории двусторонних рынков Жан Тироль и Жан-Шарль Роше определяют платформу как посредника, который создает ценность, обеспечивая прямое взаимодействие между двумя и более группами пользователей, и где выгода каждой группы зависит от размера другой группы (сетевые эффекты) [10].

В контексте образования этими группами выступают:

1. Производители знания: образовательные организации, независимые преподаватели, эксперты-практики, методисты.

2. Потребители знания: студенты, работодатели, специалисты, повышающие квалификацию.

Традиционный университет также выполняет функцию посредника, однако его структура иерархична и жестко локализована. Университет «связывает» лектора и студента в конкретной аудитории в конкретное время (расписание). Платформа же снимает пространственно-временные ограничения, радикально снижая транзакционные издержки поиска и взаимодействия.

Экономическая эффективность платформы обусловлена следующими факторами [9, 10]:

1) Снижение транзакционных издержек: платформа берет на себя функции верификации качества (рейтинги, отзывы), проведения платежей и доставки контента. В доцифровую эпоху студенту требовались значительные усилия для поиска репетитора или уникального курса; платформа сводит эти усилия к нескольким кликам.

2) Экономия на масштабе: предельные издержки предоставления доступа к записанному онлайн-курсу для каждого следующего студента стремятся к нулю. Это фундаментальное отличие от традиционной лекции, где предельная емкость аудитории ограничена физически, а нагрузка на преподавателя растет.

3) Сетевые эффекты: чем больше студентов на платформе, тем больше данных они генерируют, что позволяет улучшать алгоритмы рекомендаций и привлекать лучших преподавателей. Это создает циклическую причинность, ведущую к монополизации рынка несколькими крупными игроками.

Исторический процесс развития образовательных технологий можно описать как эволюцию свойств знания как экономического блага.

В традиционной модели знание было конкурентным и исключаемым благом. Присутствие одного ученика у ног мастера сокращало внимание, уделяемое другому. Книга была редким и дорогим ресурсом.

С появлением книгопечатания, а затем и цифровых технологий, знание (в форме информации) становится неконкурентным (потребление одним человеком не уменьшает доступности для другого) и, в пределе, неисключаемым (сложность ограничения доступа к цифровой копии).

EdTech-платформы пытаются искусственно вернуть знанию свойство исключаемости, создавая «огороженные сады» (walled gardens) и продавая не столько информацию (которая часто доступна бесплатно), сколько сигнализирование (сертификат, диплом) и сопровождение (менторство, проверка заданий) [1].

Исторический анализ показывает, что многие принципы, лежащие в основе современного EdTech, были изобретены задолго до появления Интернета. Мы можем выделить несколько «прото-платформенных» этапов, каждый из которых был связан с определенным технологическим укладом и снижением логистических издержек.

Первая революция в дистанционном образовании произошла в середине XIX в. и была напрямую связана с развитием железнодорожного транспорта и унификацией почтовых тарифов (введение «пенни-почты» в Великобритании в 1840 г.). Это создало экономическую базу для обмена информацией на больших расстояниях [3].

В 1840 г. сэр Исаак Питман начал рассылать уроки стенографии по почте, предлагая ученикам отправлять выполненные задания обратно для проверки. Это был первый пример асинхронного интерактивного обучения. Экономическая модель Питмана уже содержала ключевые элементы современной платформы: масштабируемый контент (печатные карточки) и механизм обратной связи [5].

В 1858 г. Лондонский университет (University of London) учредил Программу экстерната (External Programme), став, по сути, первым «распределенным университетом». Студенты из колоний Британской империи могли сдавать экзамены и получать диплом, не посещая Лондон. Это имело колоссальное социальное значение, открывая доступ к образованию для тех, кто не мог позволить себе переезд в метрополию. С институциональной точки зрения, это был разрыв связи между местом обучения и статусом диплома [2].

В Российской империи схожие процессы начались в конце XIX века. Распространение грамотности и потребность в самообразовании породили рынок «писем самообучения». Журналы и просветительские общества предлагали курсы по самым разным предметам – от иностранных языков до бухгалтерии. Особенностью российского опыта была высокая роль общественной инициативы и просветительский пафос, который накладывался на коммерческую составляющую [1].

Особое место в мировой истории дистанционного образования занимает советская система заочного обучения. В условиях форсированной индустриализации СССР столкнулся с дефицитом квалифицированных кадров, который невозможно было покрыть только за счет стационарных вузов. Ответом стало создание уникальной системы, которую можно назвать «аналоговой образовательной платформой» государственного масштаба.

Советская система характеризовалась [1]:

1) Централизацией контента: Разработка единых учебных планов и методических пособий в головных вузах.

2) Сетевой структурой: Разветвленная сеть учебно-консультационных пунктов (УКП) и филиалов, доходившая до отдаленных строек и заводов.

3) Стандартизацией: Жесткие ГОСТы обеспечивали совместимость образовательных модулей по всей стране.

Экономическая эффективность заочного обучения была высокой: затраты на подготовку одного специалиста

были в 3-4 раза ниже, чем на дневном отделении, при этом студент продолжал работать, создавая ВВП. Для жителей провинции, в том числе Поволжья и Татарстана, заочное обучение (например, в Казанском университете или педагогических институтах) было единственным социальным лифтом.

Историческое значение советского опыта для современного российского EdTech трудно переоценить. Он сформировал в массовом сознании легитимность обучения без постоянного физического контакта с преподавателем. Когда в XXI в. в Россию пришли онлайн-платформы, почва была уже подготовлена десятилетиями существования культуры «заочников».

Середина XX в. ознаменовалась попытками использовать вещательные технологии. Радиоуниверситеты в США 1920-х гг. и телевизионные курсы 1960-1970-х гг. (знаменитый Open University в Великобритании) позволили радикально расширить аудиторию [2].

Однако, с экономической точки зрения, это был шаг назад в плане механики обучения. Модель вещания («один-ко-многим») лишена обратной связи. Предельные издержки на доставку сигнала были низкими, но качество обучения страдало из-за невозможности контроля усвоения материала. Телевизионный преподаватель стал «говорящей головой», что предвосхитило формат ранних видеолекций в интернете, но не создало полноценной образовательной среды.

Переход к цифровой экономике в конце XX в. создал технологические предпосылки для синтеза массовости (как на ТВ) и интерактивности (как в переписке).

Настоящий прорыв произошел в 2011-2012 гг., когда профессора Стэнфорда (С. Трун, Э. Ын, Д. Коллер) запустили массовые открытые онлайн-курсы (МООС). Платформы Coursera, Udacity и edX предложили модель, которая казалась утопией: курсы от лучших университетов мира бесплатно для всех [3].

Экономический парадокс МООС: Первоначальная модель не предполагала явной монетизации. Это была экономика дарения, поддерживаемая венчурным капиталом в расчете на будущий захват рынка. Однако быстро выяснилось, что бесплатный доступ имеет обратную сторону: катастрофически низкую доходимость – около 3-5 %.

К 2015-2016 гг. глобальные платформы осознали, что модель «университет для всех» финансово несостоятельна. Произошел разворот (pivot) к прагматичным моделям:

- 1) Платная сертификация: контент бесплатен, но диплом стоит денег.
- 2) Специализации и микро-степени: короткие программы, ориентированные на конкретные навыки (Python, Data Science).
- 3) Корпоративное обучение (B2B): платформы стали продавать подписку компаниям для обучения сотрудников.

Университетская парадигма «образования как формирования личности» (Bildung) была вытеснена инструментальной парадигмой «образования как набора компетенций» (skilling). Платформы стали обслуживать потребности рынка труда напрямую, минуя академические традиции [6].

Российский сегмент платформенной экономики в образовании демонстрирует уникальную траекторию развития, обусловленную как историческим наследием, так и современной геополитической и экономической конъюнктурой.

В начале 2010-х гг. российский рынок развивался в русле общемировых трендов. Появились яркие стартапы: «Нетология» (фокус на digital-профессиях), Lingualeo (геймификация языков), Skyeng (платформа для репетиторов). Однако структура капитала в России быстро преопределила консолидацию рынка вокруг крупных технологических и государственных игроков [6].

Ключевая особенность российского EdTech 2020-х гг. – экосистемность. Образовательные платформы не существуют изолированно, они становятся частью мега-приложений (SuperApps) технологических гигантов:

- 1) VK: консолидировала крупнейшие активы (Skillbox, GeekBrains, SkillFactory, Учи.ру). Образование интегрируется с социальными сетями, видеохостингом и сервисами поиска работы.
- 2) Сбер: развивает собственные образовательные инициативы (СберУниверситет, Школа 21, СберСова) и инвестирует в платформенные решения для школ.
- 3) Яндекс: развивает Яндекс. Практикум, делая ставку на жесткую методику и тренажеры с автоматической проверкой, интегрированные в экосистему сервисов Яндекса.

С точки зрения институциональной экономики, вхождение в экосистему позволяет радикально снизить стоимость привлечения клиента. Если независимый стартап тратит огромные бюджеты на маркетинг, то экосистема может предлагать курсы пользователям своих служб такси, доставки еды или социальных сетей через единый ID.

В отличие от США, где рынок формируется преимущественно частным капиталом, в России государство занимает активную позицию архитектора образовательного пространства. Проект «Современная цифровая образовательная среда» (СЦОС) и создание «Национальной платформы открытого образования» (НПОО) – яркие примеры государственного интервенционизма [6].

НПОО была создана как консорциум ведущих вузов (МГУ, СПбГУ, ВШЭ, МФТИ и др.) с целью импортозамещения глобальных платформ типа Coursera. Важнейшим институциональным нововведением стала нормативная возможность перезачета онлайн-курсов, пройденных на платформе, в своем родном вузе.

Это создает интересную коллизию для региональных вузов. С одной стороны, студенты из Набережных Челнов или Елабуги получают доступ к лекциям лучших профессоров МГУ. С другой стороны, возникает риск девальвации локальных преподавателей. Зачем слушать лекцию местного доцента, если есть курс академика из Москвы? Это ставит перед региональными университетами вызов переосмысления своей роли: от транслятора знаний к тьютору

и организатору проектной работы.

Нельзя обойти вниманием и серую зону рынка – так называемый «инфобизнес» или, в более критической риторике, «инфоцыганство». Развитие социальных сетей (Instagram, Telegram) позволило тысячам блогеров запускать собственные микро-курсы («марафоны желаний», курсы по «запуску курсов»).

Экономически это явление объясняется крайне низкими барьерами входа. Для запуска курса не нужна лицензия, достаточно смартфона и аккаунта. Однако отсутствие институтов репутации и контроля качества приводит к эффекту, описанному нобелевским лауреатом Дж. Акерлофом как «рынок лимонов»: некачественные продукты вытесняют качественные за счет агрессивного маркетинга и демпинга (или, наоборот, иррационально высоких цен, основанных на обещании чуда).

Платформенная экономика не просто меняет способ доставки контента, она трансформирует саму структуру академического труда и университетской иерархии.

В борьбе за время пользователя образовательные платформы конкурируют не с другими вузами, а с индустрией развлечений – Netflix, TikTok, YouTube. Это диктует неизбежную трансформацию форматов. Длинные академические лекции (90 минут) уступают место микро-обучению (micro-learning) – видеофрагментам по 5-10 минут.

Внедряются механики геймификации, яркий визуальный ряд, элементы шоу. Образование дрейфует в сторону «эдьютейнмента» (education + entertainment) [12].

Однако критики указывают на риск примитивизации контента. Сложные теоретические концепции, требующие глубокой рефлексии и «медленного чтения», плохо вписываются в клиповый формат платформ. Это создает разрыв между массовым «фаст-фуд образованием» и элитарным фундаментальным знанием, которое остается уделом очных ведущих университетов [1,5].

Исторически университет в провинции был центром кристаллизации культурной жизни. Платформенная экономика создает риск виртуальной миграции. Талантливые студенты, даже физически оставаясь в регионе, ментально и профессионально ориентируются на глобальные центры, потребляя контент столичных вузов и трудоустриваясь на удаленную работу в московские корпорации.

Это явление «внутренней утечки мозгов» ставит под угрозу воспроизводство локальных университетов. Если базовое образование можно получить онлайн в ВШЭ или Skillbox, то зачем нужен региональный университет?

Ответ на этот вызов лежит в поиске уникальной ниши, которую не может закрыть глобальная платформа.

1. Гибридное обучение: Вуз может использовать онлайн-курсы лучших мировых экспертов как теоретическую базу, а в аудиториях сосредоточиться на семинарах, дискуссиях и практической работе, которую невозможно оцифровать.

2. Социализация и воспитание: Платформа дает информацию, но не формирует социальные связи, soft skills и гражданскую позицию. Вуз остается незаменимым пространством взросления и социализации молодежи.

3. Локальная специфика: Региональный вуз может создавать уникальные образовательные продукты, привязанные к потребностям местной экономики (например, специфика автопрома для Набережных Челнов) и культурно-историческому контексту (история Поволжья, этнопедагогика), которые неинтересны глобальным игрокам из-за узости ниши.

Таким образом, платформенная экономика не убивает региональный вуз, но принуждает его к специализации и повышению качества очного взаимодействия.

Завершая историко-экономический обзор, необходимо очертить контуры ближайшего будущего. Появление генеративного искусственного интеллекта (Generative AI) в 2022-2023 гг. знаменует начало нового этапа – EdTech 3.0.

ИИ-тьюторы на базе больших языковых моделей (LLM) делают персонализацию масштабируемой и дешевой. Платформа будущего будет не библиотекой видеокурсов, а адаптивной средой, где ИИ-наставник генерирует уникальные задания, объясняет ошибки и поддерживает мотивацию конкретного ученика в режиме 24/7. Это окончательный переход от модели конвейера к модели массовой кастомизации [8].

Развитие ИИ «ставит крест» на традиционных формах письменного контроля. Эссе, рефераты и тесты становятся бессмысленными, так как нейросеть справляется с ними за секунды. Это вынуждает образовательную систему возвращаться к «доцифровым» методам верификации – устным экзаменам, очным защитам проектов, работе в аудитории.

Возникает парадокс: чем совершеннее цифровые технологии генерации контента, тем выше ценность живого, физического присутствия и непосредственного человеческого общения. Элитное образование будущего, вероятно, будет максимально «офлайнным» и свободным от гаджетов, в то время как массовое образование станет полностью цифровым.

Подводя итог исследованию, можно сформулировать следующие выводы:

1. Платформенная экономика в образовании (EdTech) – это закономерный результат двухвековой эволюции технологий дистанционного обучения. От писем Питмана и советских заочных институтов до экосистем Сбера и VK прослеживается единая логика: стремление снизить издержки доступа к знанию и масштабировать лучшие педагогические практики.

2. В основе EdTech лежат механизмы двусторонних рынков и сетевых эффектов, которые ведут к олигополизации отрасли. Образование превращается из общественного блага в сервисный продукт, интегрированный в широкие цифровые экосистемы.

3. Роль университета меняется. Он утрачивает монополию на трансляцию знаний, но сохраняет ключевую роль в социализации, верификации компетенций и генерации новых смыслов.

4. Специфика отечественного пути заключается в высокой роли государства и формировании суверенных платформ. Для региональных вузов цифровая эпоха несет риски потери субъектности, но одновременно открывает возможности для интеграции в глобальные сети через гибридные модели и специализацию на уникальном локальном контенте.

История учит нас, что технологии никогда не являются нейтральными. Они перекраивают социальный ландшафт, создавая новых победителей и проигравших. Задача государства выстраивать такие институциональные рамки, в которых цифровая платформа будет служить гуманистическим идеалам просвещения, а не только логике извлечения прибыли.

Литература:

1. Алексеева, Е. В. Влияние цифровизации на культуру. Цифровые технологии в сфере культуры / Е. В. Алексеева // Вестник науки. – 2024. – № 11 (80). Т. 4. – С. 1489-1499. – Режим доступа: <https://www.vestnik-nauki.ru/article/19131> (дата обращения: 12.12.2025).
2. Бурдье, П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений / П. Бурдье // Socio-Logos. – М.: Прогресс, 1991.
3. Идеи, меняющие мир – 2015 / Д. Аббаси, Д. Биелло, Л. Биллингс [и др.] // В мире науки. – 2016. – № 1-2. – С. 84-93.
4. Кузьминов, Я. И. Онлайн-обучение: как оно меняет структуру образования и экономику университета / Я. И. Кузьминов, С. Карновский, И. В. Абанкина // Вопросы образования. – 2019. – № 3. – С. 8-43.
5. Купчинская, М. А. Клиповое мышление как феномен современного общества / М. А. Купчинская, Н. В. Юдалевич // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2019. – № 3 (14). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/klipovoe-myshlenie-kak-fenomen-sovremennogo-obschestva> (дата обращения: 09.12.2025).
6. Куцева, Н. Б. Современная цифровая образовательная среда в высшем образовании России / Н. Б. Куцева, В. И. Терехова // Проблемы современной экономики. – 2018. – № 1 (65). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-tsifrovaya-obrazovatel'naya-sreda-v-vysshem-obrazovanii-rossii> (дата обращения: 12.12.2025).
7. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; РАН: пер. с англ. А. Н. Нестеренко; Предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Начала, 1997.
8. Поспелова, Е. А. Генеративный искусственный интеллект в образовании: анализ тенденций и перспектив / Е. А. Поспелова, П. Л. Отоцкий, Е. Н. Горлачева, Р. В. Файзуллин // Профессиональное образование и рынок труда. – 2024. – № 3 (58). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/generativnyy-iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii-analiz-tendentsiy-i-perspektiv> (дата обращения: 10.12.2025).
9. Срничек, Ник. Капитализм платформ / Н. Срничек // Экономическая социология. – 2019. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kapitalizm-platform> (дата обращения: 10.12.2025).
10. Тироль, Жан. Рынки и рыночная власть: теория организации промышленности: в 2 т. / Жан Тироль; под ред. В. М. Гальперина и Н. А. Зенкевича; Ин-т «Открытое о-во». – 2 изд., испр. – М.: Экон. шк. [и др.], 2000. – Т. 2. – 450 с.
11. Уильямсон, О. И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция: пер. с англ. / О. И. Уильямсон; [науч. ред. и вступ. ст. В. С. Катькало]. – СПб.: Лениздат, 1996. – 702 с.
12. Шляхова, С. С. Отношение пользователей геймифицированных образовательных платформ к геймификации в обучении: эмпирическое исследование / С. С. Шляхова, Л. Д. Минзоров // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2025. – № 8. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-polzovateley-geymifikirovannyh-obrazovatelnyh-platform-k-geymifikatsii-v-obuchenii-empiricheskoe-issledovanie> (дата обращения: 12.12.2025).

Об авторе:

Муртазина Гузелия Фаритовна, кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Россия, g.f.murtazina@gmail.com

About the author:

Guzeliya F. Murtazina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russia

УДК 37.035.6

Панфилов Н.Г.

Образ Мусы Джалиля в живописи: искусство как инструмент сохранения исторической памяти и духовного наследия

В статье исследуется визуальная репрезентация подвига татарского поэта-героя Мусы Джалиля в изобразительном искусстве и анализируется, как живопись, графика и скульптура становятся мощным средством трансляции исторической памяти и духовных ценностей. На основе анализа творчества художников разных поколений раскрываются ключевые подходы к интерпретации образа Джалиля.

Ключевые слова: герой, образ, Муса Джалиль, изобразительное искусство.

Nikolay G. Panfilov

The Image of Musa Jalil in Painting: Art as a Tool for Preserving Historical Memory and Spiritual Heritage

The article explores the visual representation of the heroic deed of the Tatar poet and hero Musa Jalil in the field of fine arts and analyzes how painting, graphics, and sculpture become powerful means of transmitting historical memory and spiritual values. Based on the analysis of the works of artists from different generations, the article reveals key approaches to interpreting the image of Jalil.

Keywords: hero, image, Musa Jalil, fine art.

С конца 1940-х гг. выдвигались частные инициативы опубликования творчества М. Джалиля, но они не могли быть реализованы в тот период. С началом либерализации, которая только намечалась в советском обществе, весной 1953 г. К.М. Симонов смог опубликовать в «Литературной газете» стихи М. Джалиля, которые он сопроводил короткой информацией о пленении поэта и его нахождении в тюремных застенках [12]. Эти шесть стихов из цикла «Моабитская тетрадь» стали началом популяризации М. Джалиля в послевоенном культурном пространстве. После чего последовали и другие упоминания о М. Джалиле в периодической печати. Уже в начале июня 1953 г. в газете «Правда» была напечатана статья «Сильнее смерти» за авторством Г.Б. Баширова – члена союза писателей ТАССР, который в это время также был депутатом Верховного Совета ТАССР. В этой статье автор представляет М. Джалиля как коммуниста-патриота, талантливого поэта [2].

Интерес к фигуре М. Джалиля, публикация материала о нём, его творчестве, визуализация его образа в изобразительном искусстве на тот момент становились возможными благодаря личной инициативе отдельных представителей творческой интеллигенции, людей представляющих власть на местах. Эти действия в итоге привели к сдвигу в оценке личности М. Джалиля и его места в истории Великой Отечественной войны. В ноябре 1955 г. первый секретарь Татарского обкома КПСС З.И. Муратов направил в Москву ходатайство о присвоении М. Джалилю звания Героя Советского Союза и с просьбой о получении разрешения на проведение мероприятия по случаю 50-летнего юбилея со дня рождения поэта [8]. В 1956 г. М. Джалилю было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. В следующем, 1957 г., за цикл стихов «Моабитская тетрадь» Джалиль стал лауреатом Ленинской премии. С этого времени имя поэта активно начали присваивать улицам, кинотеатрам, школам [9], пионерским отрядам по всей стране. Велись исследования его биографии, творчества, отслеживалась судьба в плену. Включение имени М. Джалиля в наименования различных элементов городской инфраструктуры стало эффективным способом его увековечивания и закрепления в общественном сознании [7]. М. Джалиль был включен в пантеон героев, которые оказывают влияние на патриотическое воспитание молодого поколения, участвуют в формировании его мировоззрения. Такие героические образы являются фрагментом национального символизма, обеспечивающего связь поколений, они необходимая часть истории народа [5]. Отношение к героическим образам демонстрирует потребность каждого нового поколения в понимании собственной истории, уровень его готовности следовать ценностям, исходящим от таких образов.

Заметное место образ М. Джалиля занял в изобразительном искусстве, где он с самого начала стал воплощаться как символ сопротивления и негибаемой воли в противостоянии с врагом и впоследствии явился демонстрацией жертвы татарского народа в победе над захватчиком советской Родины. Изобразительное искусство выступает как одна из форм сохранения исторической памяти, оно позволяет визуализировать события Великой Отечественной войны, придать смысл понятные образы.

Х.А. Якупов в своём творчестве один из первых художников, кто обратился к судьбе М. Джалиля и сумел показать образ поэта как бесстрашного и стойкого человека, бойца, осознающего неизбежность своей гибели, но готового идти до конца отстаивая свои убеждения. В 1954 г. художник представил на Всесоюзной выставке в

Третьяковской галереи своё полотно «Перед приговором» [14]. В его работе поэт изображён в момент допроса, образ его спокоен, взгляд уверенный и прямой. Все фигуры композиции изображены так, что взгляд М. Джалиля находится выше остальных и получается, что он свысока смотрит на гитлеровских офицеров. Этот художественный приём демонстрирует зрителю внутреннее превосходство М. Джалиля перед его палачами. Похожие черты придал М. Джалилю Ф.А. Аминов. В его работе «Муса Джалиль перед казнью», написанной в 1975 г. [1], поэт изображён с остальными членами группы Г.Н. Курмашева, стоящими у гильотины. Они освещены светом, а их палачи и орудие казни сокрыты в тени. Противоположность символических категорий света и тьмы в этой картине можно сопоставить с этическими категориями добра и зла. Герой всегда побеждает зло, и он всегда имеет более богатое внутреннее содержание, что делает его сильнее врагов.

Образ героя способен персонифицировать события Великой Отечественной войны, да и любых других важных исторических событий. В общественном сознании покорение Сибири ассоциируется с Ермаком, а Бородинское сражение с М.И. Голенищевым-Кутузовым. Героический образ становится образцом, задающим ценностные ориентиры и определённую модель поведения в тех случаях, когда этого требуют обстоятельства. Война, угроза будущему Родины и народа, ценности, которые святы для общества, такие вызовы способны каждого человека поставить перед вопросом, а сможет ли он повторить совершённый героем подвиг в угрожающей ситуации? Герой необходим обществу, он является основой для формирования образа и мифа о нём [13]. При этом миф не является фиксированным и способен изменяться или дополняться под внешними факторами. При изменении общественных задач, целей и определения дальнейшего пути, возникают новые герои, отвечающие иным запросам, или актуализируются устоявшиеся образы героев, если они способны эффективно выполнять свои функции в новых реалиях [5].

В ряде работ художники создали образ М. Джалиля как несломленного узника, запертого в камере, но продолжающего свою борьбу с врагом, таким грозным и беспощадным оружием как слово. На этих полотнах М. Джалиль изображён с тетрадкой стихов, которые продолжал писать в тюремных стенах. В своём творчестве М. Джалиль воспевал любовь к Родине и ненависть к врагам. В стихах он победил своих палачей и сделал больше – шагнул в вечность. Такой сюжет изобразил А.Х. Валиахметов в своей работе 1957 г. [3].

Образ М. Джалиля в изобразительном искусстве неотделим от социально-политической среды, в которой он визуализируется художником, с учётом его субъективного восприятия личности и судьбы героя. С середины 1950-х гг. М. Джалиль изображается в драматических сценах, где показан в образе узника, томящегося в камере или находящегося среди гитлеровских палачей. В 1970-х гг. появляются сюжеты, раскрывающие М. Джалиля как поэта, вдохновляющего красноармейцев на передовой, творчеством объединяющего вокруг себя боевых товарищей. Его образ изображается в различных многофигурных композициях. В.Н. Скобеев размещает фигуры советских солдат 1970-х гг. у памятника М. Джалилю в Казани [11]. Образ Джалиля, его стойкость и преданность Родине являются примером, на который нужно равняться изображённым солдатам. В.И. Куделькин изображает М. Джалиля до трагических событий, пленения, его подпольной работы и последующего ареста. У В.И. Куделькина М. Джалиль показан в офицерской форме, читающим стихи на позициях, среди красноармейцев, вероятно отдыхающих после боя. Через несколько лет, в середине 1980-х гг. художник возвращается к этому сюжету и создаёт новое полотно [6].

В 1981 г. В.Н. Скобеев создаёт образ М. Джалиля, далёкий от войны. В его интерпретации М. Джалиль счастливый отец, писатель, поэт [10].

В своём творчестве М. Джалиль предстаёт не только как патриот, готовый встать на защиту Родины, но и как любящий отец, постоянно думающий о дочери. Мысли о семье, о Родине, несомненно, способны придавать сил в самых сложных и трагичных перипетиях судьбы, заставить жить несмотря ни на что и оставаться человеком. В живописи художников ТАССР образ М. Джалиля проходит путь от подпольщика, который, несмотря на неизбежный гибельный конец молодой талантливой жизни, продолжает бороться с врагом в своих стихах, не прекращая их писать в неволе, к образу, освещающему его деятельность в действующей армии, как политрука, находящегося в окружении красноармейцев, на позициях или в корпункте. Позже возникают лирические образы М. Джалиля, как национального поэта и отца. Образ М. Джалиля в общественном сознании прочно связан с событиями Великой Отечественной войны, и в равной степени образ Джалиля воплощает в себе его огромный вклад в татарскую и общероссийскую культуру.

Литература:

1. Аминов, Ф.А. «Муса Джалиль перед казнью», холст, масло, 100x80, 1975 г. // ГМИИРТ КП-6058. Государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан». – Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=8721033> (дата обращения: 15.11.2025).
2. Баширов, Г. Сильнее смерти / Г. Баширов // Правда. – 1953. – № 157 (12725). – 6 июня. – С. 3. – Режим доступа: <https://yandex.ru/archive/catalog/c708cad-c2c29-4e55-a2a0-fae3cd0e3234/3> (дата обращения: 15.11.2025 г.).
3. Валиахметов, А.Х. «Муса Джалиль», холст, масло, 161x100, 1957 г. // ГМИИРТ КП-2603. Государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан». – Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=8895193> (дата обращения: 15.11.2025).
4. Гребенюк, А.А. Информационная мировая война / А.А. Гребенюк // Курицын А.Н., Тимонов М.А., Лемэр Л.Г. Демонтаж героических образов. – М.

- : Первое экономическое издательство, 2021. – 84 с. – Режим доступа: <https://kribrum.ru/upload/demontaj-geroicheskikh-obrazov.pdf> (дата обращения: 15.11.2025).
5. Ковалева, Ю. В. Роль образа героя в жизни общества / Ю. В. Ковалева // Курицын А. Н., Тимонов М. А., Лемэр Л. Г. Демонтаж героических образов. – М.: Первое экономическое издательство, 2021. – 84 с. – Режим доступа: <https://kribrum.ru/upload/demontaj-geroicheskikh-obrazov.pdf> (дата обращения: 15.11.2025).
 6. Куделькин, В.И. «Политрук», холст, масло, 160x180, 1985-1986 гг. // ГМИИРТ КП-12084. Государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан». – Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=8917769> (дата обращения: 15.11.2025).
 7. Мединский, Р. И. Патриотизм – важнейшая составляющая безопасности России / Р. И. Мединский // Идеология будущего. – 2024. – № 14. – С. 5-11. – Режим доступа: https://history.ru/files/ideology_of_future_14_v2.pdf (дата обращения: 15.11.2025 г.).
 8. Письмо первого секретаря Татарского обкома КПСС З. Муратова в ЦК КПСС с ходатайством о присвоении М. Джалилю звания Героя Советского Союза и с просьбой разрешения провести 50-летнего юбилея со дня его рождения, 19 ноября 1955 г. / Муса Жәлил – документларда / Төз.: Р. Исламов. – Казан: Жыен, 2021. — С. 539. – Режим доступа: https://www.bf-tatneft.ru/fond/documents/books/Jalil_Text_Для_сайта.pdf (дата обращения: 15.11.2025 г.).
 9. Политические деятели Татарстана: биографические очерки (1920-2020 гг.). — Казань: ОСП «ИТЭР АН РТ», 2020. – 496 с.: ил. – Режим доступа: https://tatarica.org/application/files/3416/2262/9039/100_polit-001-496-1.pdf (дата обращения: 15.11.2025 г.).
 10. Скобеев, В.Н. «Лирический портрет М. Джалиля», холст, масло, 118x105, 1981 г. // ГМИИРТ КП-12084. Государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан». – Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=8853229> (дата обращения: 15.11.2025).
 11. Скобеев, В.Н. «У памятника М. Джалилю», холст, масло, 145x150, 1973 г. // МВТП 115/1. Государственное бюджетное учреждение культуры Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Мемориальный музей военного и трудового подвига 1941-1945 гг.». – Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=45835533> (дата обращения: 15.11.2025).
 12. Стихи, написанные в Моабите. Муса Джалиль // Литературная газета. – 1953. – № 50 (3079). – 25 апреля. – С. 3. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_107684 (дата обращения: 15.11.2025 г.).
 13. Тимонов, М.А. Десакрализация подвига народа в ВОВ. Война с Победой / М. А. Тимонов, А. Н. Курицын, Л. Г. Лемэр. – М.: Первое экономическое издательство, 2021. – 32 с. – Режим доступа: https://kribrum.ru/upload/Vojna_s_Pobedoj_Desakralizaciya_podviga_naroda_v_Velikoj_Otechestvennoy.pdf (дата обращения: 15.11.2025).
 14. Якупов, Х.А. «Муса Джалиль. Перед приговором», холст, масло, 156x256, 1954 г. // ГМИИРТ КП-4140. Государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан». – Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=8721033> (дата обращения: 15.11.2025).

Об авторе:

Панфилов Николай Геннадьевич, аспирант, Институт татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова Академии наук Республики Татарстан, г. Набережные Челны, Россия, architectonica@bk.ru

About the author:

Nikolay G. Panfilov, Graduate student, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies named after. M. Khasanova Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

УДК 93/94

Сабилов И.Т., Сабирова М.И.

Стратегии интеграции латиноамериканских стран в систему БРИКС в условиях формирующейся многополярности

В статье исследуются стратегические направления и механизмы интеграции стран Латинской Америки, в первую очередь Южной Америки, в систему взаимодействия с объединением БРИКС в контексте глобального перехода к многополярной мирохозяйственной системе. Авторы анализируют исторические и политико-экономические предпосылки сближения, ключевую роль Бразилии как полноправного участника блока, а также интересы других стран региона (Аргентины, Чили, Уругвая и др.) в развитии сотрудничества в форматах БРИКС и БРИКС+.

Ключевые слова: международная интеграция, БРИКС, Латинская Америка, МЕРКОСУР, многополярность, «Глобальный Юг», стратегическое партнёрство, межрегиональное сотрудничество.

Ishat T. Sabirov, Malika I. Sabirova

Strategies for the Integration of Latin American Countries into the BRICS System in the Context of Emerging Multipolarity

The article explores the strategic directions and mechanisms of integration of Latin American countries, primarily South America, into the BRICS system of cooperation in the context of the global transition to a multipolar world economic system. The authors analyze the historical and political-economic prerequisites for the rapprochement, the key role of Brazil as a full-fledged member of the bloc, and the interests of other countries in the region (Argentina, Chile, Uruguay, etc.) in developing cooperation in the BRICS and BRICS+ formats.

Keywords: international integration, BRICS, Latin America, MERCOSUR, multipolarity, Global South, strategic partnership, interregional cooperation.

На рубеже XX-XXI вв. Латинская Америка стала ареной активных и многоуровневых интеграционных процессов. Эти процессы были направлены на преодоление хронических социально-экономических диспропорций, целенаправленное укрепление региональной идентичности и повышение конкурентоспособности в условиях быстро меняющейся глобальной системы. Наряду с развитием внутрирегиональных инициатив (таких как МЕРКОСУР, АЛБА, УНАСУР, СЕЛАК) всё более значимым и стратегически осознанным стал курс на выстраивание прочных межрегиональных альянсов с крупными западными центрами силы. Ключевым из таких центров, предлагающим альтернативную модель взаимодействия, стало объединение БРИКС.

Актуальность изучения стратегий взаимодействия стран региона с БРИКС обусловлена совокупностью взаимосвязанных факторов. Во-первых, это неоспоримо растущее экономическое и политическое влияние самого блока, который превратился в один из основных столпов формирующегося многополярного мира. Во-вторых, наблюдается значительное концептуальное совпадение базовых принципов: и для многих латиноамериканских стран, и для государств БРИКС характерна повестка, основанная на приоритете национального суверенитета, праве на самостоятельный выбор пути развития и критике неокOLONIALных практик. В-третьих, гибкие форматы взаимодействия, прежде всего концепция «БРИКС+», открывают для стран региона реальные перспективы расширения участия без необходимости немедленного полноформатного вступления.

Данное исследование ставит своей целью провести всесторонний анализ основных векторов, движущих сил, внутренних противоречий и долгосрочных перспектив интеграции латиноамериканских стран в систему многосторонних отношений, формируемую и продвигаемую БРИКС.

Интерес Латинской Америки к формату БРИКС, официально оформившемуся в период с 2006 по 2010 гг., не был случайным, а стал закономерным следствием глубоких глобальных сдвигов. Критика устаревшей однополярной модели мира и насущная необходимость радикальной реформы архаичных международных финансовых институтов, чётко озвученные на первом саммите БРИКС в Екатеринбурге в 2009 г., нашли живой и широкий отклик в регионе, исторически сталкивавшемся с тяжелыми последствиями диктуемых извне неоллиберальных реформ и долговой зависимости [5]. Политическая повестка многих левых и центристских правительств Южной Америки 2000-х гг., базировавшаяся на принципах государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела и прагматичной южной солидарности, демонстрировала высокую степень созвучия с базовыми внешнеполитическими установками БРИКС [3].

С сугубо экономической точки зрения, комплементарность интересов также представляется очевидной и взаимовыгодной. Страны БРИКС, в особенности динамично растущие Китай и Индия, выступают в роли крупнейших потребителей сырьевых и аграрных товаров, составляющих основу экспортного потенциала многих латиноамериканских государств. Одновременно они являются важнейшими источниками столь необходимых для модернизации прямых инвестиций, технологических решений и кредитных ресурсов. В свою очередь, Латинская Америка представляет для БРИКС не только ёмкий и перспективный развивающийся рынок сбыта для товаров с высокой добавленной стоимостью, но и стратегического политического партнёра в деле институционального укрепления многополярности и формирования альтернативных площадок глобального диалога.

Сотрудничество между странами Латинской Америки и государствами БРИКС носит комплексный характер и развивается по нескольким ключевым, взаимосвязанным направлениям, выходящим за рамки простой товарной торговли.

Взаимодействие в сфере торговли, инвестиций и инфраструктуры остается наиболее осязаемым. Объём товарооборота между Китаем и Бразилией стабильно превышает 150 млрд долларов США. Страны БРИКС активно инвестируют не только в традиционный агропромышленный комплекс, но и в стратегическую инфраструктуру: строительство и модернизацию глубоководных портов (например, в Перу и Чили), трансконтинентальных железных дорог (проекты в Бразилии), а также в развитие телекоммуникационных сетей и объектов возобновляемой энергетики по всему региону.

Энергетический сектор является точкой концентрации стратегических интересов. Россия и Китай, обладая передовыми технологиями и мощными государственными корпорациями, являются ключевыми партнерами в освоении сложных нефтегазовых месторождений (шельф Бразилии, тяжелая нефть Венесуэлы), развитии гидроэнергетического потенциала (проекты в Андах) и масштабной модернизации национальных энергосистем. Это сотрудничество напрямую способствует диверсификации энергобаланса стран региона и укреплению их энергетической безопасности [4].

В рамках отраслевых платформ и рабочих групп БРИКС реализуются масштабные программы академических обменов, создаются совместные исследовательские центры (например, в области биотехнологий и сельского хозяйства), формируются консорциумы ведущих университетов. Параллельно стремительно растёт взаимодействие в высокотехнологичных сферах: цифровизация государственных услуг, обеспечение кибербезопасности, развитие искусственного интеллекта и внедрение FinTech-решений. Этот вектор позволяет Латинской Америке не только импортировать готовые технологии, но и участвовать в их совместной разработке.

Бразилия, будучи единственным полноправным членом БРИКС из всего Западного полушария, играет исключительную, многогранную роль в процессе межрегионального сближения. Внутри самого объединения Бразилия последовательно и конструктивно продвигает интересы всего «Глобального Юга», акцентируя в дискуссиях такие вопросы, как достижение Целей устойчивого развития ООН, обеспечение глобальной продовольственной безопасности и необходимость демократической реформы системы квот и голосования в МВФ и Всемирном банке. На региональном уровне Бразилия выступает главным драйвером и лоббистом взаимодействия, активно продвигая формат «БРИКС+» и стремясь вовлечь своих соседей по МЕРКОСУР и Южной Америке в реализацию совместных проектов, используя для этого финансовые механизмы Нового банка развития БРИКС [1]. Таким образом, она выполняет функцию стратегического моста, транслируя интересы Латинской Америки на площадке БРИКС и, наоборот, разъясняя возможности БРИКС внутри региона.

Интересы других стран региона, институциональное взаимодействие и системные барьеры формируются с разной долей участия стран региона. Помимо Бразилии, устойчивый и растущий интерес к углублению всесторонних связей с БРИКС демонстрирует Аргентина, которая рассматривается как наиболее вероятный и подготовленный кандидат на участие в формате «БРИКС+». Чили, Уругвай, Боливия и Перу также все чаще рассматривают это сотрудничество не как политическую декларацию, а как прагматичную возможность получить доступ к альтернативным источникам долгосрочного финансирования, современным технологиям и новым логистическим маршрутам.

Теоретически, взаимодействие с БРИКС не только не противоречит, но и может эффективно дополнять и усиливать внутренние региональные интеграционные проекты (МЕРКОСУР, УНАСУР). БРИКС предлагает странам региона доступ к дополнительным, зачастую менее политизированным финансовым ресурсам и реализацию масштабных инфраструктурных проектов, стимулируя при этом углубление собственной регионализации. Однако достижению полноценной синергии мешает ряд серьезных системных барьеров. К ним относятся перманентные внутренние разногласия и асинхронность политических циклов внутри самих латиноамериканских блоков, хроническая макроэкономическая нестабильность некоторых стран, а также постоянное внешнее политическое и экономическое давление со стороны традиционных партнёров региона, которые видят в усилении БРИКС прямую угрозу своему историческому влиянию [4].

Стратегия поступательной интеграции латиноамериканских стран в систему БРИКС представляет собой комплексный и осознанный ответ на вызовы формирующейся многополярности. Сегодня это взаимодействие эволюционирует от этапа политического флирта и разовых торговых сделок к становлению инструмента стратегической автономизации региона. Несмотря на существующие и вполне реальные барьеры – такие как периодическая смена внутриполитических курсов, внешнее давление, внутренние экономические проблемы и логистические сложности – совокупный потенциал сотрудничества остается чрезвычайно высоким. Он прочно основан на взаимной экономической заинтересованности, глубоком совпадении ключевых принципов внешней

политики и общей стратегической цели создания более сбалансированной, инклюзивной и справедливой архитектуры глобального управления. Дальнейшее институциональное углубление этого диалога, включая поступательное расширение формата «БРИКС+» за счёт ведущих латиноамериканских экономик, способно стать одним из наиболее значимых факторов переформатирования не только экономического, но и политико-дипломатического ландшафта мира в предстоящем десятилетии.

Литература:

1. БРИКС: контуры многополярного мира / под ред. В.Я. Портяков. – М.: ИДВ РАН, 2023. – С. 135-136.
2. Кудрявцева, Е. Ю. Экономическая интеграция стран МЕРКОСУР в системе мирохозяйственных отношений : дис. ... канд. экон. наук / Е. Ю. Кудрявцева. – М. : Дипакадемия МИД РФ, 2008. – С. 177-178.
3. Щетинин, В. Д. Мировая экономика: векторы развития / В. Д. Щетинин. – М. : Международные отношения, 2014. – С. 187-188.
4. MERCOSUR-Russia Memorandum of Understanding on Cooperation, 2006 // МЕРКОСУР : [официальный сайт]. – URL: <https://www.mercosur.int/> (дата обращения: 10.04.2025).
5. The BRICS in the Global Political Economy / P. Bond, A. Garcia (Eds.). – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021. – 256 p.

Об авторах:

Сабиров Ильшат Талгатович, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Россия, isabirov@bk.ru

Сабирова Малика Ильшатовна, студент, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва, Россия, likasub55@mail.ru

About the authors:

Ishat T. Sabirov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russia

Malika I. Sabirova, Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

УДК 93/94

Сабиров И.Т., Сайфуллин Н.Р.

Эволюция медиаобраза Афганской войны: от советской пропаганды к постсоветской рефлексии (1979-2024 гг.)

В статье исследуется динамика освещения войны в Афганистане (1979-1989) в советской и российской прессе. На основе анализа публикаций в газетах «Правда», «Известия», «Вечерняя Москва», «Московская правда» и «Советский спорт» показано, как медиадискурс трансформировался от идеологически ангажированных трактовок, акцентирующих стратегические цели и героизм военнослужащих, до критических оценок, фокусирующихся на потерях и политической целесообразности конфликта.

Ключевые слова: война в Афганистане, ограниченный контингент, советская пресса, российские СМИ, перестройка, вывод войск, медиадискурс.

Ishat T. Sabirov, Nasim R. Saifullin

The Evolution of the Media Image of the Afghan War: From Soviet Propaganda to Post-Soviet Reflection (1979-2024)

The article explores the dynamics of the coverage of the war in Afghanistan (1979-1989) in the Soviet and Russian press. Based on an analysis of publications in the newspapers «Pravda», «Izvestia», «Vechernyaya Moskva», «Moskovskaya Pravda», and «Sovetsky Sport», the article shows how the media discourse transformed from ideologically biased interpretations emphasizing the strategic goals and heroism of military personnel to critical assessments focusing on the losses and political

expediency of the conflict.

Keywords: war in Afghanistan, limited contingent, Soviet press, Russian media, perestroika, troop withdrawal, and media discourse.

Освещение участия СССР в афганском конфликте (1979-1989 гг.) в советской и позднее российской прессе служит ярким индикатором трансформации как официальной идеологии, так и общественных настроений. Анализ материалов таких периодических изданий как «Правда», «Известия», «Вечерняя Москва», «Московская правда» и даже «Советский спорт» – позволяет проследить эволюцию языка, тональности и смысловых акцентов: от жёсткой информационной закрытости конца 1970-х гг. через период «гласности» к этапу радикального переосмысления в 1990-х гг. и последующей относительной аналитической сбалансированности в XXI в.

Первые сообщения о вводе войск отличались сухим, протокольным стилем и были призваны легитимизировать решение политического руководства. В центральном советском периодическом издании «Правда» от 29 декабря 1979 г. действия СССР преподносятся как вынужденный ответ на внешнюю агрессию: «Правительство ДРА, принимая во внимание продолжающееся вмешательство и провокации внешних врагов Афганистана, и с целью защитить завоевания Апрельской революции, территориальную целостность, национальную независимость и поддержание мира и безопасности, основывалась на Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 5 декабря 1978 года, обратилось к СССР с настоятельной просьбой об оказании срочной помощи, включая военную помощь, с которой правительство Демократической Республики Афганистан ранее неоднократно обращалось к правительству Советского Союза. Правительство Советского Союза удовлетворило просьбу Афганской сторон» [4]. Газета «Известия» в тот же период цитировала премьер-министра ДРА Хафизулла Амина, который называл советско-афганский договор инструментом «сохранения мира» [3]. Конкретные данные о масштабах контингента, вооружении и характере боевых действий в этот период полностью отсутствовали.

К периоду затягивания военного присутствия советских вооруженных сил в Афганистане в 1983 г. в прессе начали появляться осторожные упоминания о трудностях, подаваемые в рамках парадигмы «героических будней». Например, газета «Вечерняя Москва» в материале собственного корреспондента Ю. Протасова «В отрогах Гиндукуша» опубликовала информацию о сержанте Викторе Большихине, «самоотверженно» выполняющем «интернациональный долг» в условиях гор и пустынь: «В Афганистане многое удивляет: белоснежные вершины Гиндукуша, вечнозеленые рощи, развалины древних городов и крепостей. Открытие на каждом шагу. Но самое большое открытие – советский человек в трудных условиях гор и пустынь выполняет свой воинский и интернациональный долг. Будни его заполнены напряженной боевой учебой в жару и в холод, на равнинах и на высоте в несколько тысяч метров. Самоотверженно несет службу, например, москвич, заместитель командира взвода гвардии сержант Виктор Большихин» [9]. Даже признавая потери, издания в этот период делали это обтекаемо, возлагая вину на «душманские банды», как например это представляет корреспондент издания «Известия» Г. Устинов в статье «Дирижеры необъявленной войны» [17]. Редкие исключения, такие как рассказ о вернувшихся из плена солдатах в том же году, воспринимались читателями как сенсационные проблески реальности. Однако следует отметить факт того, что данная информация была изложена под давлением материалов английской прессы, опубликовавшей целую серию статей о советских военнослужащих Игоре Рыкове и Олеге Хлане попавших в плен к маджахедам [13].

Изменение внешнеполитического курса СССР, начатое советским политическим руководством во главе с новым лидером М.С. Горбачевым в 1985 г., постепенно стало менять информационный ландшафт освещения вооруженного присутствия советский войск в Афганистане. Если в 1986 г. «Известия» ещё могли публиковать материалы о «многолетней дружбе» народов [2], то к 1988 г. информационный тон советской прессы становится иным. Причиной этих изменений стали решения о выводе советских войск из ДРА в течении максимум двух лет принятое на заседании Политбюро ЦК КПСС 13 ноября 1986 г. [12].

В 1988 г., в период начала возвращения советских войск, в советских СМИ опубликовали данные о пропавших без вести военнослужащих Советской армии в Афганистане. Газета «Известия» в мае 1988 г. публикует в рубрике «Из компетентных источников» информацию со ссылкой от председателя исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР Д. Венедиктова об общем количестве пропавших военнослужащих Советского Союза в Афганистане в количестве 311 человек [16]. Еще ранее в 1987 г., даже специализированное спортивное издание «Советский спорт» позволяет себе эмоциональное описание тягот службы в советском контингенте в Афганистане [7].

Кульминацией этой тенденции стала публикация в газете «Вечерняя Москва» в сентябре 1988 г., где журналист с горечью констатировал: «О войне в Афганистане еще не сказано и тысячная доля правды... речь идет об уроках для страны» [6]. После окончательного вывода войск в феврале 1989 г. критика стала прямой: издание «Известия» упрекает власти в том, что горькие цифры потерь были скрыты от советских людей в течение долгого периода времени: «Только через восемь с половиной лет советские люди узнали официальные данные о потерях в Афганистане. Как, где и когда это произошло? 25 мая 1988 г. в пресс-центре МИД СССР, ориентированном больше на иностранных, чем на наших корреспондентов, в рамках подготовки к советско-американской встрече в верхах. Начальник Главного полуправления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А.Д. Лизичев сообщил, что на начало мая 1988 г. число убитых составило 13 310 человек, раненых 35 478, пропавших без вести 311. Иностранные корреспонденты передали об этом шире, чем наши. Советские газеты упрятали горькие цифры на

своих внутренних полосах, в середине коротких отчетов о пресс-конференции. Никаких заголовков – и, насколько я знаю, ни одного комментария» [5]. Параллельно начинала формироваться политика памяти, «Вечерняя Москва» в октябре 1989 г. писала о льготах для ветеранов-афганцев, уравнивая их в отдельных правах с ветеранами Великой Отечественной войны [15].

С распадом СССР информационные рамки рухнули. Дискурс сместился в сторону проведения исторических параллелей. С началом Первой чеченской кампании в 1994 г. афганский опыт стал постоянным компаративным инструментом. Журналисты и эксперты предупреждали, что план ввода войск в Чечню основан на афганском и чехословацком опыте, прогнозируя затяжной характер конфликта и большие потери [1]. К середине 1990-х гг. оценки достигли апогея радикальности: войну открыто называли «главным позором» эпохи Брежнева и «бессмысленной авантюрой» [11].

В XXI столетии эмоциональная острота в освещении темы снизилась, уступив место более взвешенному анализу. Дискурс сместился в сторону осмысления последствий и уроков. Продолжалось сравнение с первой Чеченской кампанией, но теперь часто в цифрах: «Вечерняя Москва» в 2004 г. отмечала, что потери в чеченском конфликте превысили афганские [10]. Положительно оценивалась роль Михаила Горбачёва в прекращении войны, что связывалось с присуждением ему Нобелевской премии мира [14].

Важным направлением стало внимание к социальным и психологическим последствиям конфликта для ветеранов. Газета «Московская правда» в 2012 г. поднимала проблему посттравматического синдрома, писала о трудностях адаптации «афганцев» к мирной жизни [8]. Война постепенно превращалась из предмета острой политической полемики в элемент исторической памяти, требующий осмысления и помощи её непосредственным носителям.

Эволюция оценок событий Афганской войны в советской и российской прессе демонстрирует тесную связь между исторической политикой, свободой слова и формированием коллективной памяти. Советская пресса конца 1970-х – середины 1980-х гг. конструировала мифологему «интернационального долга», используя язык умолчаний и героизации. Период «гласности» стал временем болезненного раскрытия правды о потерях и начале публичной рефлексии. 1990-е гг., отмеченные идеологическим вакуумом, принесли радикальную критику и попытку демонизировать советское прошлое. Наконец, в XXI в. наметился переход к более аналитическому и социально ориентированному взгляду на конфликт, где на первый план выходят вопросы исторических уроков, памяти и поддержки ветеранов. Таким образом, афганская тема в прессе прошла путь от инструмента пропаганды через стадию «разоблачительства» к статусу сложного исторического опыта, продолжающего влиять на общественное сознание.

Литература:

1. Айдинов, Ю. Чем пахнет? Новой Кавказской войной? / Ю. Айдинов // Вечерняя Москва. – 1994. – № 239 (Первый выпуск). – 16 декабря.
2. Беседы в Кремле. Сообщение ТАСС // Известия. – 1986. – №185 (21627). – С. 2.
3. Заявление Х. Амина // Известия. – 1979. – № 106 (19171).
4. Кабульское радио передало сегодня заявление правительства ДРА // Правда. – 1979. – № 156. – 29 декабря.
5. Кондрашов, С. Еще о Карибском кризисе в критическом свете гласности / С. Кондрашов // Известия. – 1989. – № 60 (22598).
6. Лисин, А. В начале августа в Афганистане / А. Лисин // Вечерняя Москва. – 1988. – № 216. – 20 сентября.
7. Маринов, И. Васильки в небе / И. Маринов // Советский спорт. – 1987. – № 128.
8. Покровская, Н. Живите долго, шурави! / Н. Покровская // Московская правда. – 2012. – № 33.
9. Протасов, Ю. В отрогах Гиндукуша / Ю. Протасов // Вечерняя Москва. – 1983. – № 30. – 7 февраля.
10. Проханов, А. Войну начинают старики, а погибают в ней молодые / А. Проханов // Вечерняя Москва. – 2004. – № 29. – 16 февраля.
11. Радзиховский, Л. События в Чечне оставляют демократию в России / Л. Радзиховский // Известия. – 1995. – № 19 (24378).
12. Росси, О. Несколько малоизвестных фактов из истории вывода войск из Афганистана / О. Росси. – Режим доступа: <https://dagestanpost.ru/blogs/43423-neskolko-maloizvestnyh-faktov-iz-istorii-vyvoda-vojsk-iz-afganistana> (10.12.2025).
13. Саутин, Н. Возвращение / Н. Саутин // Известия. – 1986. – № 185 (21627).
14. Сергеев, О. Путина номинировали на премию мира / О. Сергеев // Вечерняя Москва. – 2013. – № 167 (26483). – 13 сентября.
15. Справочное бюро В. М. // Вечерняя Москва. – 1989. – № 232. – 9 октября.
16. Таранов, С. Судьба без вести пропавших в Афганистане / С. Таранов // Известия. – 1988. – № 150 (22322). – С. 6.
17. Устинов, Г. Дирижеры необъявленной войны / Г. Устинов // Известия. – 1984. – № 324 (21035).

Об авторах:

Сабиров Ильшат Талгатович, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Россия, isabirov@bk.ru

Сайфуллин Насим Раифович, магистрант, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Россия

About the authors:

Ishat T. Sabirov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russia

Nasim R. Saifullin, Master's Student, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russia

УДК 355.48

Сагитова И.Ф.

Операция «Труба» в истории Специальной военной операции

Данная статья посвящена комплексному анализу одной из ключевых операций российских военнослужащих «Труба», реализованной в марте 2025 г. Исследуются аспекты подготовки и проведения 15 километрового подземного марша сводной группировки войск по магистральному газопроводу. Описаны тактические последствия выхода в тыл противника, действия личного состава в условиях экстремальной среды, что подчеркивает значение человеческого фактора в военных конфликтах. Автор приходит к выводу, что операция, ставшая элементом битвы за Курскую область, продемонстрировала способность российских вооруженных сил к реализации асимметричных решений, что в итоге привело к оперативному прорыву укрепленного района и изменило стратегическую обстановку на данном участке.

Ключевые слова: операция «Труба», мужество, маскировка, внезапность, героизм, специальная военная операция, военная стратегия, тактический маневр.

Irina F. Sagitova

Operation «Trumpet» in the History of Special Military Operations

This article is devoted to a comprehensive analysis of one of the key operations of Russian military personnel, "Trumpet," implemented in March 2025. Aspects of the preparation and conduct of a 15-kilometer underground march of a combined group of troops along the main gas pipeline are being investigated. The tactical consequences of going behind enemy lines and the actions of personnel in extreme environments are described, which emphasizes the importance of the human factor in military conflicts. The author comes to the conclusion that the operation, which became an element of the battle for the Kursk region, demonstrated the ability of the Russian armed forces to implement asymmetric decisions, which ultimately led to an operational breakthrough of the fortified area and changed the strategic situation in this area.

Keywords: operation Trumpet, courage, camouflage, surprise, heroism, special military operation, military strategy, tactical maneuver.

Целью Специальной военной операцией (далее – СВО) является защита населения, которое на протяжении восьми лет подвергалось геноциду со стороны киевского режима, а основная задача – демилитаризация и денацификация Украины.

Работе по распространению информации о героизме наших солдат Президент Российской Федерации В.В. Путин придает огромное значение. В продолжение этой работы 2025 год был объявлен Годом защитника Отечества, что явилось данью уважения нашим героям и участникам специальной военной операции, а также памятью о подвигах всех наших предков, сражавшихся в разные исторические периоды за Родину [4]. В этом контексте особое значение приобретает освещение различных операций, среди которых можно отметить операцию «Труба» (или «Поток»), символизирующую мужество и героизм защитников Отечества.

Современные вооруженные конфликты, в которых плотно контролируется воздушное пространство с помощью радиолокационных систем и насыщено разведывательными беспилотными аппаратами, резко усложняют задачу скрытного перемещения крупных формирований. Привычные способы маскировки на открытой местности постепенно утрачивают эффективность, побуждая стороны искать нетрадиционные тактические подходы, в том числе задействование подземной инфраструктуры и скрытых коммуникаций. Специальная военная операция подтвердила, что подземное пространство становится полноценной сферой боевого противоборства, наряду с наземным, воздушным, надводным, подводным, информационным и психологическим пространствами. Особое значение подземных боевых действий состоит в том, что они, обеспечивая защиту своих войск, позволяют достигать

психологического эффекта внезапности, реализовать тактические приемы выхода во фланг и тыл противника [1, с. 83].

Операция «Труба», проведенная в марте 2025 г. – пример реализации масштабного обходного маневра с использованием гражданской газотранспортной инфраструктуры. В отличие от локальных эпизодов использования коллекторов (например, при освобождении Авдеевки), данная операция отличалась колоссальной протяженностью маршрута (15 км), сложностью координации разнородных сил и численностью задействованного контингента (около 800 человек).

До 1 января 2025 г. по данной трубе поставлялся газ из России через Украину в Европу. Это часть магистрального газопровода «Уренгой-Помары-Ужгород», проложенная еще в советский период. Диаметр одной трубы – 1,4 метра. Их и было решено использовать для скрытого передвижения наших боевых групп в тыл мощного укрепленного района ВСУ, который противник создал вокруг Суджи.

Сама труба хоть и большого диаметра, но в полный рост в ней не пройдешь, а идти необходимо 15 км. Инженерная подготовка операции представляла собой образец высокого искусства маскировки: для удачного прохождения по газопроводу необходимо выкачать газ, а вместо – закачать кислород. Ключевым этапом стало создание доступа к трубе. Для этого бойцами добровольческой бригады «Ветераны», имеющих опыт аналогичных действий под Авдеевкой, был прорыт подходной тоннель длиной 500 м от лесопосадки, расположенной в 20 км севернее цели. Работы велись преимущественно ручным способом (лопата, кирка) для исключения виброакустической демаскировки. После этого началась работа по оборудованию выходов на поверхность, где были созданы накопители для личного состава, а также организованы запасы боеприпасов, еды и воды. Также были установлены туалеты. Бойцы брали с собой лишь бутылку воды и немного шоколада. Военнослужащие, пробираясь через подземные пространства в направлении Суджи, нередко теряли сознание из-за скудности и ограниченного доступа воздуха [2].

В операции приняли участие различные подразделения, которые передвигались по трубе маленькими группами в течение четырех суток, чтобы не раскрыть свои планы и не дать себя обнаружить.

Личный состав удалось разместить в накопителях. Всего было заведено более 800 военнослужащих ВС РФ, среди которых были представители гвардейской десантно-штурмовой бригады ВДВ, мотострелковой дивизии, подразделения «Ахмат», а также добровольческий корпус из состава бригады «Ветераны» и «Восток». Достигнув намеченной точки, военнослужащие еще на протяжении четырех суток оставались под землей в ожидании команды на наступление. Период ожидания стал для бойцов самым тяжелым испытанием: они практически не употребляли пищу, делили оставшуюся воду на глотки, а для получения дополнительной влаги собирали конденсат с помощью синтепона, взятого из разрезанной одежды.

После получения команды на штурм, наши бойцы поднялись на поверхность и сразу же заняли промышленную зону, начав вытеснять противника. Для врага атака из трубы была полной неожиданностью и привела к его дезориентации и панике.

Благодаря этому прорыву удалось отвлечь силы противника. Параллельно операции российская армия активно продвигалась к Судже и данный маневр изменил общий ход специальной военной операции. Военный эксперт Евгений Михайлов подчеркнул, что «проведенная операция стала ключевым фактором в изменении ситуации в битве за Курскую область» [3].

Освобождение Суджи в ходе данной операции вошла в историю СВО как одна из наиболее технически сложных операций. Она показала, что даже в эпоху высокоточного оружия и дронов, решающим фактором победы остается «человеческий ресурс» – способность личного состава выполнять боевые задачи в нечеловеческих условиях, а также изобретательность командного состава в поиске асимметричных решений. Операция позволила основным силам российской группировки в последующие недели занять ключевые высоты без ширококомасштабного фронтального штурма, что сократило потери и ускорило достижение оперативной цели.

Операция «Труба» стала символом стойкости российских военных, продемонстрировав, что успех достигается благодаря человеческому фактору, стратегическому мышлению и умению адаптироваться к сложным условиям. Как видим, Вооруженные Силы России продолжают освобождать территории, совершая настоящие чудеса героизма и стойкости, неуклонно приближая выполнение всех целей СВО.

Литература:

1. Караяни, А. Г. Тактико-психологические принципы и методы подземных действий в современных войнах / А. Г. Караяни // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2024. – № 3(28). – С. 83-91.
2. Операция «Труба»: дерзкий маневр российских бойцов войдет во все учебники // URL: <https://ria.ru/20250311/truba-2004377017.html> (дата обращения: 28.11.2025).
3. Операция «Труба 3.0»: как газопроводы становятся секретным оружием российской армии // URL: <https://nangs.org/news/midstream/pipelines/operatsiya-truba-3-0-kak-gazoprovody-standovyatsya-sekretnym-oruzhiem-rossijskoj-armii> (дата обращения: 28.11.2025).
4. Указ Президента РФ № 28 от 16 января 2025 года «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/z9403QR1nV9rYrxdxbVeFl6VLlva7z8.pdf> (дата обращения: 28.11.2025).

Об авторе:

Сагитова Ирина Фаритовна, старший преподаватель, Нефтекамский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Нефтекамск, Россия, irinas5@rambler.ru

About the author:

Irina F. Sagitova, Senior Lecturer, Neftekamsk Branch of the Ufa University of Science and Technology, Neftekamsk, Russia

УДК 342+930

Уткин А.А.

Подготовка конституционного проекта М.Т. Лорис-Меликова

В статье рассматривается непосредственная подготовка конституционного проекта М.Т. Лорис-Меликова (1881 г.), ее сроки, состав советников и консультантов, привлеченных для разработки, выбор концепции политической реформы.

Ключевые слова: Российская империя, М.Т. Лорис-Меликов, конституционный проект, политическая реформа, конституционализм.

Aleksey A. Utkin

Preparation of the Constitutional Draft by M.T. Loris-Melikov

The article examines the immediate preparation of the constitutional project by M.T. Loris-Melikov (1881), its timing, the composition of advisers and consultants involved in the development, and the choice of the concept of political reform.

Keywords: Russian Empire, M.T. Loris-Melikov, constitutional project, political reform, constitutionalism.

Историки неоднократно обращались к изучению вопроса о конституционном проекте М.Т. Лорис-Меликова. Рассматривалось его содержание, борьба за осуществление после убийства народолюбцами Александра II, значение для дальнейшего политического развития России. Однако исследователями почти ничего не говорится о том, как происходила подготовка проекта политической реформы Лорис-Меликова: как разрабатывалась концепция реформы, кто выступал в роли советников и консультантов, в какие сроки непосредственно проходила данная подготовка. Отсутствует материал по данному вопросу в капитальных исследованиях П.А. Зайончковского, В.Г. Чернухи, Б.С. Итенберга и В.А. Твардовской, В.А. Томсинова [2, 3, 17, 22]. Несколько проливают свет лишь исследования современного историка А.В. Мамонова [7, 8].

Данная проблема имеет важное историческое значение. Обстоятельства разработки конституционного проекта, более известного под названием «Конституция Лорис-Меликова», позволяя лучше понять условия, в которых оказался «диктатор сердца», имеющиеся возможности по продвижению проекта политической реформы, существовавшие ему альтернативы. В конечном итоге это дает ответ на вопрос, почему выход из кризиса самодержавия, в котором верховная власть оказалась на рубеже 1870-1880-х гг. был предложен именно в таком, а не ином варианте.

В виду отсутствия научно признанного определения понятия «конституционный проект» представляется не лишним определить, что автор настоящей статьи имеет в виду под этим термином. По нашему мнению, к числу конституционных проектов могут быть отнесены те проекты политической реформы, которые сводились к введению в практику высшего государственного управления выборного народного представительства как путем создания отдельных институтов, относящихся к законодательной ветви власти, так и реформирования уже имеющихся политических учреждений. При этом характер представительства (законодательный или законосовещательный), степень участия населения (выраженная в наличии избирательных цензов) не имеют решающего значения. Любой характер представительства вынуждал бы верховную власть в лице монарха не только считаться с общественным мнением, но и выражать его в своей политике. Таким образом, под конституционностью мы понимаем не только разработку непосредственно конституции, но и таких проектов учреждения народного представительства, которые вели бы к ограничению (законодательного или фактического) верховной самодержавной власти российского монарха. Обоснование данной авторской позиции, которая основывается, прежде всего, на понимании конституционности, характерном для рассматриваемого времени, не является предметом настоящей статьи и

чрезмерно увеличило бы ее объем.

В первом своем программном докладе Александру II от 11 апреля 1880 г. после назначения на должность главного начальника Верховной распорядительной комиссии М.Т. Лорис-Меликов в качестве осторожной меры, призванной оживить преобразовательную деятельность правительства, предлагал лишь «привлекать дворянство, земства и города к участию в таких вопросах, которые близко касаются местных нужд». При этом речь шла лишь о назначаемых властью экспертах из числа «наиболее сведущих и благонадежных лиц, труды и знания которых не могут не принести пользы при разработке экономических, хозяйственных и финансовых вопросов», которые бы работали «по заранее преподанной программе и в ее пределах» [3, с. 440]. Таким образом, речь шла только о привлечении к законотворческой работе на уровне экспертов, или иначе «сведущих людей», местных общественных деятелей, что отчасти уже практиковалось, начиная с подготовки крестьянской реформы 1861 г. Однако менее чем через десять месяцев позиция М.Т. Лорис-Меликова, занявшего в правительстве ключевую должность министра внутренних дел, кардинально изменилась.

Точное время начала подготовки политической реформы М.Т. Лорис-Меликова исследователям не известно. А.В. Мамонов предполагает, что «замысел механизма дальнейшей разработки реформ (ревизии – подготовительные комиссии – выборные – Государственный совет), изложенные в докладе 28 января 1881 г., в общих чертах сложился еще в августе 1880 г.», связывая это с началом сенаторских ревизий ряда губерний [8, с. 44]. Однако сами сенаторские ревизии должны были дать необходимый материал для продолжения необходимых социально-экономических реформ, тогда как способ их разработки, обсуждения и принятия оказывался вторичным и едва ли мог быть так рано поставлен Лорис-Меликовым. Тем более кажется невероятным утверждение В.А. Твардовской, что «замысел доклада министра внутренних дел царю 28 января 1881 г. ... в общих чертах сложился еще несколько ранее августа 1880 г. Думается, что контуры программы уже ощутимы в докладе диктатора 11 апреля 1880 г. ...» [19, с. 52]. Впрочем, рассуждая в данном случае, исследовательница сбивается с проекта политической реформы на программу разработанных социально-экономических и административных преобразований в целом. Применительно к последнему, можно согласиться с данным замечанием, но не в случае проекта политической реформы. Что касается последнего, Лорис-Меликов до осени 1880 г. мог прислушиваться к мнениям, собирать материалы, но не как более.

По нашему мнению, более объективным является утверждение современного исследователя Д.Д. Данилова: «Первые полгода [нахождения у власти – А.У.], когда шла ожесточенная борьба с народолюбцами, ... он старался не афишировать своих планов. Осматривался; искал союзников; добивался влияния на царя. Его секретари накапливали поступающие к нему записки с предложениями о различных преобразованиях. Конкретные варианты проекта появились только после того, как «парадоксальный диктатор» провозгласил переход от чрезвычайных мер к «законному порядку управления», т.е. была распущена Верховная распорядительная комиссия и Лорис-Меликов 6 августа 1880 г. занял должность министра внутренних дел» [1, с. 149].

На совещании с редакторами ведущих столичных периодических изданий 6 сентября 1880 г. М.Т. Лорис-Меликов еще четко разъяснял им, «чтобы они не волновали напрасно общественных умов, настаивая на необходимости привлечения общества к участию в законодательстве и управлении, в виде ли представительных собраний европейских, в виде ли бывших наших древних земских соборов, что ничего подобного в виду не имеется, и что ему, министру, подобные мечтательные разлагательства прессы тем более неприятны, что напрасно возбуждаемые ими надежды в обществе связываются с его именем, хотя он, министр, никаких полномочий на это не получал и сам лично в виду ничего подобного не имеет...» [10, с. 140] В то же время, в первой половине сентября 1880 г. в столичной газете «Голос» (номера за 4, 9 и 16 сентября) была опубликована серия статей профессора Санкт-Петербургского университета А.Д. Градовского о реорганизации высших государственных учреждений. По мнению современных историков Б.С. Итенберг и В.А. Твардовской «без санкции министра внутренних дел они были бы невозможны на эту запретную для российской печати тему» [3, с. 176-177]. Хотя публикации А.Д. Градовского еще не содержали предложения о допущении выборных народных представителей к законодательной деятельности, они близко подходили к этой проблеме. В частности, либеральный профессор заявлял, что «средства к мирному и законному развитию России» нужно искать не в западных образцах, а «в лучших комбинациях существующего» строя государственных институтов [3, с. 177]. Именно по данному пути пойдет конституционный проект М.Т. Лорис-Меликова.

Пролить определенный свет на время, когда сложился замысел политической реформы и произошел переход к ее непосредственной подготовке, может история продвижения второй редакции схожего конституционного проекта великого князя Константина Николаевича. Первая его редакция была подготовлена еще в 1866 г. [12, с. 59-63; 14, с. 67-70] В январе 1880 г. к ней вернулись вновь, она обсуждалась в ходе четырех заседаний специально составленного Особого совещания, которое отвергло возможность проведения политической реформы.

Тем не менее, работа над проектом на этом не завершилась. По заказу великого князя государственный секретарь Е.А. Перетц летом 1880 г. подготовил ее вторую редакцию. В середине октября 1880 г. он познакомил с ней М.Т. Лорис-Меликова. В дневнике Перетца приводится реакция на проект «диктатора сердца»: «Я восставал против конституционных стремлений, у нас теперь невозможных, но в, то же время, я вполне разделяю мысль о необходимости выслушивать мнения толковых и практических людей. Мы не раз говорили о том с Абазою. Нет, не бросайте вашего проекта, он может пригодиться. Нужно только подумать о том, как бы осторожнее и практичнее это сделать» [12, с. 104, 107]. Видимо, что тогда еще у М.Т. Лорис-Меликова не оформилась мысль о собственном проекте совещательного представительства.

После проведенных консультаций (к которым также был привлечен министр финансов А.А. Абаза,

государственный контролер Д.М. Сольский), Перетц окончательно передал подготовленный проект великому князю Константину Николаевичу, о чем в его дневнике имеется запись под датой 10 ноября 1880 г.: «Великий князь был очень доволен скорым окончанием этого труда, благодарил меня и обещал при случае переговорить с Лорис-Меликовым» [12, с. 111]. Однако вплоть до начала 1881 г. усилий для продвижения своего проекта он, видимо, не предпринимал, выжидая удобный момент.

Судьба проекта прояснилась только в самом начале 1881 г. 13 января Е.А. Перетц зафиксировал в дневнике свой разговор с вовлеченным в это дело Д.М. Сольским. Из сообщения последнего он сделал вывод о наличии «неоднократных разговоров» между Константином Николаевичем и Лорис-Меликовым «о желательности призыва в Государственный совет гласных от земств и городов». Великий князь «советовался с ним о том, как бы лучше и осторожнее привести эту мысль в исполнение». Однако «предложить ее в том же виде, как предположено в нашей записке, Лорис боялся, потому, что цесаревич не далее как в прошлом году был против проекта великого князя». Поэтому Лорис-Меликов «намерен, кажется, не предлагая теперь никакого постоянного учреждения при Государственном совете, просить о призыве депутатов от земств и городов в редакционную комиссию, на которую будет возложено предварительное рассмотрение законодательных предположений, имеющих быть составленными по окончании сенаторских ревизий» [12, с. 127].

Таким образом, к началу января 1881 г. у Лорис-Меликова сложилась своя, несколько отличная концепция проведения политической реформы, и, очевидно, началась работа по непосредственной подготовке проекта. Инициатива великого князя Константина Николаевича учреждения при Государственном совете Совецательного собрания гласных была вытеснена проектом М.Т. Лорис-Меликова.

В целом, период поиска и консультаций вокруг условий проведения возможного политического преобразования, очевидно, приходится на время сентября – декабря 1880 г., тогда как на январь 1881 г. падает формулирование проекта.

Очевидно, что непосредственно текст «Всепопданнейшего доклада» от 28 января 1880 г., получивший у современников и историков не совсем точное название «Конституции Лорис-Меликова», был подготовлен товарищем (заместителем) министра внутренних дел М.С. Кахановым. Как указывает современный историк А.В. Мамонов, в окружении Лорис-Меликова «Каханов являлся его ближайшим сотрудником, активно участвовавшим в разработке едва ли не всех известных проектов и замыслов графа и взявшим на себя значительную долю труда, связанного с текущей работой...» [7, с. 597]. На участие Каханова с его слов также указывает в своем дневнике сенатор А.А. Половцев [15, с. 464].

Круг советников по столь щекотливой проблеме внутренней политики, безусловно, должен был быть крайне узок и ограничиться только деятелями, вызывавшими личное доверие министра внутренних дел. К консультации, скорее всего, привлекались приближенный к Лорис-Меликову министр финансов А.А. Абаза и государственный контролер Д.М. Сольский, в 1867-1878 гг. занимавший должность государственного секретаря. Вероятно, что они являлись советниками «диктатора сердца» по более широкому кругу вопросов политической реформы. В роли ближайшего советника М.Т. Лорис-Меликова мог выступать и входивший в число его единомышленников военный министр Д.А. Милютин [2, с. 230-231; 7, с. 595-597]. Известно, что он в 1879 г. сам составил конституционный проект [21]. Однако перечисленные лица представляли прогрессивную бюрократию и едва ли могли судить, как отнесется к разрабатываемой политической реформе либеральная и умеренно демократическая общественность. Это, в свою очередь, было немаловажно для «диктатора сердца», который в своей политике пытался привлечь их на сторону правительства.

Одним из консультантов М.Т. Лорис-Меликова мог выступать идеолог русского либерализма К.Д. Кавелин. Еще 19 февраля 1880 г. он обратился с письмом к «диктатору сердца». В нем он выступил с общей конституционной инициативой «ввести в государственное управление, наряду и наравне с чиновниками, представителей местных и общественных интересов, обеспечив постоянный и правильный приток в состав правительственного механизма, живых сил и талантов из народа» [13, с. 36]. Как указывал в предисловии к публикации письма профессор Д.А. Корсаков, вскоре Лорис-Меликов лично с ним познакомился. «Граф имел с Кавелиным несколько бесед, в которых автор письма развил в подробностях общие его положения, и беседы эти остались не без влияния на составление так назыв[аемой] «конституции» графа Лорис-Меликова...» [13, с. 30]. Однако Корсаков не указывает, когда происходили эти беседы, так что его заключение о влиянии на проект Лорис-Меликова нам представляется умозрительным. В процессе этих бесед К.Д. Кавелин мог познакомить «диктатора сердца» и со своим конституционным проектом середины 1870-х гг. [20].

Высказывалось предположение, что в качестве неофициального советника мог выступать либеральный профессор Санкт-Петербургского университета А.Д. Градовский [18, с. 47]. В пользу этой версии может служить то, что уже после царевубийства Александра II им была подготовлена записка, содержащая предложения о введении представительного начала в управлении государством, близкая к проекту Лорис-Меликова [4, с. 27-30; 6, с. LXXXIII]. В роли представителя от демократической общественности вполне мог быть привлечен М.Е. Салтыков-Щедрин, творчество которого ценил «диктатор сердца». На участие выдающегося русского сатирика в подготовке конституционного проекта Лорис-Меликова однозначно указывал в своих воспоминаниях об отце сын первого К.М. Салтыков [16, с. 92-94].

Советником по вопросу подготовки политической реформы, очевидно, выступил и славянофил А.И. Кошелев. В своих воспоминаниях он указывал, что осенью 1880 г. «поспешил отправиться в Петербург, где мне очень хотелось видеть гр. Лорис-Меликова и побеседовать с ним о предполагаемых им дальнейших действиях по управлению. От

него узнал я много интересного. На созвание Земской думы он никак не надеялся получить соизволение государя; но имел в виду собрать общую, довольно многочисленную комиссию из выборных от земств... Неоднократно мы об этом толковали... Виделся и много толковал о наших финансовых делах с вновь назначенным министром финансов А.А. Абазою и с его товарищем Н.Х. Бунге... Их тогда очень занимал соляной налог, которого отмена от них требовалась» [5, с. 167]. Указание на подготовку отмены соляного налога, которая последовала по царскому указу 23 ноября 1880 г., позволяет предположить, что беседы с М.Т. Лорис-Меликовым, видимо, относились к ноябрю 1880 г.

То, что круг консультантов Лорис-Меликова по вопросу организации политической реформы выходил за рамки представителей просвещенной бюрократии, свидетельствовал в начале 1881 г. К.П. Победоносцев. В письме к Е.Ф. Тютчевой от 11 марта, говоря о «замыслах Л[орис]-Меликова и К^о облагодетельствовать Россию конституцией или началом ее посредством вызова депутатов со всей России», он отмечал, что «советниками его были профессора и журналисты» [11, с. 93]. Действительно, привлекавшиеся к консультациям К.Д. Кавелин и А.Д. Градовский были профессорами, а М.Е. Салтыков-Щедрин, стоявший во главе редакции «Отечественных записок» и А.И. Кошелев, бывший издателем и редактором ряда славянофильских изданий, а с декабря 1880 г. издававший газету «Земство», могут быть названы журналистами.

С большой долей уверенности можно предположить, что объектами первоначального обсуждения политической реформы Лорис-Меликова с избранными советниками должны были стать уже имеющиеся на тот момент конституционные проекты. В целом, конституционное творчество в истории России второй половины XVIII-XIX вв. отличается крайне низкой степенью преемственности. Составленные ранее проекты оказывались очень быстро позабыты. Лишь немногие из них к этому времени были опубликованы, преимущественно за границей (результаты политического творчества оппозиционных деятелей в эмиграции) или же в специальных исторических изданиях, и оставались неизвестными широкой общественности.

Очевидно, что, прежде всего, это были проекты преобразования Государственного совета П.А. Валуева (1863 г.) и великого князя Константина Николаевича (первая редакция 1866 г.), которые обсуждались в Особом совещании в конце января 1880 г. [2, с. 137-146]. Именно по результатам этого обсуждения была составлена вторая редакция проекта великого князя Константина Николаевича, о которой шла речь выше. Собственно, проект М.Т. Лорис-Меликова имеет с ними много сходства и также сводится к созданию при Государственном совете своеобразной «нижней палаты» с совещательными функциями. Можно предположить, что также рассматривалась записка Д.А. Милютина «Мысли о необходимых преобразованиях в управлении, в учебной части и в духовенстве», составленная в 1879 г. [9]. Кроме того, привлекавшиеся к обсуждению А.И. Кошелев и К.Д. Кавелин, также являлись авторами конституционных проектов, которые они выдвигали в середине 1870-х гг.

Структура центрального представительства, или иначе концепция политической реформы, видимо, также оказалась готова далеко не сразу. Имеющиеся в распоряжении исследователей источники не фиксируют ее вплоть до 1881 г. Первоначально, речь шла лишь о совещании (или комиссии), которая будет рассматривать результаты проведенной сенаторской ревизии и готовить преобразования. Так, в своем дневнике А.А. Половцов, ставший одним из четырех ревизирующих сенаторов, отмечал 20 сентября 1880 г.: М.Т. Лорис-Меликов «стал мне высказывать свои предположения о том, чтобы по возвращении всех нас, ревизирующих сенаторов, собрать в одно совещание, свести итоги привезенным нами сведениям» [14, с. 55]. В январе 1881 г. И.Л. Горемыкин, который был командирован старшим чиновником при сенаторе И.И. Шамшине, проводившим ревизию в Самарской и Саратовской губерниях, говорил о результатах своей беседы с министром внутренних дел в декабре 1880 г. следующее: «гр[аф] М.Т. Л[орис]-М[еликов] собирается образовать комиссию для обсуждения вопроса о необходимых реформах даже до окончания сенаторских ревизий» [8, с. 44]. В свою очередь, И.И. Шамшин в письме от 26 февраля 1881 г. к А.А. Половцову, проводившему ревизию Киевской и Черниговской губерний, сообщая об этом разговоре, отметил, «что о комиссии или комитете, о котором шла речь при нашем отъезде, уже составлен доклад и учреждение его предполагается 19 февраля» [8, с. 44]. Таким образом, в этих свидетельствах речь идет о совещании, комиссии или комитете, но не как о зафиксированной в проекте Лорис-Меликова трехуровневой структуре: Подготовительные комиссии – Общая комиссия – Государственный совет. Видимо, ревизирующие сенаторы вплоть до февраля 1881 г. включительно не знали об этом. Как установил А.В. Мамонов, сенатору М.Е. Ковалевскому сообщил о содержании проекта вице-директор департамента государственной полиции В.М. Юзефович только в письме, датированном 31 января 1881 г. и под большим секретом [7, с. 606; 8, с. 43-44].

С приведенными свидетельствами в целом согласуются только воспоминания А.И. Кошелева, который осенью 1880 г., предположительно в ноябре, имел беседу с М.Т. Лорис-Меликовым о предполагаемой политической реформе. Кошелев отмечал, что «диктатор сердца» «имел в виду собрать общую, довольно многочисленную комиссию из выборных от земств» [5, с. 167]. Как видим, речь идет опять только об одной комиссии, новшеством является только способ ее комплектования из выборных от местных органов самоуправления.

В целом, остается неизвестным, кто предложил М.Т. Лорис-Меликову использовать в качестве образца более удобный для реализации пример Редакционных комиссий накануне отмены крепостного права, и когда данный образец был взят на вооружение.

В целом, очевидно, что М.Т. Лорис-Меликову пришлось выбирать между различными моделями учреждения народного представительства исходя из имеющихся возможностей осуществления политической реформы. На это собственно указывает и текст Всеподданнейшего доклада 28 января 1881 г. Обращаясь к изысканию «способа осуществления» замысла реформы, Лорис-Меликов отмечает, что, с одной стороны «по глубокому моему убеждению, для России немислима никакая организация народного представительства в формах, заимствованных с Запада;

формы эти не только чужды русскому народу, но могли бы даже поколебать все основные его политические воззрения и внести в них полную смуту, последствия коей трудно и предвидеть. Равным образом, мне представляется далеко не своевременным и высказываемое некоторыми приверженцами старинных форм Российского государства предположение о пользе образования у нас земской думы или Земского собора. Наше время настолько удалилось от периода указываемой старинной формы представительства, по изменившимся понятиям и взаимным отношениям составных частей Русского государства и современному географическому его очертанию, что простое воссоздание древнего представительства являлось бы трудно осуществимым и, во всяком случае, опасным опытом возвращения к прошедшему» [3, с. 544]. Собственно, именно эти два перечисленных способа организации народного представительства представлялись в то время магистральными вариантами. Сделанный в итоге выбор в пользу порядка, как значится в докладе, испытанном «при разработке крестьянской реформы» [3, с. 545], был лишь паллиативом, способным лишь на время приблизиться к решению существующей проблемы. Однако это оказалось тем максимумом, на который, под влиянием сложившейся политической обстановки, временно оказалось способно самодержавие в лице Александра II.

Литература:

1. Данилов, Д.Д. Лорис-Меликов: карьера «парадоксального диктатора» / Д.Д. Данилов // Вопросы истории. – 1998. – №11/12. – С. 145-150.
2. Зайончковский, П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 – 1880-х годов / П.А. Зайончковский. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1964. – 512 с.
3. Итенберг, Б.С. Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники / Б.С. Итенберг, В.А. Твардовская. – М.: Центрполиграф, 2004. – 687 с.
4. Конституция гр. Лорис-Меликова. – Лондон: Фонд русской вольной прессы, 1893. – 43 с.
5. Кошелев, А.И. Записки (1812-1883 годы) / А.И. Кошелев. – М.: Наука, 2002. – 477 с.
6. Краткий очерк жизни и деятельности А.Д. Градовского // Градовский, А.Д. Собрание сочинений / А.Д. Градовский. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. – Т. 9. – С. I-CLII.
7. Мамонов, А.В. Граф М.Т. Лорис-Меликов и формирование правительственной политики в 1880-1881 гг. / А.В. Мамонов // Петр Андреевич Зайончковский. Сб. статей и воспоминаний к столетию историка. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 592-607.
8. Мамонов, А.В. Граф М.Т. Лорис-Меликов: к характеристике взглядов и государственной деятельности / А.В. Мамонов // Отечественная история. – 2001. – №5. – С. 32-50.
9. Милютин, Д.А. Дневник. 1879-1881 / Д.А. Милютин / Под ред. Л.Г. Захаровой. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 491-504.
10. Несколько слов по поводу вопросов злобы дня // Отечественные записки. – 1880. – № 9. Отд.2. – С. 140-142.
11. Первые недели царствования Александра Третьего. Письма К.П. Победоносцева из Петербурга в Москву к Е.Ф. Тютчевой // Русский архив. – 1907. – № 5. – С. 89-102.
12. Перетц, Е.А. Дневник (1880-1883) / Е.А. Перетц. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 512 с.
13. Письмо К.Д. Кавелина к графу М.Т. Лорис-Меликову 19 февраля 1880 г. // Русская мысль. – 1906. – № 5. Отд.2. – С. 31-37.
14. Половцов, А.А. Дневник государственного секретаря / А.А. Половцов: в 2 т. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – Т. 1. – 605 с.
15. Половцов, А.А. Дневники. 1859-1882 / А.А. Половцов: в 2 т. – М.: Фонд «Связь Эпох», 2022. – Т. 2. – 848 с.
16. Салтыков, К.М. Интимный Щедрин / К.М. Салтыков // Известный М.Е. Салтыков (Н. Щедрин). Воспоминания. Письма. Стихи / Сост. Е.Н. Строганова. – М.: Дарь, 2023. – С. 71-151.
17. Томсинов, В.А. Конституционный вопрос в России в 60-х – начале 80-х годов XIX века / В.А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2013. – 336 с.
18. Твардовская, В.А. Александр Дмитриевич Градовский: научная и политическая карьера российского либерала / В.А. Твардовская // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 40-51.
19. Твардовская, В.А. От редакции. [Рец. на ст. А.В. Мамонова] / В.А. Твардовская // Отечественная история. – 2001. – № 5. – С. 50-53.
20. Уткин, А.А. «Конституционный проект» К.Д. Кавелина / А.А. Уткин // Сто лет российского парламентаризма: история и современность: Материалы междунауч.-практ. конф. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2006. – С. 69-72.
21. Уткин, А.А. Конституционные взгляды Д.А. Милютина / А.А. Уткин // В мире научных открытий. Социально-гуманитарные науки. – 2015. – № 9. – С. 40-47.
22. Чернуха, В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. / В.Г. Чернуха. – Л.: Наука, 1978. – 248 с.

Об авторе:

Уткин Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, свободный исследователь, г. Елабуга, Россия, aawatkins@list.ru

About the author:

Aleksey A. Utkin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Freelance Researcher, Yelabuga, Russia

УДК 37.035.6

Хамматуллина А.М., Сагитова И.Ф.

Алмаз Хамматуллин: история мужества и героизма

Данная статья посвящена памяти Алмаза Марсельевича Хамматуллина, погибшего в ходе контртеррористической операции на Северном Кавказе в 2002 г. Изложена биография героя от школьных лет и до службы в Вооружённых Силах РФ и участия в боевых действиях. Описаны обстоятельства героической гибели Алмаза, который пытался спасти товарищей, рискуя собственной жизнью. Статья служит напоминанием о цене воинского долга и воплощает понятие мужества как осознанного выбора действовать вопреки страху.

Ключевые слова: мужество, ответственность, воинский долг, героизм, контртеррористическая операция, Чеченская Республика, боевые действия, самопожертвование.

Alsu M. Khammatullina, Irina F. Sagitova

Almaz Khammatullin: a Story of Courage and Heroism

This article is dedicated to the memory of Almaz Marselevich Khammatullin, who died during the counter-terrorism operation in the North Caucasus in 2002. The biography of the hero from school years to service in the Armed Forces of the Russian Federation and participation in combat operations is described. The circumstances of the heroic death of Almaz, who tried to save his comrades, risking his own life, are described. The article serves as a reminder of the price of military duty and embodies the concept of courage as a conscious choice to act against fear.

Keywords: courage, responsibility, military duty, heroism, counter-terrorism operation, Chechen Republic, combat operations, self-sacrifice.

Согласно словарю С.И. Ожегова, мужество – это храбрость, присутствие духа в опасности [2, с. 93]. Действительно, с данным определением невозможно не согласиться, ведь мужество – это поступок, требующий невероятной внутренней силы и самоотдачи, способность смотреть в лицо опасности и не терять присутствия духа и верности долгу. Истинная отвага проявляется не в безрассудной браваре, а в осознанном выборе действовать, несмотря на страх. Она рождается из чувства ответственности за родных, за товарищей, за свою землю. Именно эти качества превращают обычного человека в настоящего героя, чьё имя навсегда останется в памяти поколений. Данная статья посвящена подвигу Алмаза Хамматуллина, который ушёл защищать Родину, но так и не вернулся домой. Его история – не просто рассказ о воинской доблести, но и напоминание о той высокой цене, которую платят защитники Отечества.

Алмаз Марсельевич Хамматуллин родился 3 сентября 1983 г. в селе Николо-Березовка Краснокамского района Республики Башкортостан. Школьные годы провёл в Николо-Березовской средней школе, где окончил 9 классов. С детства Алмаз отличался ответственностью, дисциплинированностью и активностью. Он с уважением относился к старшим, легко находил общий язык с окружающими и потому пользовался искренней любовью и уважением друзей и педагогов. В 1998 г., завершив школьное обучение, поступил в училище, где освоил профессию электрогазосварщика, и вновь не остался в стороне от общественной жизни: активно участвовал в жизни училища и неоднократно был отмечен грамотами и дипломами за успехи и инициативность [4, с. 265]. После окончания училища, Алмаз всё лето проработал с отцом на стройке, именно отец привил ему навыки плотничества и азы строительства – ценный практический опыт, который юноша охотно осваивал.

Согласно приказу Министерства обороны Российской Федерации от 25 сентября 2001 г. № 400, в период с октября по декабрь 2001 г. проводился призыв граждан РФ в Вооружённые силы РФ от 18 до 27 лет, не пребывающих в запасе и подлежащих призыву согласно Федеральному закону «О воинской обязанности и военной службе». Поначалу повестка долго не приходила Алмазу, но уже 10 ноября его вызвали в военкомат, где вручили повестку с призывом на 30 ноября. С 7 декабря 2001 г. по 22 мая 2002 г. он проходил службу в поселке Мулино Нижегородской области Володарского района в мотострелковой дивизии, где был курсантом в/ч 06709 СВ МВО. В апреле 2002 г. родители съездили к нему в Нижний Новгород и провели с ним двое суток, впоследствии оказалось, что это была их последняя встреча. По окончании данного учебного подразделения Алмаз стал механиком-водителем в/ч 64684 СВ СКВО мотострелкового полка [6, с. 50]. Далее, сдав отлично тесты на выносливость, он был уже в Чечне, в той же войсковой части 64684. В Чечне он попал в село Энгеной Ножай-Юртовского района Шалинского округа, где уже шли сильные бои. В Чеченской республике установился режим Джохара Дудаева и даже после подписания Хасавюртовского соглашения, мира не наступило [5, с. 145]. С 1999 г. шла вторая Чеченская война, которая к 2002 г. продолжалась более трех лет и официально называлась она – контртеррористической операцией на Северном Кавказе. Из Чечни родителям Алмаза пришло всего три письма, и в каждом из них он писал, что там нет войны и, что у него всё хорошо, хотя на протяжении всего этого времени он неоднократно принимал участие в боевых действиях.

О гибели Алмаза родителям сообщили 25 ноября 2002 г., а погиб он 22 ноября в результате взрыва самоходной артиллерийской установки САУ 2С3М бортовой № 825. Вторая гаубичная самоходная артиллерийская батарея 2 ГСАБ

первого артиллерийского дивизиона в/ч 64684 дислоцировалась в районе н. п. Энгеной Ножай-Юртовского района, Чеченской Республики. В роковой день, 22 ноября 2002 г., батарея выполняла огневые задачи по указанию группы, а именно комплексного огневого поражения противника. Ход событий был следующий: в 12:20 батарея открыла огонь по целям в районе н. п. Гансолчу, а в 12:30 при досылании 12 снаряда в САУ № 825 произошло возгорание от предыдущего выстрела в камере орудия. При этом старший лейтенант Д. С. Лебзин, не зная о наличии боеприпасов, крикнул «Несите воды!» и повёл часть личного состава к горящей САУ. Учитывая то, что Алмаз был механиком-водителем на него пришелся больший удар, поскольку именно на нём лежала задача отогнать уже горящий танк от других, тем самым спасти своих товарищей, однако довести дело до конца не удалось и САУ взорвалась. Вместе с Алмазом погибли и его сослуживцы, а именно: старший лейтенант Д. С. Лебзин, младший сержант А. С. Горбачёв, рядовой А. Ю. Меркурьев, младший сержант И. А. Павленко, рядовые А. А. Хафизов, Ч. А. Оюн, Р. И. Юнусов, В. В. Яковлев, М.А. Никоненко.

Дни ожидания были самыми тяжёлыми, поскольку опознание шло очень долго. Только 30 декабря 2002 г. тело Алмаза было привезено на Родину. Указом Президента Российской Федерации от 23 апреля 2007 г. Хамматуллин Алмаз Марсельевич был награждён медалью «За отвагу» (посмертно) [1, с. 10].

История Алмаза Хамматуллина – наглядное воплощение того, что называется мужеством. Его жизненный путь от сельского мальчишки до героя демонстрирует то, что истинная отвага проявляется в ответственности и дисциплине. Когда пришёл час службы, он не уклонился и не отступил, даже оказавшись в зоне боевых действий. В письмах домой скрывал правду о войне, оберегая родителей от тревоги. А в последний день своей жизни, рискуя собой, пытался спасти товарищей – это и есть высшее проявление мужества.

Его судьба напоминает нам о том, что настоящие герои – обычные люди, которые в час испытаний делают то, что должны. И пока мы помним таких, как Алмаз, жива не только их память – жива та внутренняя сила, которая делает нас людьми.

Формирование исторической памяти, патриотического чувства, верности, долга – все это комплексная и системная работа, которая имеет общественно-государственное значение.

В 2022 г. на фасаде здания муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа с. Николо-Березовка» Муниципального района Краснокамский район Республики Башкортостан, где учился Алмаз, открыли мемориальную доску [3].

В 2023 г. в Николо-Березовской школе «Парту Героя» открыли в честь Алмаза. Данный проект посвящён тем, кто проявил мужество и героизм, защищая Родину. Право сидеть за такой партией получают ученики, показывающие хорошие результаты в учебе, спорте, общественной жизни школы. «Парта героя» – это символ памяти и уважения к подвигам наших соотечественников.

Современное патриотическое воспитание на примере таких героев, как Алмаз Хамматуллин, становится мощным инструментом формирования у детей и подростков уважительного отношения к истории Отечества, героическому прошлому и настоящему нашей страны, героям боевых действий и доблестного труда на примере участников локальных войн и ветеранов труда.

Таким образом, память о героях – это не архив прошлого, а источник внутренней силы, способствующей прогрессу нации.

Литература:

1. Давлетова, А. Во имя мир, ценою жизни: Альбом / А. Давлетова // Краснокамская детская районная библиотека. – 2019. – С. 1-15.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка (М-О) / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова // Издательство «Азъ». – 1992. – Том № 3. – С. 92.
3. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 27.02.2023 № 77 «О присвоении имен Героя Советского Союза Хасанова Сафы Хузямовича и выдающихся деятелей Республики Башкортостан общеобразовательным организациям Республики Башкортостан и об установке мемориальных досок участникам специальной военной операции, погибшим при исполнении воинского долга, на фасадах зданий общеобразовательных организаций Республики Башкортостан», Приложение № 2. Архив документов Республики Башкортостан. URL: <https://bashkor-gov.ru/doc/85811?ysclid=milgh1il9e115681671> (дата обращения: 28.11.2025).
4. Тряскин, П.К. Краснокамский район Республика Башкортостан / П.К. Тряскин, Р.Б. Файзрахманов // Энциклопедическое издание. – 2005. – С. 135-284.
5. Цекатунова, Л.Б. Чеченский кризис / Л.Б. Цекатунова // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 11. – С. 145-147.
6. Шакиров, А. Всё для фронта, всё для победы / А. Шакиров // Литературно-художественное издание. – 2015. – С. 50.

Об авторах:

Хамматуллина Алсу Марселевна, студент, Нефтекамский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Нефтекамск, Россия, khammatullina.04@mail.ru

Сагитова Ирина Фаритовна, старший преподаватель, Нефтекамский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Нефтекамск, Россия, irinas5@rambler.ru

About the authors:

Alsu M. Khammatullina, Student, Neftekamsk Branch of the Ufa University of Science and Technology, Neftekamsk, Russia

Irina F. Sagitova, Senior Lecturer, Neftekamsk Branch of the Ufa University of Science and Technology, Neftekamsk, Russia

ISSN 2713-2730

9 772713 273002 >